

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 1 (61)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2026**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пащенко Д. А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
<i>Дорская А. А.</i> зам. главного редактора	доктор юридических наук, профессор (СЗФРГУП)
<i>Беляева О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Борисова Н. Е.</i>	доктор юридических наук, профессор (Ассоциация историков права)
<i>Диноршоев А. М.</i>	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
<i>Ефимова О. В.</i>	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
<i>Ибраева А. С.</i>	доктор юридических наук, профессор (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби)
<i>Иларио Претелли</i>	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
<i>Мартынченко И. Э.</i>	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
<i>Мкртумян А. Ю.</i>	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
<i>Ростокинский А. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Рыбаков О. Ю.</i>	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
<i>Сауляк О. П.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Серова О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
<i>Смирнов Л. Б.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Черногор Н. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Честнов И. Л.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
<i>Шевелева С. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
<i>Андреянова Н. Н.</i> ответственный редактор	кандидат юридических наук (МГПУ)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Амельчя Ю. А.</i> Государственные закупки как межотраслевой институт в праве Республики Беларусь	7
<i>Дорская А. А., Дорский А. Ю., Орлова И. А.</i> Роль религиозных организаций в становлении и развитии международного гуманитарного права	16
<i>Исаев И. А.</i> Трансформация государственной идеи на рубеже Нового времени: суверенитет, централизация, империя	28
<i>Степанов М. М.</i> Генезис и сущность советской милиции.....	36

Публичное право

<i>Ладнушкина Н. М.</i> Обеспечение соответствия образовательных программ российскому законодательству: правовой анализ рисков и рекомендации	44
<i>Мишустин С. С., Чернокожев Д. В., Шаврова Т. Н.</i> Медицинская реабилитация взрослых: проблемы и перспективы правового регулирования	52
<i>Четвергов Д. С.</i> Цифровая валюта центральных банков в рамках правовой классификации денег	63
<i>Шульга С. В.</i> Международно-правовой фактор развития российского законодательства в XIX столетии и начале XX века	76

Частное право

<i>Емелина Л. А., Яворский С. А.</i> Правовая природа права пользования жильем несовершеннолетнего после расторжения брака родителей	85
--	----

Трибуна молодых ученых

- Масленников С. Е.* О некоторых вопросах признания в иностранных юрисдикциях решений российских судов о введении процедур банкротства в отношении иностранных физических и юридических лиц..... 99
- Сальникова А. А.* Организация профессиональной подготовки фабрично-заводской полиции в России в конце XIX – начале XX в. 106

Критика. Рецензии. Библиография

- Ломакина И. Б.* Рецензия на книгу: Малышева Н. И., Троцинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. 197 с. 116

Научная жизнь

- Бабаева Ю. Г., Пащенко С. В.* Обзор Всероссийской научной конференции «Государство и общество: роль выдающихся государственных деятелей в сохранении российской государственности (к 200-летию восстания декабристов и воцарения Николая I)» 124

- Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2026, № 1 (61)..... 129**

- Требования к оформлению статей..... 133

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Amelchenya Yu. A.</i> Public Procurement as an Intersectoral Institution in Belorussian Law	7
<i>Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu., Orlova I. A.</i> The Role of Religious Organizations in the Formation and Development of International Humanitarian Law	16
<i>Isaev I. A.</i> Transformation of the State Idea at the Turn of Modern Times: Sovereignty, Centralization, Empire	28
<i>Stepanov M. M.</i> Genesis and Essence of the Soviet Militia	36

Public Law

<i>Ladnushkina N. M.</i> Ensuring the Compliance of Educational Programs with Russian Legislation: Legal Analysis of Risks and Recommendations.....	44
<i>Mishustin S. S., Chernokozhev D. V., Shavrova T. N.</i> Medical Rehabilitation of Adults: Problems and Prospects	52
<i>Chetvergov D. S.</i> Central Banks' Digital Currency within the Legal Classification of Money.....	63
<i>Shulga S. V.</i> The International Law Factor for the Russian Legislation Development in the XIX Century and at the Beginning of the XX Century	76

Private Law

<i>Emelina L. A., Yavorsky S. A.</i> Legal Nature of the Right of Use a Minor's Housing after the Dissolution of the Parents' Marriage.....	85
--	----

Tribune of Young Scientists

- Maslennikov S. E.* On Some Issues of Recognition in Foreign Jurisdictions of Decisions of Russian Courts on the Introduction of Bankruptcy Proceedings in Respect of Foreign Individuals and Legal Entities 99
- Salnikova A. A.* Organization of Professional Training for Factory Police in Russia in the Late XIX – Early XX Century 106

Criticism. Reviews. Bibliography

- Lomakina I. B.* A Book Review: Malysheva N. I., Troshchinsky P. V. The Law of the People’s Republic of China: Theoretical and Legal Aspect: Training Manual. SPb.: Publishibg House of St. Peterburg. University, 2022. 197 p..... 116

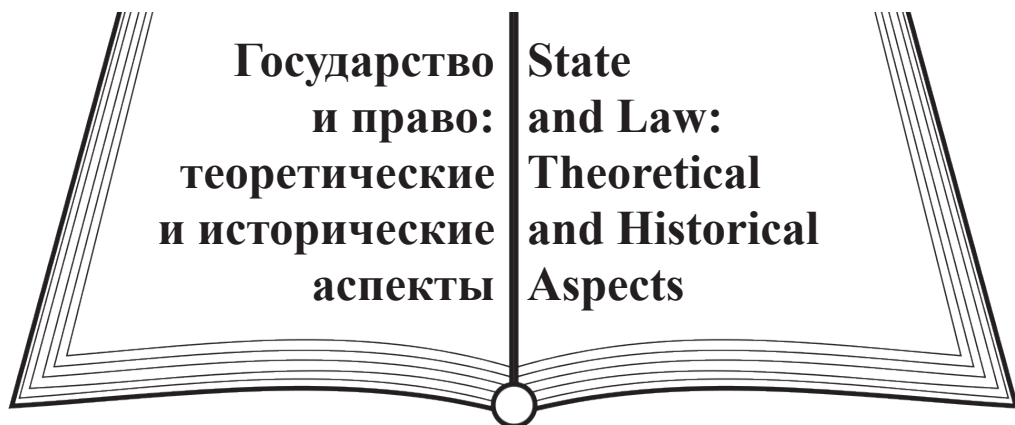
Scientific Life

- Babayeva Yu. G., Pashentseva S. V.* Review of the All-Russian Scientific Conference «The State and Society: the Role of Prominent Statesmen in Preserving Russian Statehood (on the 200th Anniversary of the Decembrist Uprising and the Accession of Nicholas I)» 124

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2026, № 1 (61)..... 129

Requirements for Style Articles 133

УДК 346.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-7-15

Ю. А. Амелъченя

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
Минск, Беларусь,
amelchenya@center.gov.by

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Целью статьи является: уяснение отраслевой принадлежности государственных закупок как объекта правового регулирования; уточнение отношений, регулируемых законодательством о государственных закупках; научное осмысление распространения законодательства о государственных закупках на отношения, не входящие в круг регулируемых таким законодательством. В статье приведены подходы к природе государственных закупок, их отраслевой принадлежности и аргументирован их межотраслевой характер. Выделены группы общественных отношений, которые охватывает институт государственных закупок: бюджетные отношения, отношения управленческого, организационного и частноправового характера.

Ключевые слова: государственные закупки; межотраслевой институт; правовой режим государственных закупок; право Евразийского экономического союза; заказчик; закупки.

UDC 346.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-7-15

Yu. A. Amelchenya

National Center of Legislation
and Legal Information of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus,
amelchenya@center.gov.by

PUBLIC PROCUREMENT AS AN INTERSECTORAL INSTITUTION IN BELORUSSIAN LAW

Abstract. The purpose of the article is: to clarify the sectoral affiliation of public procurement as an object of legal regulation; to clarify the relations regulated by legislation on public procurement; scientific understanding of the extension of legislation on public procurement to relations not included in the circle regulated by such legislation. The article presents approaches to the nature of public procurement, their industry affiliation and their cross-sectoral nature. The groups of public relations that the institute of public procurement covers are highlighted: budgetary relations, managerial, organizational and private law relations.

Keywords: public procurement; intersectoral institute; legal regulation of public procurement; Eurasian economic union law; contracting authority; procurement.

Введение

Отношения, составляющие систему государственных закупок, разнообразны: наряду с процедурными правилами их организации и проведения присутствуют частноправовые отношения, наличествует публично-правовой элемент, опосредованный фактом использования бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов для приобретения товаров (работ, услуг). В этой связи в доктринальном значении важно определить место государственных закупок в системе права — какие именно отношения охвачены соответствующим правовым регулированием. Кроме того, тенденции развития национального законодательства о государственных закупках свидетельствуют о распространении его действия на иные отношения. Целью настоящей статьи является уяснение отраслевой принадлежности государственных закупок как объекта правового регулирования; уточнение отношений, регулируемых законодательством о государственных закупках; научное осмысление распространения законодательства о государственных закупках на отношения, не входящие в круг регулируемых таким законодательством.

Методы исследования

В исследовании применяются системный и сравнительно-правовой методы.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности темы

Признаваемая научным сообществом разнородность отношений в сфере государственных закупок послужила предпосылкой для различных подходов исследователей к их природе. Среди них можно выделить рассмотрение государственных закупок как элемента сферы публичного права (административной процедуры или специального финансового механизма); элемента сферы частного права (совокупности гражданско-правовых сделок); как социального явления двойственной природы.

В рамках первого подхода государственные закупки выступают публичным институтом [6, с. 49; 13, с. 43]. По мнению ряда ученых, в таком случае они представлены административными процедурами, включающими стадии планирования закупок, определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключения и исполнения контрактов [10, с. 8]. Другие исследователи считают государственные закупки частью бюджетной политики государства [1, с. 8] и институтом финансового права [10, с. 8; 12, с. 8].

Для второго подхода характерно рассматривать процесс определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) как совокупность гражданско-правовых сделок, направленных на предоставление физическим и юридическим лицам права удовлетворить государственные нужды [7, с. 8]. Некоторые исследователи (например, В. А. Анисимов, А. В. Демкина) обратили внимание на гражданско-правовое содержание процедур государственных закупок в разных аспектах.

Ученые, придерживающиеся третьего подхода, отстаивают двойственный характер отношений, возникающих в сфере государственных закупок (Е. П. Чорновол [11], О. И. Дерюшева [4, с. 194–197]), но расходятся во взглядах, какой из элементов государственных закупок является публично-правовым.

Плюрализм мнений относительно правовой природы отношений в сфере государственных закупок, соотношения и роли в них публичных и частных элементов привел к тому, что в теории государственных закупок отсутствует единый подход к их отраслевой принадлежности.

Основное исследование

Для государственных закупок представляется бесспорным наличие норм разных отраслей права, в первую очередь гражданского, бюджетного, административного, регулирующих взаимосвязанные родственные отношения¹ «через их сложную взаимосвязь и иерархическую интеграцию»², где «сочетаются

¹ Рагулин А. В. «Профессиональные права адвоката-защитника»: формулирование определения понятия // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 21–25.

² Кикавец В. В., Цареградская Ю. К. Финансовый контроль публичных закупок в Российской Федерации. М.: Проспект, 2024. 208 с.

публично-правовые и частноправовые элементы»³. В рассуждениях о месте государственных закупок в системе права наиболее верным видится их понимание как межотраслевого института, в рамках которого совокупность правил организована «вокруг одной главной идеи» [3, с. 313].

Такой межотраслевой институт охватывает следующие группы отношений.

1. **Бюджетные отношения:** публичное содержание ввиду задействования бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов для исполнения обязательств по оплате по договору государственной закупки; информационное обеспечение (взаимодействие электронных торговых площадок, далее — ЭТП); товарная биржа; государственная информационно-аналитическая система управления государственными закупками (далее — ГИАС) и автоматизированная система финансовых расчетов Министерства финансов Республики Беларусь [5, с. 4]); контроль за использованием таких средств, применение мер ответственности за нарушение бюджетного законодательства.

2. **Отношения управленческого содержания:** организация процесса рассмотрения жалоб Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее — МАРТ) (ст. 52–53 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-3 «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», далее — Закон); осуществление контроля в данной сфере и применение мер административной ответственности за нарушение законодательства о государственных закупках; наличие компетенции на включение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок [1, с. 111; 2]; наличие компетенции МАРТ на разъяснение законодательства о государственных закупках (ст. 10 Закона), обеспечение функционирования ГИАС и ЭТП (ст. 6, 20 Закона).

3. **Отношения организационного содержания.** Они охватывают планирование государственных закупок (ст. 19 Закона), виды процедур государственных закупок (ст. 18 Закона), правила их организации и проведения, требования к участникам процедур (ст. 16, 16-1, 29 Закона), требования к предмету государственной закупки и содержанию документов, опосредующих осуществление государственных закупок, к порядку ведения делопроизводства.

4. **Отношения частноправового содержания.** Они связаны с заключением, исполнением, изменением и расторжением договора государственной закупки, иных договоров, опосредующих осуществление государственных закупок (вспомогательные договоры), заключение которых предусмотрено законодательством для создания условий функционирования системы государственных закупок. Заметим, что заключение договора и преддоговорные отношения, опосредованные проведением процедур государственных закупок, отличает их структурирование в рамках гражданско-правового порядка заключения договора, подчиненного тем не менее законодательству о государственных закупках. Так, представляется,

³ Андреева Л. В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2009. 282 с.

что правоотношения, возникающие в ходе конкурентных процедур государственных закупок, формируют сложный юридический состав — совокупность юридических фактов, необходимую для возникновения правовых последствий. Такой состав включает: 1) приглашение делать оферты в виде размещаемых заказчиком (организатором) на ЭТП документов для подготовки предложений участников; 2) оферту, представленную предложениями участников процедуры, в составе которой имеется заявление о согласии заключить договор; данное заявление квалифицируется как одностороннее юридически значимое действие; 3) условный акцепт заказчиком (организатором) предложения участника-победителя; 4) новую оферту в виде сформированного заказчиком проекта договора; условия оферты определены по результатам проведения процедуры государственных закупок, она связывает обе стороны (заказчика и участника-победителя) обязанностью заключить ее на основании добровольно принятого обязательства; 5) акцепт при подписании участником-победителем проекта договора на ЭТП электронной цифровой подписью. Заключение договора по результатам конкурентных процедур государственных закупок осуществляется при обеспечении конкуренции и действии антимонопольных требований к закупкам.

Ввиду вышеизложенного, по нашему мнению, нет необходимости применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) о заключении договора по результатам проведения торгов (ст. 417–419 ГК) к отношениям, возникающим при проведении конкурентных процедур государственных закупок. Более того, мы полагаем, что необходимо изменение п. 5 ст. 417 ГК с установлением правила о неприменении правил о заключении договора по результатам проведения торгов, предусмотренных ГК, для договоров государственной закупки, подпадающих под действие законодательства о государственных закупках и регламентов операторов ЭТП (по аналогии с тем, как это реализовано в действующей норме ч. 3 п. 5 ст. 417 ГК применительно к заключению договоров на бирже в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность такой биржи, и (или) правилами, действующими на ней).

Кроме того, диалектическая связь проведенной процедуры государственной закупки и договора государственной закупки позволяет рассматривать условия предложения участника-победителя, а также условия, предложенные участником процедуры закупки из одного источника, в свете ст. 401-2 ГК как заверения в обстоятельствах с дальнейшим применением предусмотренных законодательством последствий.

Также группу частноправовых отношений составляют охранительные отношения, в которых реализуется защита прав и законных интересов участников отношений (ст. 51, 52–53, 56 Закона).

Обозначенные выше общественные отношения в сфере государственных закупок обладают общим признаком⁴ и преобразуются ввиду выполнения системой

⁴ Губарева А. В. Внешнеэкономическое право как межотраслевой институт российского права // Российский юридический журнал. 2013. № 6 (93). С. 145–150.

государственных закупок своего функционального назначения наряду с сопутствующими целями (экономическими, экологическими, социальными).

Вместе с тем выявлена и теоретически обоснована отличительная особенность государственных закупок, когда соответствующее законодательство применяется в отсутствие бюджетного финансирования и заказчика в значении, используемом в Законе, то есть когда формально условия применения законодательства о государственных закупках отсутствуют. Это возможно в силу ч. 2 п. 1 ст. 2 Закона, позволяющей распространять действие законодательства о государственных закупках на иные отношения.

К таким случаям относятся:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2020 г. № 437 «О ведении лесного хозяйства и реализации древесины», устанавливающий обязательность применения законодательства о государственных закупках для юридических лиц, ведущих лесное хозяйство, если они используют при покупке плату за лесопользование, а также суммы пеней (пп. 1.8 п. 1 названного Указа).

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2024 г. № 1034 «О государственных закупках медицинских изделий, лекарственных средств и лечебного питания», которым закреплены особенности осуществления государственных закупок на двухлетний период. Такие особенности содержат возможность заключения договора государственной закупки не заказчиком, а организатором из числа предусмотренных названным постановлением. Оплата по таким договорам организаторами за счет бюджетных средств не производится. Впоследствии отношения между заказчиками и организатором регулируются договором поставки или комиссии (поручения), заключаемым без проведения процедуры государственной закупки.

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2020 г. № 388 «Об обращении с отходами товаров и упаковки», на основании которого применяется законодательство о государственных закупках при закупках товаров (работ, услуг) для строительства (в том числе реконструкции, модернизации) объектов за счет денежных средств, поступающих на специальный счет государственного учреждения «Оператор вторичных материальных ресурсов».

Наличие названных случаев распространения законодательства о государственных закупках на иные отношения демонстрирует стремление законодателя к их регламентации по правилам государственных закупок. Подобная особенность национального правового регулирования государственных закупок ставит вопрос: сохраняются ли публичные элементы в указанных сферах, где отсутствует как бюджетное финансирование, так и сам «заказчик» в качестве получателя бюджетных средств?

Ответ очевиден: даже отсутствие бюджетного финансирования позволяет государственным закупкам функционировать, при этом сами государственные интересы при расширении сфер отношений, охватываемых законодательством

о государственных закупках, не искажаются. Вывод из данного тезиса следующий: государственные закупки как система самодостаточны, выстроены в русле обеспечения эффективности использования средств, приобретаемых товаров (работ, услуг).

Таким образом, в общем значении государственные закупки рассматриваются как межотраслевой институт, сочетающий частно- и публично-правовые нормы. В отсутствие бюджетного финансирования может тем не менее возникнуть специфика регулирования некоей сферы общественных отношений [9, с. 162], формирующая, по нашему мнению, «правовой режим регулирования» или «правовой режим государственных закупок», который состоит в том, что публично-правовые нормы (бюджетные) не применяются для регулирования таких отношений. Иными словами, для государственных закупок в отсутствие бюджетных средств специфика правового регулирования будет состоять в неприменении бюджетного законодательства для регулирования соответствующих отношений и неприменении мер ответственности за его нарушение (если законодательством не установлено иное), также нет необходимости предварительного резервирования бюджетных средств в их отсутствие.

В теоретическом осмыслении С. С. Алексеев отмечал, что правовой режим «может включать все способы, методы, типы, но в различном их сочетании»⁵ как особый порядок правового регулирования. При этом правовой режим очевидно санкционирован законодателем и может использоваться с применением различного правового инструментария [8, с. 80–81].

Особенность в виде появления правового режима государственных закупок непосредственно вытекает из норм права Евразийского экономического союза. В приложении № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Протокол о порядке регулирования закупок, п. 2), в содержании категорий «заказчик» и «закупки» закреплена компетенция государства-члена распространить в своем национальном законодательстве соответствующее регулирование на отношения, в которых отсутствует элемент публичности (бюджетно-правовые интересы), но при этом государственный интерес состоит в необходимости расходования иных, небюджетных средств по правилам законодательства о государственных закупках.

Результаты исследования

Государственные закупки можно определить как межотраслевой институт, охватывающий частно- и публично-правовые нормы. Распространение предписаний законодательства о государственных закупках на отношения, для которых нехарактерно использование бюджетных средств, формирует

⁵ Алексеев С. С. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов // Библиотека юриста. URL: <https://web.archive.org/web/20090124013003/http://lawbook.by.ru/theory/alexeev/cont.shtml> (дата обращения: 27.05.2025).

«правовой режим государственных закупок». Целесообразность такого режима обусловлена содержанием правового регулирования государственных закупок, обеспечивающего системность при проведении процедур, транспарентность размещаемой по процедурам информации, более высокий стандарт защиты прав потенциальных участников и участников процедур государственных закупок, неизменность определенных условий договора государственной закупки, ответственность (если законодательством не установлено иное), наличие мер, исключающих коррупционные проявления, способствующих эффективности использования средств, создающих условия для конкуренции и исключающих субъективные неадминистрируемые требования к участникам процедур, к предмету государственной закупки. Благодаря аргументированному «правовому режиму государственных закупок» пределы правового регулирования нормами государственных закупок как межотраслевого института расширяются за счет охвата отношений, которые изначально не подпадают под действие последнего.

Список источников

1. Амелъчя Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок. Минск: Колорград, 2021. 343 с.
2. Беляева О. А. Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков // Журнал российского права. 2018. № 4 (256). С. 54–63.
3. Бертель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000. 576 с.
4. Дерюшева О. И., Железнякова Е. А. Гражданско-правовые основы закупок товаров, выполнения работ и оказания возмездных услуг для нужд уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 3 (231). С. 194–197.
5. Запольский А. В. Развитие системы государственных закупок в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Минск, 2023. 23 с.
6. Коновалова З. А. Проблемы правового регулирования в сфере закупок // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 3. С. 45–50.
7. Курц Н. А. Заключение договоров о государственных и муниципальных закупках: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2013. 24 с.
8. Соловьева О. А. Партисипативное управление как особый административно-правовой режим предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 80–89.
9. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 495 с.
10. Фамиева К. И. Административные процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контрактной системе: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Челябинск, 2014. 21 с.
11. Чорновол Е. П. Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Право и Экономика. 2015. № 4.

12. Юдин В. А. Бюджетно-правовая природа контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. М., 2021. 22 с.

13. Юдин В. А. Контрактная система в сфере закупок как средство обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. 2021. № 5. С. 42–46.

References

1. Amelchenya Yu. A. Sistema dogovorov v sfere gosudarstvennyh zakupok. Minsk: Kolorgrad, 2021. 343 s.

2. Belyaeva O. A. Delovaya reputatsiya uchastnikov korporativnyh zakupok v kontekste reestra nedobrosovestnyh postavshnikov // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 4 (256). S. 54–63.

3. Berzhel Zh.-L. Obshhaya teoriya prava / pod obshh. red. V. I. Danilenko. M.: Nota Bene, 2000. 576 s.

4. Deryusheva O. I., Zheleznyakova E. A. Grazhdansko-pravovye os-novy zakupok tovarov, vypolneniya rabot i okazaniya vozmezdnyh uslug dlya nuzhd ugolovno-ispolnitelnoj sistemy Rossijskoj Federatsii // Agrarnoe i zemelnoe pravo. 2024. № 3 (231). S. 194–197.

5. Zapolskij A. V. Razvitie sistemy gosudarstvennyh zakupok v Respublike Belarus: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05. Minsk, 2023. 23 s.

6. Konovalova Z. A. Problemy pravovogo regulirovaniya v sfere zakupok // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2024. T. 20, № 3. S. 45–50.

7. Kurts N. A. Zaklyuchenie dogovorov o gosudarstvennyh i muni-tsipalnyh zakupkah: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. M., 2013. 24 s.

8. Solovyeva O. A. Partisipativnoe upravlenie kak osobyj ad-ministrativno-pravovoj rezhim predprinimatelskoj deyatelnosti // Ak-tualnye problemy rossijskogo prava. 2019. № 9 (106). S. 80–89.

9. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. V. D. Perevalov; 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 495 s.

10. Famieva K. I. Administrativnye protsedury zakupok dlya gos-udarstvennyh i muni-cipalnyh nuzhd v usloviyah perehoda k kontraktnoj sisteme: avtoref. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. Chelyabinsk, 2014. 21 s.

11. Chornovol E. P. Ponyatie kontraktnoj sistemy Rossii v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i munitsipalnyh nuzhd // Pravo i Ekonomika. 2015. № 4.

12. Yudin V. A. Byudzhethno-pravovaya priroda kontraktnoj sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i munitsipalnyh nuzhd: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.04. M., 2021. 22 s.

13. Yudin V. A. Kontraktная система в сфере закупок как средство обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. 2021. № 5. С. 42–46.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 341.31

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-16-27

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
adorskaya@yandex.ru

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
dorski@yandex.ru

И. А. Орлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
innaorlova@yandex.ru

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении тех идей и форм, которые использовали религиозные организации в периоды вооруженных конфликтов для защиты различных корпораций и групп населения.

Выделены основные этапы влияния религиозных организаций на становление и развитие принципов и норм международного права: разновекторные процессы эпохи Средневековья, развитие идеи государственного суверенитета, понимаемого как независимость государственной власти от религиозной, и закрепление такого понимания на Вестфальском конгрессе 1648 г.; становление норм международного гуманитарного права в рамках деятельности Международного комитета Красного Креста и Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг.; участие религиозных организаций в помощи военнослужащим и гражданскому населению в годы Первой мировой войны; отражение религиозного начала в Женевских конвенциях 1949 г.; участие международных религиозных организаций в современных миротворческих операциях и разработке международных документов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; религиозные организации; отрасль международного права; религиозные войны; государственный суверенитет; свобода совести; международные религиозные организации; международные неправительственные организации; вооруженные конфликты.

UDC 341.31

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-16-27

A. A. Dorskaya

Lebedev Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru

A. Yu. Dorsky

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru

I. A. Orlova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation,
innaorlova@yandex.ru

THE ROLE OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Abstract. The purpose of the study is to identify the ideas and forms that religious organizations used during periods of armed conflict to protect various corporations and groups of the population.

The main stages of the influence of religious organizations on the formation and development of the principles and norms of international law are highlighted: the multi-vector processes of the Middle Ages, the development of the idea of state sovereignty, understood as the independence of state power from religious, and the consolidation of such an understanding at the Congress of Westphalia in 1648; the formation of norms of international humanitarian law within the framework of the International Committee of the Red Cross and the Hague Peace Conferences 1899 and 1907; the participation of religious organizations in helping military personnel and civilians during the First World War; the reflection of religious “principles” in the Geneva Conventions of 1949; the participation of international religious organizations in modern peacekeeping operations and the development of international documents.

Keywords: international humanitarian law; religious organizations; branch of international law; religious wars; state sovereignty; freedom of conscience; international religious organizations; international non-governmental organizations; armed conflicts.

Введение

Религия и международное право на протяжении всей истории находились в непосредственной взаимосвязи и взаимодействовали друг с другом в различных формах.

1. Существует точка зрения, что возникновение международного права непосредственно связано с христианством. Такое мнение высказывал, например, известный бельгийский юрист-международник, судья сначала Постоянной палаты международного правосудия, а затем Международного суда ООН Шарль де Вишер [30, р. 4.], к юридическому наследию которого продолжают обращаться современные исследователи [8, с. 47]. Сейчас эта позиция находит большой отклик в мусульманском мире, часть представителей которого считает, что нормы международного права, сформировавшиеся в рамках европейской правовой традиции, отражают именно христианские ценности и не могут считаться универсальными.

2. Несмотря на то что выдающиеся юристы-международники по-разному относились к роли религии в развитии международного права¹, практически все они так или иначе касались вопросов влияния религии на международное право в целом и конкретно на защиту прав военнослужащих и гражданского населения в периоды вооруженных конфликтов [6, с. 115, 137].

Не были исключением и российские дореволюционные юристы-международники [24, с. 24]. Однако в советское время влияние религии на международное право, конечно же, отрицалось. Возвращение к традиции и прорыв в изучении данной тематики начались практически перед распадом СССР, когда в 1990–1991 гг. в журнале «Правоведение» вышло две статьи Ю. Я. Баскина, посвященные влиянию Священного Писания на развитие международного права [2; 3].

3. На международно-правовом уровне раньше, чем на внутригосударственном, возник вопрос о свободе совести, так как прежде всего иностранные купцы пытались придерживаться своих религиозных норм и обрядов. Обращение к данной проблеме в национальных правовых системах начиная с XVIII в. несколько запаздывало по сравнению с международно-правовым регулированием.

4. И для религиозной, и для международной нормативной системы всегда было характерно движение к универсальности. Ф. Ф. Кокошкин, видный специалист в области формировавшегося в начале XX в. конституционного права, отмечал, что союзов, которые имеют свои особые правопорядки, очень много, но важнейшую роль играют только три: государство, церковь и международный союз [16, с. 149]. Отсюда вытекала идея о том, что церковное (каноническое) и международное право представляют собой особые нормативные системы. Причем в государствах, где существуют одна или даже несколько государственных религий, обе эти системы являются правовыми, в других же государствах — нет.

5. В последние годы количество вооруженных конфликтов резко возросло. В 2024 г., по данным Глобального индекса миролюбия, было констатировано

¹ Например, выдающийся швейцарский специалист И. Блунчли считал «освобождение» международного права от религии величайшим достижением [4, с. 25–26], а известный немецкий ученый А. Гартман видел первоначальную причину возникновения и развития международного права в Божественном духе, который вызывал у народов единые правовые убеждения [10, с. 2].

самое большое количество конфликтов в мире с 1946 г. — 56². При этом многие современные конфликты имеют религиозную почву [20; 27], хотя являются скорее национально-религиозными или религиозно-политическими [26, с. 527]. Угроза их эскалации до уровня полномасштабных войн очень высока, а потому для разрешения таких конфликтов должны использоваться международно-правовые нормы и механизмы.

Современное международное гуманитарное право — это закономерный результат развития права войны, которое в XX в. стало называться правом вооруженных конфликтов. Сегодня это отрасль международного права, представляющая собой совокупность международно-правовых норм и принципов, ограничивающих методы и средства ведения войны и регулирующих защиту различных категорий населения — гражданского населения, больных, раненых, военнопленных и т. д. Такой перенос акцентов явился одним из достижений современного мирового сообщества, это стало возможным в том числе благодаря религиозным организациям.

Методы исследования

В основе работы лежит применение общенаучных методов исследования. Использование хронологического метода позволило разработать периодизацию развития международного гуманитарного права, критерием которой стало влияние религиозного фактора на защиту различных категорий населения в периоды вооруженных конфликтов. С помощью описательного метода была дана характеристика основных направлений изучения влияния религиозных организаций на развитие норм международного гуманитарного права. Метод синтеза применялся для составления характеристик различных периодов, а метод анализа позволил выявить особенности каждого этапа. Также в статье использовались специальные методы юридического исследования: формально-юридический (содержание норм международного права, а также документов международных религиозных организаций), сравнительно-правовой (сопоставление отдельных норм международного гуманитарного права разных периодов, выявление специфики влияния религиозных организаций на формирование правовой базы защиты различных категорий населения в периоды вооруженных конфликтов).

Степень научной разработанности темы

Как уже было отмечено, юристы-международники обращались к изучению религиозных организаций как в целом, так и с позиций их роли в развитии

² В мире насчитали самое большое число конфликтов со времен Второй мировой. 11.06.2024 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240611/konflikty-1952184582.html> (дата обращения: 21.09.2025).

норм международного гуманитарного права в разные эпохи. Если обобщить научные работы последних лет, можно выделить следующие направления исследований.

1. Поиск основ международного гуманитарного права в религиозных догматах. В частности, Т. А. Кропотова видит их в христианском учении [17, с. 64]. К. В. Горян показывает различное влияние католической, православной и протестантской церквей на становление норм о защите различных категорий комбатантов и некомбатантов, отмечая, что только протестантизм позволил международному праву отделиться от христианской теологии [12, с. 23–24]. Сюда же можно отнести выявление потенциала религиозных и нравственных норм в развитии международного гуманитарного права и реформировании отдельных его норм и положений на современном этапе [23].

2. Анализ такого явления, как расширение сферы действия международного гуманитарного права, связанного с огромным количеством вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций в мире. В частности, исследователи отмечают, что нормы международного гуманитарного права должны отражать ценность брака, семьи, детства, что невозможно без опоры на религиозные представления и нормы [25].

3. Изучение роли религиозных организаций в развязывании и эскалации вооруженных конфликтов на различных этапах истории человечества [5; 11], а также в формировании в периоды религиозных войн норм, которые затем перешли в правовую сферу.

4. Роль религиозных организаций в реализации свободы совести в период вооруженных конфликтов [1].

5. Выявление значения духовного персонала в периоды вооруженных конфликтов и определение его правового статуса. Поскольку современные исследователи отмечают, что духовенство наравне с медицинскими работниками всегда пытается облегчить физические и духовные страдания комбатантов и некомбатантов во время боевых действий [7, с. 65], возникает закономерный вопрос о необходимости международных договоренностей по данному вопросу.

Однако, несмотря на перечисленные выше работы, проблема влияния религиозных организаций на становление и развитие международного гуманитарного права изучена недостаточно. Это признают исследователи во всем мире [13, с. 254].

Основное исследование

Конкретная помощь пострадавшим от боевых действий оказывалась религиозными организациями на протяжении всей истории человечества. В частности, храмы практически всегда давали убежище гонимым [29, с. 103], потом эту практику переняли монастыри.

Говоря о влиянии религиозных организаций на развитие международного гуманитарного права, можно предложить следующую периодизацию.

Первый период охватывает раннее Средневековье и Новое время вплоть до начала XVII века.

В эпоху Средневековья, когда господствовало религиозное мышление, наблюдались два разновекторных процесса. С одной стороны, религиозные организации сами провоцировали вооруженные конфликты. Достаточно вспомнить крестовые походы, инициированные католической церковью, или деление в мусульманском мире государств на три группы: мир ислама; мир войны — территория, откуда для мусульман исходит угроза от неверных; мир договора — территория внутри исламских государств, где мусульмане заключали договоры с немусульманским населением.

С другой стороны, религиозные организации пытались ограничить ужасы войны. Так, на Вселенских соборах христианской церкви некомбатантами были признаны вдовы, дети до 12 лет, купцы и духовные лица; запрещалось ведение боевых действий в культовых сооружениях и на территориях, принадлежавших религиозным организациям [1, с. 140]. В «Десяти наставлениях» халифа Абу-Бакра (правил в 632–634 гг.) отправлявшимся в военный поход воинам-мусульманам запрещалось убивать детей, женщин и пожилых людей [14, с. 92].

Второй период начался с Тридцатилетней войны в Европе, завершившейся Вестфальским миром 1648 г. Эта первая общеевропейская война имела сначала религиозную окраску (война между Католической лигой, в которую входили Испания и австрийские Габсбурги, и Евангелической унии, созданной протестантскими князьями Германии, близкими к Англии, Голландии, Дании и Швеции). Но затем возобладали геополитические интересы и на Вестфальском конгрессе была юридически оформлена идея государственного суверенитета, изначально понимаемого как независимость государственной власти от власти религиозной³.

В XVIII в. с развитием идеи правовой нации стали развиваться отдельные нормы международного гуманитарного права. Например, в Утрехтском трактате 1713 г., который подвел итоги войны за испанское наследство, было закреплено, что оккупация не должна приводить к аннексии⁴. Интересно, что во время долгих переговоров, предшествовавших подписанию этого мирного договора, Утрехт фактически назывался центром христианского мира, а аббат де Сен-Пьер в своем «Проекте создания вечного мира в Европе» предлагал сделать Утрехт столицей, где располагалось бы единое европейское правительство для решения внешнеполитических проблем [15, с. 150].

Третий период начался во второй половине XIX в. и продолжался вплоть до окончания Второй мировой войны. В этот период вопросам религии и свободы совести стало уделяться огромное внимание.

На доктринальном уровне появилась идея, что можно вмешиваться во внутренние дела государств, если они нарушают договоры о религии.

³ Acta Pacis Westphalicae 1648. URL: <http://www.pax-westphalica.de/> (дата обращения: 21.09.2025).

⁴ The Treaties of Utrecht (1713). URL: <https://www.heraldica.org/topics/france/utrecht.htm> (дата обращения: 21.09.2025).

Стала развиваться идея, что религиозные чувства людей в периоды вооруженных конфликтов приобретают особую актуальность. В 1863 г. был создан Международный комитет Красного Креста, провозглашенные методы работы которого современные исследователи оценивают как канонический правовой подход [19, с. 38].

На Первой и Второй Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг. происходило становление международного гуманитарного права как отрасли международного права. Например, в ст. 18 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, являвшегося приложением к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., было закреплено, что военнопленным предоставляется полная свобода в отправлении религиозных обрядов⁵.

Во время Первой мировой войны многие религиозные организации принимали участие в защите жертв войны. Так, 5 августа 1914 г. был учрежден Главный распорядительный комитет братской помощи беженцам и раненым воинам Армянской апостольской церкви [28, с. 218]. Святейший синод своим определением от 11 августа 1915 г. обязал представителей духовенства содействовать расквартированию беженцев, не делая различий по вероисповеданию и национальности [18, с. 171].

Однако на практике было много казусов: иногда военнопленные отказывались от участия в службах иноверцев. Бывали случаи, когда священнослужители отказывались отпевать представителей другого вероисповедания.

Огромную помощь представители различных конфессий оказывали в годы Второй мировой войны, внося существенный вклад в борьбу с фашизмом.

Четвертый период начался после Второй мировой войны. Нормы о религии вошли в Женевские конвенции 1949 г., являющиеся главным источником международного гуманитарного права по сей день. Например, в III Женевской конвенции об обращении с военнопленными закреплено, что не должно быть дискриминации в отношении военнопленных по вероисповедному признаку (ст. 15); им гарантируется свобода отправления обрядов их религии (ст. 34); представители военного духовенства, оказавшиеся в плену, могут исполнять свои обязанности и вести переписку с религиозными властями удерживающего их государства, а также международными религиозными организациями (ст. 35–36)⁶.

На современном этапе в развитии норм международного гуманитарного права существенную роль играют международные религиозные организации, которые обычно делят на три группы.

1. Отдельные религиозные конфессии. Например, имеющий особый международный статус государствоподобного образования Ватикан как субъект международного права является участником четырех Женевских конвенций 1949 г., Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и т. д.

⁵ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 27.11.2025).

⁶ Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения: 27.11.2025).

2. Межцерковные международные организации, многие из которых ставят своей целью мирное урегулирование международных конфликтов и защиту прав личности в периоды вооруженных противостояний. К таковым можно отнести Всемирную конференцию по вопросам религии и мира (1970 г.; сейчас носит название «Религии за мир»). Главная цель этой международной религиозной организации — содействие мирному разрешению международных и внутригосударственных конфликтов, налаживание мирной жизни там, где была война, борьба с распространением оружия массового поражения [21, с. 13]. Так, она организовывала межрелигиозный диалог в Боснии и Албании, осуществляла посредническую миссию между враждующими сторонами в Сьерра-Леоне.

Еще одним примером является деятельность Христианской мирной конференции, созданной в 1961 г. православными и протестантскими сторонниками мира [9, с. 367] и включившей в свою программу борьбу против нейтронной бомбы.

Есть и новые межцерковные международные организации. Так, в 1999 г. была создана Межрелигиозная межнациональная федерация за мир во всем мире, переименованная в 2005 г. в Федерацию за всеобщий мир⁷.

Одной из форм развития норм международного гуманитарного права является деятельность, направленная на предотвращение вооруженных конфликтов, прежде всего на религиозной почве. Например, 22 апреля 2001 г. руководство римско-католической, православной и протестантской церковью одобрило принятие Хартии экуменизма (*Charta Ecumenica*)⁸. Данный документ неоднозначно оценивается различными религиозными организациями, в частности Русской православной церковью. 5 ноября 2025 г. в Риме, по случаю 1700-летия Никейского собора, была подписана пересмотренная версия хартии, в которой были объявлены новые приоритеты: поиск мира и примирения, прием мигрантов и беженцев, безотлагательные меры по защите творения и укрепление связей с еврейскими и мусульманскими общинами. Однако дискуссии продолжаются.

3. Объединение отдельных религиозных групп, братств, религиозных орденов, которых уже в начале XXI в. насчитывалось около 600 [22, с. 504]. Они ставят перед собой менее масштабные задачи, но также стремятся предотвращать и преодолевать международные конфликты своей практической помощью.

Результаты исследования

Роль религиозных организаций в становлении и развитии норм международного гуманитарного права является неоднозначной, для различных исторических периодов ее можно определить по-разному. Если в эпоху Средневековья

⁷ Евразия. Федерация за всеобщий мир. Движение Послов мира. URL: <https://eurasia.upf.org/> (дата обращения: 27.11.2025).

⁸ *Charta Ecumenica. A Text, a Process, and a Dream of the Churches in Europe*. Geneva: World Council of Churches, 2003. 113 p.

религиозные организации как инициировали войны, так и участвовали в формировании норм, направленных на ограничение ужасов войны, то с XVIII в. в целом они уже пытались предотвращать вооруженные конфликты. Многие нормы международного гуманитарного права выросли из религиозных. Однако наблюдается и обратный процесс. Религиозные организации не только транслируют многие положения, направленные на защиту различных категорий населения во время вооруженных конфликтов, но и присоединяются к таковым, находят организационные формы участия в их реализации. Для современных религиозных организаций идеи международного гуманитарного права близки во многом потому, что и религиозные нормы, и нормы международного гуманитарного права носят характер коллективных.

Список источников

1. Андреева О. А. Принцип свободы совести в гуманитарном праве: философский, исторический и правовой аспекты // Евразийский Союз Ученых. Серия: Экономические и юридические науки. 2015. № 8-2 (17). С. 139–141.
2. Баскин Ю. Я. Библия и международное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 5. С. 40–48.
3. Баскин Ю. Я. Новый Завет и становление нового международного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 6. С. 75–81.
4. Блунчли И. К. О значении и успехах новейшего международного права. СПб.: Н. И. Ламанский, 1867. 56 с.
5. Богомазов В. М. Религиозные войны: прошлое и настоящее // Международная жизнь. 2014. № 11. С. 190–200.
6. Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 179 с.
7. Власов Д. А. К вопросу о международно-правовом положении медицинского персонала в международном гуманитарном праве // Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 23 ноября 2017 года). Уфа: Омега Сайнс, 2017. С. 64–68.
8. Волкогон Т. А. О системе современного международного права // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 3. С. 43–48.
9. Галенская Л. Н. Христианская мирная конференция // Энциклопедия международных организаций: в 3 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. Т. 2. С. 367.
10. Гартман А. Институты практического международного права в мирное время, с особым применением к государственному устройству и управлению Германии (Institutionen des praktischen Volkerrechts in Friedenszeiten mit Rücksicht auf die Verfassung und Gesetzgebung des deutschen Reichs) / Пер. О. Эйхельмана. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1877. 10 с.
11. Горин А. А., Сафиуллина Е. А. К вопросу идентификации религиозной войны в современном мире // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 133–135.
12. Горян К. В. Роль протестантизма в формировании современного международного права // Юридические исследования. 2016. № 6. С. 23–30.

13. Долс-Гарсия А. Вооруженные группы, МГП и незримый мир: как религиозные верования влияют на ведение войны // *Международный журнал Красного Креста*. 2022. № 915. С. 253–276.
14. Ибрагимов А. М. Развитие международного гуманитарного права в период от древности до новейшего времени и права человека // *Юридический вестник ДГУ*. 2024. Т. 50. № 2 (70). С. 90–95.
15. Ивонина Л. И. Формы и методы гуманитарной дипломатии в Европе во время становления Вестфальской системы // *Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. ст. 30-й юбилейной Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева*. Рязань: ИП Коняхин Александр Викторович, 2019. С. 146–152.
16. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
17. Кропотова Т. А. Единство основ гуманитарной мысли в христианской религии и основ международного гуманитарного права // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 5 (72). С. 64–68.
18. Кузьмин В. Ю. Власть и общество в деле оказания медико-социальной помощи беженцам в годы Первой мировой войны // *Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета*. 2003. № 1. С. 167–173.
19. Курбанов Т. Б. Николлз Л. М. Международный комитет Красного Креста и его 161 правило по обычному международному гуманитарному праву // *Международное гуманитарное право и новые вызовы мировому порядку: реферативный сборник. Серия «Правоведение»; отв. ред. Е. В. Алферова*. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 37–39.
20. Малышева Д. Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности: Развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80 гг. М.: Наука, 1991. 191 с.
21. Марусин И. С. Всемирная конференция по вопросам религии и мира // *Энциклопедия международных организаций: в 3 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета*, 2006. Т. 2. С. 13.
22. *Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова*. М.: Международные отношения, 2001. 713 с.
23. Пашенко И. Ю. Актуальные проблемы международного гуманитарного права как новые вызовы современным международным отношениям // *Политика, государство и право*. 2016. № 4 (52). С. 32–35.
24. Пустогаров В. В. Романтик международного права. Жизнь и деятельность графа Л. А. Камаровского (1846–1912). М.: Диалог-МГУ, 1999. 62 с.
25. Раджабов Х. С. Семья как социально-духовная ценность в христианстве и исламе // *Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан*. 2017. № 3. С. 51–56.
26. Румачик И. А., Камышникова Д. А., Кшов А. С. Особенности религиозных конфликтов в современном мире // *Экономика и социум*. 2016. № 6-2 (25). С. 526–530.
27. Сенюшкина Т. А. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах // *Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права: сб. науч. тр. XL Междунар. Харакского форума / под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной*. Симферополь: Ариал, 2023. С. 273–276.
28. Степанянц С. М. Помощь России армянам, подвергшимся геноциду в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2008. № 3. С. 218–220.

29. Феррис Э. Религиозные и светские гуманитарные организации // Международный журнал Красного Креста. 2005. № 858. С. 99–119.

30. Visscher Ch. Theory and reality in public international law. Princeton: Princeton University Press, 1968. 398 p.

References

1. Andreyeva O. A. Printsip svobody sovesti v gumanitarnom prave: filosofskiy, istoricheskiy i pravovoy aspekty // Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh (YESU). Seriya: Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. 2015. № 8-2 (17). S. 139–141.

2. Baskin Yu. Ya. Bibliya i mezhdunarodnoye pravo // Izvestiya vysshyh uchebnyh zavedenij. Pravovedeniye. 1991. № 5. S. 40–48.

3. Baskin Yu. Ya. Novy Zavet i stanovleniye novogo mezhdunarodnogo prava // Izvestiya vysshyh uchebnyh zavedenij. Pravovedeniye. 1991. № 6. S. 75–81.

4. Blunchli I. K. O znachenii i uspekhakh noveyshego mezhdunarodnogo prava. SPb.: N. I. Lamanskiy, 1867. 56 s.

5. Bogomazov V. M. Religioznie voyni: proshloye i nastoyashcheye // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2014. № 11. S. 190–200.

6. Vattel E. Pravo narodov ili Printsipy yestestvennogo prava, primenyayemye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov. M.: Gosyurizdat, 1960. 179 s.

7. Vlasov D. A. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom polozhenii meditsinskogo personala v mezhdunarodnom gumanitarnom prave // Aktual'nyye problemy prava na sovremennom etape razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. St. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa: Omega Sayns, 2017. S. 64–68.

8. Volkogon T. A. O sisteme sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. 2020. № 3. S. 43–48.

9. Galenskaya L. N. Khristianskaya mirnaya konferentsiya // Entsiklopediya mezhdunarodnykh organizatsiy: v 3 t. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. T. 2. S. 367.

10. Gartman A. Instituty prakticheskogo mezhdunarodnogo prava v mirnoye vremya, s osobym primeneniyem k gosudarstvennomu ustroystvu i upravleniyu Germanii (Institutionen des praktischen Volkerrechts in Friedenszeiten mit Rucksicht auf die Verfassung und Gesetzgebung des deutschen Reichs) / Per. O. Eykhelmana. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1877. 10 s.

11. Gorin A. A., Safiullina Ye. A. K voprosu identifikatsii religioznoy voyny v sovremennom mire // Aktualniye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike. 2016. № 2-2 (8). S. 133–135.

12. Goryan K. V. Rol protestantizma v formirovanii sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Yuridicheskkiye issledovaniya. 2016. № 6. S. 23–30.

13. Dols-Garsiya A. Vooruzhennyye gruppy, MGP i nezrimiy mir: kak religiozniye verovaniya vliyayut na vedeniye voyny // Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta. 2022. № 915. S. 253–276.

14. Ibragimov A. M. Razvitiye mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v period ot drevnosti do noveyshego vremeni i prava cheloveka // Yuridicheskii vestnik DGU. 2024. T. 50. № 2 (70). S. 90–95.

15. Ivonina L. I. Formy i metody gumanitarnoy diplomatii v Evrope vo vremya stanovleniya Vestfal'skoy sistemy // Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya: sb. st. 30-y ubi-

leynoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. I. M. Erlikhson, Yu. V. Savosinoy, Yu. I. Loseva. Ryazan: IP Konyakhin Aleksandr Viktorovich, 2019. S. 146–152.

16. Kokoshkin F. F. Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu. M.: Br. Bashmakovy, 1912. 306 s.

17. Kropotova T. A. Edinstvo osnov gumanitarnoy mysli v khristianskoy religii i osnov mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2014. № 5 (72). S. 64–68.

18. Kuzmin V. Yu. Vlast' i obshchestvo v dele okazaniya mediko-sotsial'noy pomoshchi bezhentsam v gody Pervoy mirovoy voyny // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta. 2003. № 1. S. 167–173.

19. Kurbanov T. B. Nikollz L. M. Mezhdunarodnyy Komitet Krasnogo Kresta i ego 161 pravilo po obychnomu mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu // Mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo i novyye vyzovy mirovomu poryadku: referativnyy sbornik. Seriya «Pravovedeniye»; otv. red. Ye. V. Alferova. M.: INION RAN, 2009. С. 37–39.

20. Malysheva D. B. Religiozniy faktor v vooruzhennykh konfliktakh sovremennosti: Razvivayushchiyesya strany Azii i Afriki v 70–80 gg. M.: Nauka, 1991. 191 s.

21. Marusin I. S. Vsemirnaya konferentsiya po voprosam religii i mira // Entsiklopediya mezhdunarodnykh organizatsiy: v 3 t. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. T. 2. S. 13.

22. Mezhdunarodnoye pravo: uchebnik / otv. red. Yu. M. Kolosov, E. S. Krivchikova. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2001. 713 s.

23. Pashchenko I. Yu. Aktualniye problemy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava kak novyye vyzovy sovremennym mezhdunarodnym otnosheniyam // Politika, gosudarstvo i pravo. 2016. № 4 (52). S. 32–35.

24. Pustogarov V. V. Romantik mezhdunarodnogo prava. Zhizn' i deyatelnost' grafa L. A. Kamarovskogo (1846–1912). M.: Dialog-MGU, 1999. 62 s.

25. Radzhabov Kh. S. Semya kak sotsialno-dukhovnaya tsennost' v khristianstve i islame // Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadjikistan. 2017. № 3. S. 51–56.

26. Rumachik I. A., Kamyshnikova D. A., Kshov A. S. Osobennosti religioznykh konfliktov v sovremennom mire // Ekonomika i sotsium. 2016. № 6-2 (25). S. 526–530.

27. Senyushkina T. A. Religiozniy faktor v vooruzhennykh konfliktakh // Politicheskoye prostranstvo i sotsialnoye vremya: pravo sily vs sila prava: sb. nauch. tr. XL Mezhdunar. Kharakskogo foruma / pod obshch. red. T. A. Senyushkinoy. Simferopol: Arial, 2023. S. 273–276.

28. Stepanyants S. M. Pomoshch' Rossii armyanam, podvergshimsya genotsidu v gody Pervoy mirovoy voyny // Novaya i noveyshaya istoriya. 2008. № 3. S. 218–220.

29. Ferris E. Religioznye i svetskiye gumanitarnyye organizatsii // Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta. 2005. № 858. S. 99–119.

30. Visscher Sh. Theory and reality in public international law. Princeton: Princeton University Press, 1968. 398 p.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-28-35

И. А. Исаев

Московский государственный юридический университет

им. О. Е. Кутафина,

Москва, Российская Федерация,

iaisaev@msal.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СУВЕРЕНИТЕТ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, ИМПЕРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные закономерности перехода европейских государств от феодальной дуалистической формы государственности, происходившей из Средневековья, к бюрократической форме, господствовавшей в Новое время. На основе анализа доктринальной литературы показано развитие политико-правовых представлений в Европе по вопросам, касающимся идеи империи, ее взаимосвязи с суверенитетом и централизацией государства. Сделан вывод, что общеевропейской тенденцией с XVII в. стало рождение особого типа бюрократических империй, в итоге сама империя как символ приобрела совсем другое содержание, чем прежде.

Ключевые слова: государство; суверенитет; империя; бюрократия; легальность; власть; управление; кодификация; норма; бюрократия.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-28-35

I. A. Isaev

Kutafin Moscow State Law University,

Moscow, Russian Federation,

iaisaev@msal.ru

TRANSFORMATION OF THE STATE IDEA AT THE TURN OF MODERN TIMES: SOVEREIGNTY, CENTRALIZATION, EMPIRE

Abstract. The article examines the main patterns of the transition of European states from the feudal dualistic form of statehood that originated in the Middle Ages to the bureaucratic form that has become dominant in Modern times. Based on the analysis of the doctrinal literature, the development of political and legal ideas in Europe on issues related to the idea of empire, its relationship with the sovereignty and centralization of the state is shown. It is concluded that the pan-European trend since the 17th century. A special type of bureaucratic empires is emerging, and as a result, the empire itself as a symbol has acquired a completely different content than before.

Keywords: state; sovereignty; empire; bureaucracy; legality; power; governance; codification; norm; bureaucracy.

Новое время для Европы начиналось с преодоления состояния аморфности и неопределенности. Питирим Сорокин этот переходный этап от «идеационной» культуры к «чувственной» характеризует как время, наиболее беспорядочное и лишенное целевых устремлений со стороны государственных привилегий [7, с. 45]. Ф. Гизо рисовал сходную картину: «Замешательство растет непрерывно, без видимых и необходимых причин; движения лишены всякой цели; волнения остаются без последствий; королевская власть, духовенство, дворянство, среднее сословие — все элементы общественного быта вращаются как бы в одном и том же круге, равно неспособные ни к прогрессу, ни к покою» [4, с. 186]. Таким представляется исторический период с XIII до XV в.

Последующее историческое развитие рождающейся новой Европы продемонстрировало необходимость воссоздания более четкой организации власти на основе тех государственных образований, что выросли на развалинах Римской империи. Идея империи оказалась более устойчивой и живучей, чем ее исторический носитель. Империя уже имела свои проверенные временем государственные механизмы, которые могли быть использованы в строительстве нового политического образования. Еще в эпоху Августа и Диоклетиана, одновременно с развитием законодательства, сформировалась бюрократическая система «административного деспотизма, которая покрыла римский мир сетью чиновников, иерархически подчиненных друг другу» и «предназначенных исключительно для осуществления предначертаний верховной власти» [4, с. 45–46]. С ее помощью удавалось соединить и удержать во взаимной связи отдельные элементы обширного римского мира. Этому способствовали и теократические устремления церкви, которая получила важную роль в деле государственного строительства в мире, где вырастала новая цивилизация. На первом этапе послеримское общество вышло из хаоса, приобретая новые политические формы и принципы. Начиная с XII в. эти формы и принципы испытывают свои силы, еще не имея возможности «произвести что-либо общее, правильное, прочное» [4, с. 187]. Так продолжается вплоть до XVI в. И только после этого можно говорить о приобретении Европой окончательной формы и направления развития на пути к определенной цели. Начавшаяся эпоха продлится вплоть до Новейшего времени [4, с. 187]. На этом этапе опыт государственного строительства Древнего Рима и Византии отказался бесценным.

Основной политической идеей Рима было не столько расширение властного пространства, сколько его концентрация. Исторические события вынуждали Рим распространяться вокруг прочного центра, сохраняя «суровое самообладание и самоограничение: в этом тайна римской силы, в этом проявил себя Рим как истинно политическая нация» [9, с. 103].

Византийская империя и ее императоры создали понятие римской церкви [9, с. 104]. Вместо политического принципа выступил принцип религиозный, и если первый был по природе ограничен, то последний — безграничен. Если политика здесь представляла собой организм, а церковь — властную идею

универсальности, то из такой идеи империи, естественно, выростала идея теократии.

Рим и Византия, желая господствовать в одной и той же сфере, одинаково выстраивали свой идеальный порядок. Но если Рим претендовал на владычество, он думал о том, что возводит здания, куда будет включена и Византия, «перетолковывая чуждые понятия на свой лад» [8, с. 137]. Кодификации восточной империи существенно меняли классический характер римского права, приспособлявая его нормы к новому времени и условиям. Теократический принцип включал имперскую идею.

В теократическом государстве иерархический принцип всегда первичен. В то же время в христианском государстве, где религия обеспечивает универсальность и могущество власти, глава иерархии воспринимает свою должность понтифика как императорскую. Религиозный идеал универсальной монархии, пришедший из Античности в Средневековье, представлял монархию нового Рима уже не просто как светскую политику, но как Священную Римскую империю.

Идея римской универсальной монархии и римской универсальной церкви была давно направлена на утверждение своей высшей безграничности. Но «как только проводится резкая внешняя граница, проявляется и тенденция к внутренней безграничности. Истинная нация никогда не подчинится империи... Всякое членение, которое создает внешние границы, угрожает безграничному целому, потому что оно создает личность» [9, с. 115]. Национализм становился реальной угрозой универсализму. Стремление к высшей безграничности, чему-то абсолютному и вечному неизбежно порождает внутреннюю ограниченность, иначе любой успех исключен. Римско-католическая церковь, претендуя на роль «мирового правительства» на этом пути, утратила свой сугубо духовный путь. Приобретая черты светской государственности, она хотела включить в сферу своей власти и юрисдикции все государственные институты и связи. В идеале должна была возникнуть только одна монархия — Церковь, земная и одновременно надмирная империя. И поскольку идея этой империи оставалась полностью теократической, высшая власть в ней должна была постепенно перейти от короля к понтифику.

В течение трех веков христианство пыталось внедрить в устройство империи религиозный элемент. Церковная власть постепенно лишала власть королевскую присущий ей прежде образ земного Божества. В результате этих усилий королевская власть стала рассматриваться с другой стороны, чем прежде. «Происхождение ее не на земле; государь уже не представитель общественной верховной власти: он образ Божий, представитель, посланник Божества. Власть нисходит к нему сверху вниз, между тем как в императорской монархии власть восходила снизу вверх» [4, с. 214–215]. С принципом религиозной королевской власти идея светских политических гарантий не играла уже главной роли, «на смену приходил другой принцип — более возвышенный, благотворный и нравственный» [4, с. 215]. Со времени Константина Великого он становится определяющим.

Временный характер существования мирского государства в идеале предполагал его включение в сферу церковной государственности наместника Божия (папы римского). Но и это правительство представляло собой только некую переходную форму от безбожного мирского государства к небесному царству нового мира. «Церковное царство» составляло посредствующее государство Божие, «низшее царство небесное». Августинова модель «двух Градов» получила здесь новую интерпретацию.

«Идея сверхчувственного государства Божия, осуществленная в Церкви, была возведена в общий закон мирских отношений» [11, с. 289]. Устройство небесного царства, выраженное в этом государстве Божиим, было взято за образец человеческого устройства [11, с. 289].

Пример византийской имперской идеи показывает более сложные пути идейного институционального примирения («симфонии») принципов универсализма и национализма.

Византия с готовностью возвращалась или продолжала возвращаться к имперской идее. Суверен властвует над мирским царством, и его формальное право выглядит универсальным: оно распространяется даже на те народы, которые в действительности обладают независимыми правами, не подчиненными идеальной имперской власти, на «варваров», правящих «несправедливо», не имеющих ни настоящего закона, ни духовных основ, отражающих божественный закон. «Поэтому имперская вселенная объединяет в себе категорию "благоденствия", так же как и права в высшем смысле этого слова» [10, с. 53] (но и Данте считал основой императорской власти общечеловеческое право [5, с. 121]).

Превосходство институции империи над личностью (короля) прослеживается еще в эпоху Средневековья и со временем только усиливается. Закон империи как правовое установление предшествует тому, кто его осуществляет: ведь этот последний предназначен для юрисдикции, а не наоборот. Но «империя есть правовое установление, охватывающее всю область светского права; следовательно, она предшествует тому, кто осуществляет ее власть, то есть императору, ибо он предназначен для нее, а не наоборот» [5, с. 122]. Поэтому «император в той мере, в какой он является императором, изменять установленный правопорядок не может, ибо от империи получает он свою власть» [5, с. 122].

«Юридический принцип опирается на типично династическое понимание короны как принципа суверенности, которая ставится выше персоны короля. Начиная с XIV в. это абстрактное слово обозначает королевские владения... через идею короны и новое толкование идеи дома, превосходящего своих членов, проводится понимание автономной инстанции, независимой от личности короля» [2, с. 264–265]. Особый колорит этой трансформации придавал возникший рядом образ «мистического государства» по типу церкви [2, с. 265].

В Византии православие заменяло собой национальность и это позволяло империи оставаться унитарным государством. Из древнеримской традиции был воспринят принцип *imperiū* — единства власти. В Византийском государстве он неожиданным образом усиливается в связи с неопределенностью,

формальной и юридической, полномочий императора, которые определялись не юридической формулой, а практикой как церковной, так и государственной деятельности. В императоре сосредоточивалась и олицетворялась вся полнота власти — духовной и светской. Авторитет власти и иерархия были конституирующими принципами империи.

Даже церковные соборы выполняли роль государственных учреждений, органов императора. Христианизация языческих институтов и правовых форм позволила использовать их в качестве инструментов империи [3, с. 242]. Особую роль в этом процессе играло римское право, легализовавшее христианскую общинную практику и ряд древних, в том числе языческих обычаев. «Симфония» властей в Византии отразила целый ряд особенностей центральной власти империи: утверждение единства и неопределенность формальных границ власти, состояние духовных и светских элементов в некоем динамическом синтезе властей, сочетание традиционных начал властвования и новых специфических черт его реализации («цезарепапизм», особый порядок передачи власти, слияние идеологических и административных начал управления и пр.), что обусловило способность Византийской империи к длительному и эффективному существованию.

В средневековом государстве сформировались идеи, институции, аппарат, которые в своем функционировании и создавали империю. Но только когда государственные образования этой эпохи стали связывать свое существование с определенной территорией, посредством развития феодальных, ленных отношений, и властные функции сращивались с поземельными отношениями, и когда произошло религиозное размежевание отдельных территориальных пространств Европы, тогда рождались нации и сама Европа как некая геополитическая реальность. И тогда империя как символ и как идея меняет свое содержание.

Пробуждение национального самосознания и деятельность ученых юристов, выведших из римского права принципы государственной власти, породили мысль о том, что именно «король был настоящим императором на своей земле и даже более почитаемым, чем император Священной Римской империи германской нации» [6, с. 158]. Божественное право королей оспорили многочисленные религиозные войны. Король был сувереном и гарантом защиты нации. Священная природа королей, постоянно утверждаемая церковью, делала монархию «мистической идеей» [6, с. 160].

Церковь и империя, как и многие другие средневековые «политические тела», воспринимались как части единого универсального союза, христианского царства — Церкви, мистического тела Христова. В каком-то смысле церковь являлась настоящим государством, рассеянным среди всех государств. Империя же оставалась только «великим притязанием» [1, с. 100].

Под законом «империи» церковь и феодалы заключили соглашение о своем союзе. Но империя Карла Великого была столь же эфемерным созданием, как и рожденная в то время Священная Римская империя. Империя как символ и институт долго сохраняла свое значение в переходный период истории от Средневековья к Новому времени.

Эсхатологическая схема Иоахима Флорского уже в Средневековье изменила исторические и политические установки общества, ориентированные на возможное скорое завершение земной истории. Препятствием на этом нисходящем пути служил катехон, фактор одновременно небесного и земного порядков, который был способен затормозить и отсрочить конец земного мира. С началом Нового времени эсхатологические ожидания постепенно сменялись новой идеей спасения, более секулярной, чем предшествующие ей ожидания, — идеей прогресса. Однако своего апогея эта идея достигает только к концу XVIII в. под мощным влиянием просвещенческих концепций. Идея самоутверждения человечества в истории и возможность строить ее по своему разумению уже не нуждалась в концепции конца этой истории и значительно снижала напряженность эсхатологического ожидания. Спасение теперь могло принимать новые формы. Прогресс в его рациональном толковании (уже никак независимо от человека Провидение) стал и оправданием истории: познать можно лишь то, что создается самими людьми (Джамбаттиста Вико).

Национальное государство поствестфальского периода, как настоящее «произведение политического искусства», уверенно позиционировало себя в качестве единственного охранителя и заступника жизни своих подданных. Взамен требовалось повиновение, суверен (единоличный или коллективный) требовал централизации и авторитаризма. Архаичная система папства, модель которой была заимствована средневековым государством у раннехристианской общины и обусловлена церковным и каноническим влиянием, уступала место авторитарной власти суверена.

Наряду с отношениями личной преданности и службы поземельные феодальные отношения укрепляли отношения зависимости. Вместе с тем ленные отношения, которые поначалу император принимал от церкви, уже при наследниках Карла Великого прекращались и заменялись договором о защите церкви императорской властью, что явно снижало зависимость последней от духовного центра и вело к дальнейшей ее секуляризации (ярким примером развивающегося противостояния империи и церкви стала борьба за инвеституру между Генрихом IV и Григорием VII). Идеино же обе «империи», земная и духовная, претендовали на мировые, пусть даже трансземельные, власть и правление.

Реальная же государственная политика империи, которая была не в силах осуществить свой вселенский идеал, приводила к появлению все усиливающейся ленной аристократии и установлению ее наследственных прав. Процесс феодальной раздробленности приводил повсеместно к замене верховной (правда, с самого начала вполне условной и символической) власти короны властью земельной аристократии, имевшей частнопредварительный характер. С этого момента личное наследственное право становилось главным основанием для пользования и государственными верховными правами [11, с. 344–349].

Универсальная форма монархии, тесно связанная с символом империи, гарантировала гибкость этого учреждения, способность его видоизменения применительно к разным условиям. Форма учреждения оставалась неизменной

и могла усваиваться разными средствами. Сама королевская власть становилась олицетворением правовой державности, верховной власти по праву. Оценивая эту последнюю, «люди склонялись на сторону королевской власти. Когда перевес принадлежал религиозным идеям, постоянное размышление о Боге, о божественных свойствах приводило людей к монархической системе. Когда в обществе преобладали юристы, привычка изучать под именем законов сущность правомерной верховной власти благоприятствовала развитию учения об олицетворении этой власти в королевском сане» [4, с. 210–211].

Королевская власть на протяжении истории меняла свои формы и символы. Духовенство постоянно проповедовало религиозную королевскую власть, юристы (легисты) предпринимали усилия по воскрешению императорской монархии, активно используя для этого имевшийся инструментарий римского права, дворянство стремилось к восстановлению избирательных начал феодальной королевской власти. «Короли называли себя то посланными от Бога, то наследниками императоров, то первыми дворянами страны, смотря по надобности или по духу времени» [4, с. 211]. Так, в отличие от других правителей, король будет сочетать в своем статусе суверенитет, предназначенный ему римским правом и легистами, с властью сюзерена со всеми феодальными атрибутами этого статуса.

В будущем династический принцип, способствовавший процессам государственной централизации, уступит место юридическому принципу легитимности, оформившему и закрепившему систему новых институтов и порядков. В качестве «коллективной фикции» институты, поддерживаемые верой, становятся реальностью, неким механизмом, работающим автономно; функция отделяется от человека.

Личная власть короля частично присваивала функции власти общественной. Постепенное становление политического порядка публичной власти, переход от «феодализма к империи» формировали собственно бюрократическую логику властвования, рациональную по форме, а на деле «наделенную самыми загадочными свойствами магической эффективности» [2, с. 281].

Общеввропейской тенденцией с XVII в. становится рождение особого типа бюрократических империй, ведущих между собой «кабинетные войны», режимов с высоким уровнем централизации власти. Для них было характерно функционирование значительного аппарата безличного управления и оторванность политической сферы от иных общественных сфер взаимоотношений. Четкая дифференциация социальных ролей, разрастание бюрократических инстанций и институтов дополнялись новыми структурами легитимной политической борьбы (советами, парламентами). «Парадоксальным образом правящие выходцы из “старого порядка” системы власти, основанного на родстве и харизматических качествах, начинают строить новый бюрократический, анонимный порядок. К власти приходят новые люди, не связанные со старыми политическими принципами, традициями и институтами власти» [2, с. 175–178]. Империя как символ стала обозначать совсем другие отношения и представления, чем те, что были прежде. Но сама идея империи как таковой сохраняется до наших дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с.
2. Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.
3. Величко А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской Империи. М.: ФондИВ, 2008. 242 с.
4. Гизо Ф. П. Г. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 329 с.
5. Данте Алигьери. Монархия. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 191 с.
6. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010. 328 с.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
8. Хильшер Ф. Держава. СПб.: Владимир Даль, 2023. 575 с.
9. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. СПб.: Русский мир, 2012. Т. 2. 478 с.
10. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей, 2016. 476 с.
11. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. М.: URSS, 2011. 732 с.

References

1. Bitsilli P. M. Elementy srednevekovoj kultury. SPb.: Mifril, 1995. 244 s.
2. Burdie P. Ot «korolevskogo doma» k gosudarstvennomu interesu: model proishozhdenija bjurokraticheskogo polja // Sociologija socialnogo prostranstva. M.: Institut eksperimentalnoj sotsiologii; SPb.: Aletejja, 2007. 288 s.
3. Velichko A. M. Politiko-pravovye ocherki po istorii Vizantijskoj Imperii. M.: FondIV, 2008. 242 s.
4. Gizo F. Istorija civilizacii v Evrope. M.: Territorija budushhego, 2007. 329 s.
5. Dante Aligieri. Monarhija. M.: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 1999. 191 s.
6. Mandru R. Frantsija rannego Novogo vremeni, 1500–1640: esse po istoricheskoi psihologii. M.: Territorija budushhego, 2010. 328 s.
7. Sorokin P. A. Sotsialnaja i kulturnaja dinamika: issled. izm. v bolshih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshhestv. otnoshenij. SPb.: Izd-vo Rus. Hristian. gumanitar. in-ta, 2000. 1054 s.
8. Hilsher F. Derzhava. SPb.: Vladimir Dal, 2023. 575 s.
9. Chamberlen H. S. Osnovaniya devjatnadcato go stoletija: v 2 t. SPb.: Russkij mir, 2012. T. 2. 478 s.
10. Evola Yu. Vosstanie protiv sovremennogo mira. M.: Prometej, 2016. 476 s.
11. Ejken G. Istorija i sistema srednevekovogo mirosozercanija. M.: URSS, 2011. 732 s.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 34; 351.74

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-36-43

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
stepanovtao@mail.ru

ГЕНЕЗИС И СУЩНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Аннотация. В статье с позиций современной историко-правовой науки исследуется генезис советской милиции, которая не только являлась главным органом охраны правопорядка в социалистическом государстве, но и стала основой для создания полиции в Российской Федерации. Цель исследования — выявить особенности строительства советской милиции в годы Гражданской войны и ее существенные признаки. В результате проведенного исследования сделаны выводы о том, что генезис советской милиции в основном был завершён к концу 1920 г. К этому времени на подавляющей части территории страны была установлена советская власть. Существенными признаками милиции являлись: единая организация в рамках всего государства, централизация и штатная основа деятельности, а также комплектование на основе классового принципа, реализация которого позволяет охарактеризовать ее как народный орган охраны правопорядка.

Ключевые слова: Гражданская война; Советская Россия; советская милиция; рабочая милиция; рабоче-крестьянская милиция; классовый принцип.

UDC 34; 351.74

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-36-43

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

GENESIS AND ESSENCE OF THE SOVIET MILITIA

Abstract. The article examines the genesis of the Soviet police from the perspective of modern historical and legal science, which was not only the main law enforcement agency in the socialist state, but also became the basis for the creation of the police in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the features of the construction of the Soviet militia during the Civil War and its essential features. As a result of the conducted research, it was concluded that the genesis of the Soviet militia was mostly completed by the end of 1920. By this time, Soviet power had been established in the vast majority of the country's territory. The essential features of the militia were: a unified organization

within the entire state, centralization and staffing of activities, as well as recruitment based on the class principle, the implementation of which allows it to be characterized as a national law enforcement agency.

Keywords: Civil war; Soviet Russia; Soviet militia; workers' militia; workers' and peasants' militia; class principle.

Введение

В настоящее время российская юридическая наука получила возможность по-новому взглянуть на советский период истории отечественного государства и права, на процессы, происходившие в то время, и созданные тогда институты. Сегодня в стране отсутствует идеологический запрос как на их апологетику, так и на критику. Освоение научной проблематики, связанной со строительством советской государственности, может осуществляться на основе принципов объективности и историзма, без политизации и учета особенностей сложившейся конъюнктуры. Кроме того, современная наука, в том числе и юридическая, значительно обогатила свой методологический арсенал. В настоящее время при проведении исследований, помимо материалистической диалектики, используются и иные подходы, характерные, например, для постклассической науки [4–6].

Все вышеизложенное напрямую относится к советским правоохранительным органам, в частности к милиции, которая не только являлась главным органом охраны правопорядка в социалистическом государстве, но и стала основой для создания полиции в Российской Федерации. В настоящей работе с позиций современной историко-правовой науки продолжается исследование генезиса советской милиции [8; 9] и рассматриваются ее важнейшие сущностные признаки.

Методы исследования

Методология исследования включает в себя традиционные методы материалистической диалектики, а также подходы, характерные для постклассической науки.

Основное исследование

Организационно-правовые основы строительства советской милиции

Одной из основных функций советов как органов власти являлась организация охраны общественного порядка. Для этого на местах создавались разнообразные структуры, состоявшие из трудящихся, которые осуществляли правоохранительную деятельность на общественных началах. Опыт

их деятельности, накопленный в период революции 1905–1907 гг. и после февральских событий 1917 г., был использован в процессе формирования органов охраны правопорядка в Советском государстве, прежде всего милиции.

Первый этап строительства советской милиции начался с создания рабочей милиции. Постановление НКВД РСФСР о ее образовании юридически закрепило сложившуюся практику организации местных органов охраны порядка¹. Этот документ подтвердил право советов на их создание, они получили единое для всей страны название — милиция. Название указывало на неразрывную связь данного правоохранительного органа с населением (трудящимися), из которых и для защиты которых он образовывался. При этом в постановлении не были определены организационные формы рабочей милиции, ее центральный орган, права и обязанности и т. д. В связи с этим первоначально советскую милицию отличало отсутствие единого правового статуса и организационное многообразие. Несмотря на важность выполняемых ею задач, она не являлась штатным государственным органом и относилась к общественным организациям правоохранительной направленности, создаваемым местными органами власти.

Особенности организации рабочей милиции были обусловлены тем, что пришедшие к власти в октябре 1917 г. социалисты руководствовались не потребностями осуществления правоохраны и сложившимися в России традициями в этой сфере, а марксистским учением. Одним из его положений являлась идея вооружения и организации рабочих [1, с. 263–264]. Предполагалось, что пролетариат самостоятельно сможет охранять общественный порядок и бороться с преступностью.

Однако уже к концу 1917 г. стало очевидно, что такой подход к организации правоохраны неэффективен. Борьба с преступностью требовала наличия специальных институтов, и осуществлять ее следовало сотрудникам, обладавшим определенным уровнем профессиональной подготовки. Рабочая милиция не соответствовала ни одному из этих критериев, ее деятельность нельзя было назвать успешной. В связи с этим Р. С. Мулукаев и В. С. Афанасьев справедливо отмечали: «Короткий период существования рабочей милиции показал ее нежизнеспособность» [2, с. 208].

Необходимость обеспечения правопорядка и борьбы с разгулом преступности потребовали от Советского государства отойти от идеологических установок и использовать дореволюционный опыт правоохранительной деятельности. Поэтому весной 1918 г. началось создание органов милиции на штатной основе. Накопленный опыт их строительства был обобщен и закреплён в октябре 1918 г. в Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции»². Ее основным содержанием стало установление единых

¹ Постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции». 28 октября (10 ноября) 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. Ст. 15.

² Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

для всего государства организационно-правовых форм создания милиции. Советская милиция определялась как исполнительный орган центральной власти на местах и находилась в непосредственном ведении местных советов под общим руководством НКВД РСФСР. В инструкции закреплялись структура и сфера деятельности милиции, вводилась штатная основа ее формирования.

Наряду с образованием территориальных органов милиции были созданы и иные подразделения: речная милиция (25 июля 1918 г.)³, уголовный розыск (5 октября 1918 г.)⁴.

Таким образом, к концу 1918 г. советская милиция представляла собой уже штатный государственный орган охраны правопорядка, действующий на профессиональной основе.

Следующий этап строительства советской милиции связан с принятием весной 1919 г. Декрета «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции»⁵. Он развивал заложенные инструкцией организационно-правовые основы создания милиции и определял особенности ее участия в боевых действиях. Значение декрета было обусловлено тем, что его принял высший орган власти Советского государства (СНК РСФСР), который на законодательном уровне осуществил регламентацию организации и деятельности советской милиции.

В течение 1919 г. продолжилось формирование специализированных видов милиции. Значительное внимание было уделено созданию транспортной милиции⁶. Ее руководящими органами стали отделы железнодорожной и речной милиции при Главном управлении милиции НКВД РСФСР. В то же время в организации местных органов транспортной милиции произошел переход от территориального к линейному принципу. Также в 1919 г. была создана промышленная милиция и получила дальнейшее развитие организация аппаратов уголовного розыска.

Весьма интересным является опыт создания весной 1920 г. следственно-розыскной милиции, которая стала одним из этапов создания института единоличных следователей в правоохранительной системе Советской России [7].

³ Декрет СНК РСФСР от 25.07.1918 «Об учреждении речной милиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 55. Ст. 608.

⁴ Постановление НКВД РСФСР от 05.10.1918 «Положение об организации Отдела уголовного розыска» // Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 24. С. 8–9.

⁵ Декрет СНК РСФСР от 3.04.1919 «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 13. Ст. 133.

⁶ Постановление ВЦИК РСФСР от 21.02.1919 «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 5. Ст. 46; Постановление ВЦИК РСФСР от 22.02.1919 «О железнодорожной охране (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 5. Ст. 47; Постановление ВЦИК РСФСР от 23.02.1919 «О Рабоче-Крестьянской железнодорожной милиции (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 5. Ст. 48; Декрет ВЦИК РСФСР от 23.04.1919 «О речной советской рабоче-крестьянской милиции (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 18. Ст. 213.

Таким образом, к началу 1920 г. были выработаны и апробированы основные формы организации советской милиции как постоянного штатного государственного органа охраны правопорядка. Накопленный опыт юридически закрепило принятое ВЦИК и СНК РСФСР Положение о Рабоче-Крестьянской милиции⁷ (10 июня 1920 г.).

Согласно положению советская милиция находилась в двойном подчинении — НКВД РСФСР и местных советов. Значительное место в положении занимало детальное описание основных звеньев аппарата советской милиции: главное управление, территориальные управления (губернские, уездные, городские), виды (железнодорожная и водная милиция). Закреплялись их структура, компетенции, особенности взаимоотношений с соответствующими исполкомами советов и вышестоящими органами милиции, а также порядок назначения и увольнения ее начальников. Большое внимание было уделено определению специфики правового статуса милиции, связанной с ее милитаризацией в годы Гражданской войны.

Таким образом, с принятием положения процесс становления советской милиции был завершен. Она окончательно сформировалась как специальный государственный орган охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Дальнейшее ее строительство осуществлялось главным образом в направлении развития заложенных положением организационно-правовых основ деятельности.

Сущностные признаки советской милиции

Рабоче-крестьянская милиция коренным образом отличалась от царской полиции, народной милиции Временного правительства и органов охраны правопорядка, созданных в антибольшевистских государственных образованиях. Можно выделить ряд признаков, которые характеризуют ее как орган охраны правопорядка советского государства. В рамках настоящей работы рассмотрим только два из них.

Первым сущностным признаком рабоче-крестьянской милиции стала ее единая организация в рамках всего государства, централизация и штатная основа деятельности. Милиция являлась государственным органом и находилась в ведении НКВД РСФСР. Поэтому ее организационно-правовые основы деятельности были едины для всего государства, вне зависимости от особенностей регионов, входивших в его состав. Штатная численность устанавливалась государством. Снабжение всеми видами довольствия (продовольствие, вооружение, обмундирование, снаряжение и пр.) производилось государством. Обучение милиционеров осуществлялось по тождественным программам. Сотрудники получали одни и те же знания и обучались одним и тем же

⁷ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10.06.1920 «О Рабоче-Крестьянской Милиции (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 79. Ст. 371.

навыкам, вне зависимости от места прохождения обучения. Сотрудники милиции входили в единый штат, имевший иерархическую структуру, вводилась воинская дисциплина. Нижестоящие сотрудники подчинялись вышестоящим, устанавливались соответствующие должности и знаки различия, что обуславливало разный правовой статус милиционеров и их полномочия.

Вторым сущностным признаком советской милиции является то, что она изначально создавалась как общенародный орган охраны правопорядка. Рабочая милиция формировалась советами и находилась в их ведении. Пришедшая ей на смену рабоче-крестьянская милиция входила в структуру НКВД и советов (управления милиции на местах являлись подразделениями отделов управления соответствующих исполнительных комитетов). В связи с этим советы обладали значительными полномочиями в отношении милиции. Например, ее начальство избиралось, отстранялось и снималось с должности местными исполкомами.

В контексте рассматриваемого вопроса чрезвычайную важность представляют особенности формирования штата советской милиции. Согласно Положению о рабоче-крестьянской милиции на службу принимались только грамотные, пользовавшиеся избирательным правом, не состоявшие под следствием и судом, годные по состоянию здоровья лица, достигшие 21 года, а также красноармейцы. Среди этих требований ключевым условием для поступления на службу в советскую милицию стало наличие у кандидата избирательного права.

Дело в том, что Конституция РСФСР 1918 г.⁸, принятая в условиях эскалации Гражданской войны, закрепила классовый подход в качестве важнейшего принципа организации и деятельности советских государственных институтов. Наиболее ярко он проявился в конституционном закреплении избирательных прав граждан. Согласно статьям 64 и 65 Основного Закона трудящиеся были наделены этими правами, а эксплуататоры — нет.

Таким образом, на службу в рабоче-крестьянскую милицию могли приниматься только трудящиеся. Можно констатировать, что в процессе строительства советской милиции был в полной мере реализован классовый принцип, определивший особенности комплектования ее штата. При этом в реалиях начала XX в. классовость советской милиции одновременно означала и наличие у нее широкой социальной опоры — трудящихся, которые составляли подавляющее большинство населения. Отражением данного факта стало название этого правоохранительного органа — рабоче-крестьянская милиция.

Для подтверждения данного тезиса необходимо обратиться к материалам проведенной в январе 1897 г. Первой всеобщей переписи населения, которая является важнейшим и практически единственным официальным источником о социальной структуре населения Российской империи. Согласно ее данным

⁸ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

подавляющее большинство населения страны являлось «лицами сельского состояния» (прежде всего, крестьянами и казаками) — более 86 %. Эта же категория населения составляла в городах почти 44 % жителей — рабочих, ремесленников, мелких торговцев и др. В то же время потомственные дворяне, личные дворяне и чиновники не из дворян, духовенство, потомственные и личные почетные граждане, купцы вместе с семьями составляли менее 2,5 % населения страны [3, с. 84–111; 160–187]⁹. Несмотря на изменения, произошедшие в структуре населения империи в начале XX в., связанные с индустриализацией и ростом численности горожан, очевидно, что приведенные данные кардинально измениться не могли. Поэтому подавляющая часть населения России в годы Гражданской войны являлась крестьянами и рабочими — трудящимися, из которых состояла советская милиция и которых она защищала от преступных посягательств.

Очевидно, что укомплектованная в соответствии с классовым принципом рабоче-крестьянская милиция пользовалась всесторонней поддержкой граждан страны. Данная особенность, в свою очередь, обусловила ее достаточно высокую эффективность деятельности по охране правопорядка в годы Гражданской войны.

Результаты исследования

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. Генезис советской милиции в основном был завершен к концу 1920 г. К этому времени на подавляющей части территории страны была установлена советская власть и образованы органы советской милиции. Их строительство осуществлялось на основе Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Милиции (Положение)». Советская милиция являлась централизованным штатным правоохранительным органом, укомплектованным на основе классового принципа представителями трудящихся.

2. Первоначально советская милиция называлась рабочей, а затем рабоче-крестьянской. Эти названия отражали особенности ее организации и подчеркивали связь с населением (трудящимися), из которых и для защиты которых она создавалась.

3. Сущностными признаками советской милиции являлись единая организация в рамках всего государства, централизация и штатная основа деятельности; комплектование на основе классового принципа, реализация которого позволяет охарактеризовать ее как народный орган охраны правопорядка.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 // Сочинения: в 30 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. С. 257–267.

⁹ Подсчитано автором.

2. Мулукаев Р. С., Афанасьев В. С. Советская милиция как орган охраны правопорядка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 207–211.
3. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2-х т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. Т. 1. 268 с.
4. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50
5. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука перед вызовом постнеклассической научной рациональности // История государства и права. 2021. № 3. С. 75–80.
6. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02
7. Степанов М. М. Институт единоличных следователей в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Российский следователь. 2016. № 21. С. 52–56.
8. Степанов М. М. Милиция России в годы гражданской войны. Норильск: Норильский индустриальный институт, 2010. 210 с.
9. Степанов М. М. Особенности строительства милиции в годы Гражданской войны // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 166–171.

References

1. Marks K., Engels F. Obrashchenie Tsentral'nogo komiteta k Soyuzu kommunistov. Mart 1850 // Sochinenija v 30 t. M.: Gospolitizdat, 1956. T. 7. S. 257–267.
2. Mulukaev R. S., Afanasyev V. S. Sovetskaya militsiya kak organ ohrany pravoporyadka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 4 (56). S. 207–211.
3. Obshij svod po Imperii rezultatov razrabotki dannyh pervoj vseobshej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda: v 2-h t. / pod red. N. A. Trojnitskogo. SPb.: Parovaya tipo-litografiya N. L. Nyrkina, 1905. T. 1. 268 s.
4. Pashentsev D. A. Antropotsentriзм kak preodolenie narrativа v istoriko-pravovyh issledovaniyah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2022. № 3. S. 44–50. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50
5. Pashentsev D. A. Istoriko-pravovaya nauka перед vyzovom postneklassicheskoy nauchnoj racionalnosti // Istoriya gosudarstva i prava. 2021. № 3. S. 75–80.
6. Pashentsev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02
7. Stepanov M. M. Institut edinolichnyh sledovatelej v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1920 gg.) // Rossijskij sledovatel. 2016. № 21. S. 52–56.
8. Stepanov M. M. Militsiya Rossii v gody grazhdanskoj vojny. Norilsk: Norilskij industrialnyj institut, 2010. 210 s.
9. Stepanov M. M. Osobennosti stroitelstva militsii v gody Grazhdanskoj vojny // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2007. № 2 (8). S. 166–171.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 342.951:37(075)

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-44-51

Н. М. Ладнушкина

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
ladnushkinanm@mgpu.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СООТВЕТСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РИСКОВ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена критическому анализу юридических рисков, возникающих в процессе адаптации основных общеобразовательных программ к требованиям обновленных федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и федеральных образовательных программ (ФОП). В условиях непрерывной трансформации российского образовательного законодательства выявляются ключевые зоны несоответствия, которые могут повлечь за собой административную ответственность образовательных организаций. Предлагаются конкретные правовые и методические рекомендации по оптимизации процессов разработки и внедрения образовательных программ, направленные на минимизацию юридических рисков и обеспечение высокого качества образовательной среды.

Ключевые слова: образовательная программа; федеральная образовательная программа; федеральный государственный образовательный стандарт; целевой раздел; содержательный раздел; организационный раздел; юридические риски; административная ответственность.

UDC 342.951:37(075)

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-44-51

N. M. Ladnushkina

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
ladnushkinanm@mgpu.ru

ENSURING THE COMPLIANCE OF EDUCATIONAL PROGRAMS WITH RUSSIAN LEGISLATION: LEGAL ANALYSIS OF RISKS AND RECOMMENDATIONS

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the legal risks arising in the process of adapting basic general education programs to the requirements of the updated federal state educational standards (FSSES) and federal educational programs (FOP). In the context of the continuous transformation of Russian educational legislation, key areas of non-compliance are identified, which may entail administrative liability for educational organizations. The article provides specific legal and methodological recommendations for optimizing the development and implementation of educational programs, aimed at minimizing legal risks and ensuring a high-quality educational environment.

Keywords: educational program; federal educational program; federal state educational standard; target section; content section; organizational section; legal risks; administrative responsibility.

Введение

Требования к качеству образования со стороны государства являются обязательными и неизменными [2], в то время как современная система российского образования функционирует в режиме перманентных законодательных изменений [1], требующих от образовательных организаций постоянной актуализации своих основных общеобразовательных программ (ООП).

Образовательная программа играет ключевую роль в современном образовательном пространстве, обеспечивая структурированный подход к формированию знаний, навыков и компетенций учащихся. Она представляет собой основу, на которой строится вся образовательная деятельность и которая отражает цели, задачи и ожидаемые результаты обучения.

Актуализация образовательных программ необходима для эффективно функционирования образовательных организаций в условиях динамично развивающейся правовой среды. Постоянное совершенствование учебных программ позволяет улучшать качество образовательного процесса, соответствовать современным нормам и учитывать интересы учеников и их законных представителей.

Нормативно-правовая основа исследования

Нормативной базой исследования выступили положения следующих законодательных актов:

- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании)¹;
- Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 371-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и статью 1 Федерального закона “Об обязательных требованиях в Российской Федерации”»²;
- приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования»³;
- приказы Министерства просвещения Российской Федерации: «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования» (от 19 февраля 2024 г. № 110); «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования» (от 18 июня 2025 г. № 467); «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» (от 19 марта 2024 г. № 171); «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования», — которыми были внесены изменения в федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные образовательные программы, являющиеся основой для разработки основных общеобразовательных программ (от 09.10.2024 № 704).

Основное исследование

Фундаментальным актом, определяющим понятие и структуру образовательной программы, остается Закон об образовании. Вместе с тем триггером реформ стало стремление к обеспечению единообразия в содержании образовательного процесса, его базовых объемов и планируемых результатов, что повлекло за собой необходимость актуализации программ. Федеральным

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.08.2025).

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427331/ (дата обращения: 27.08.2025).

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131/ (дата обращения: 27.08.2025).

законом от 24 сентября 2022 г. № 371-ФЗ в правовое поле было введено новое понятие федеральной общеобразовательной программы. Теперь ООП разрабатываются не только на основе ФГОС, но и с обязательным учетом требований соответствующей ФОП. Данное изменение существенно ограничило вариативную часть программ, установив императивные требования к содержанию и планируемым результатам обучения.

Императивные требования ФОП

Законодатель обязал образовательные учреждения непосредственно применять федеральные рабочие программы по основным учебным предметам в рамках обязательного компонента ООП на всех уровнях общего образования.

Уровень образования	Обязательные федеральные рабочие программы (ФРП)
Начальное общее образование (НОО)	«Русский язык», «Литературное чтение», «Окружающий мир», «Труд (технология)»
Основное общее образование (ООО)	«Русский язык», «Литература», «История», «Обществознание», «География», «Основы безопасности и защиты Родины», «Труд (технология)»
Среднее общее образование (СОО)	«Русский язык», «Литература», «История», «Обществознание», «География», «Основы безопасности и защиты Родины»

Дополнительно были установлены запреты на корректировку числа уроков по дисциплинам, включенным в программу государственной итоговой аттестации (ГИА), что является дополнительным свидетельством унификации учебного процесса.

Несмотря на введение ФОП, ФГОС сохраняют свой статус основного документа, устанавливающего требования к структуре ООП. Соблюдение требований ФГОС является предметом контрольных надзорных мероприятий в сфере образования и ключевым показателем в аккредитации. В основе разработки образовательных программ, внесения в них изменений и дополнений лежит принцип приоритета стандарта: в случае возникновения коллизии между положениями ФОП и требованиями ФГОС, образовательная организация обязана руководствоваться ФГОС, поскольку именно он определяет обязательную структуру программы (целевой, содержательный, организационный разделы) и является основанием для оценки качества образования.

Несоблюдение требований к структуре и содержанию ООП квалифицируется как нарушение законодательства об образовании и влечет за собой административную ответственность⁴. Судебная и надзорная практика подтверждает, что прокурорские проверки и проверки Рособнадзора часто выявляют

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Статья 19.30. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 27.08.2025).

нарушения, связанные именно с несоответствием структуры и содержания ООП требованиям, установленным стандартами.

Анализ практики разработки ООП выявляет несколько критических зон, где образовательные организации наиболее часто допускают нарушения, связанные с формальным подходом к требованиям ФГОС.

Целевой раздел: пояснительная записка

ФГОС требует, чтобы пояснительная записка целевого раздела содержала исчерпывающую информацию не только о целях разработки программы, но и о ее характеристиках, механизмах реализации и основных подходах к осуществлению внеурочной деятельности. Однако на практике многие организации недооценивают ее роль, ограничиваясь общими фразами. Это ведет к следующим нарушениям:

1. *Нераскрытие механизмов реализации образовательной программы.*

Представление механизмов реализации программы предполагает описание в записке форм организации обучения (индивидуальная, групповая, классно-урочная, лекционно-семинарская, Дальтон-план, кредитно-зачетная и др.); наличие сетевой интеграции, модульного принципа построения учебного материала; применение электронного обучения или дистанционных образовательных технологий; выбор направлений учебной деятельности, в том числе профилей обучения.

2. *Отсутствие развернутой характеристики разработанной образовательной программы.* Следует подробно изложить содержание той части образовательной программы, которую определяют участники образовательных отношений, объяснить механизм формирования ее вариативности, уровня сложности и ориентации, обеспечивающих удовлетворение индивидуальных образовательных нужд и возможностей обучающихся.

3. *Отсутствие отражения общих подходов к организации внеурочной деятельности.* В пояснительной записке к ООП среднего общего образования (СОО) часто отсутствует описание организации внеурочной деятельности, что является прямым нарушением требований пункта 18.1.1. ФГОС СОО.

Важно отметить, что даже ФОП, представленные как образцы, могут содержать неполные пояснительные записки. Организациям, использующим их как основу, необходимо обязательно дополнять их собственными материалами, отражающими уникальность специфики их деятельности.

Целевой раздел: планируемые результаты

Планируемые результаты, указанные в целевом разделе, имеют ключевое значение, поскольку служат базой для разработки всех рабочих программ.

Формальное копирование формулировок из ФГОС или ФОП влечет за собой существенный риск, способный привести к несоблюдению стандартов. Согласно установленным требованиям, планируемые результаты необходимо адаптировать с учетом положений ФОП, однако они должны быть представлены в форме деятельности, подчеркивающей важность применения полученных знаний и практических навыков. Прямая передача формулировок ФГОС или ФОП противоречит данному принципу.

Кроме того, планируемые результаты должны быть представлены непосредственно в целевом разделе ООП. Указание на то, что они содержатся только в рабочих программах учебных предметов, является нарушением требований к структуре ООП.

Содержательный раздел: рабочие программы

После введения ФОП образовательные учреждения обязаны использовать утвержденные федеральным уровнем рабочие программы для указанных выше учебных курсов. Что касается предметов вне списка обязательных (например, иностранный язык или информатика), то организации получают право самостоятельно формировать рабочие программы, соблюдая при этом важное условие: учебный материал и планируемые результаты не могут быть ниже предусмотренных аналогичными положениями ФОП.

Рекомендуем учитывать юридические тонкости и минимизировать риски, используя федеральные рабочие программы в качестве исходной базы для подготовки любых иных программ, даже если закон не предусматривает обязательное следование таким программам.

В случае самостоятельной разработки необходимо провести тщательную экспертизу на предмет соответствия требованиям ФОП и ФГОС.

Для обеспечения полного соответствия ООП действующему законодательству и повышения качества документации образовательным организациям рекомендуется следовать следующим шагам:

Этап	Рекомендация	Юридическое обоснование
Аудит и актуализация	Провести полный аудит действующей ООП на предмет соответствия ФГОС и ФОП, уделяя особое внимание изменениям, вступившим в силу с 1 сентября 2025 года (например, исключение понятия «предметная область» из ФГОС НОО и ООО)	Требование ст. 28 ФЗ № 273-ФЗ о компетенции образовательной организации по разработке и утверждению образовательных программ
Разработка пояснительной записки	Детализировать механизмы реализации программы (сетевое взаимодействие, ЭО/ДОТ,	Пункт 18.1.1. ФГОС СОО и требования к структуре целевого раздела ФГОС НОО/ООО

Этап	Рекомендация	Юридическое обоснование
	модульность) и подходы к организации внеурочной деятельности (для СОО)	
Формулировка результатов	Переформулировать планируемые результаты в деятельностной форме, избегая прямого копирования из нормативных актов, и обеспечить их размещение в целевом разделе	Требование ФГОС о деятельностной форме результатов и их роли как критериальной основы
Рабочие программы	Использовать ФРП по всем обязательным предметам. По вариативной части обеспечить, чтобы содержание и результаты были не ниже уровня, установленного ФООП	Ст. 12 ФЗ № 273-ФЗ (в редакции ФЗ № 371-ФЗ) о непосредственном применении ФРП
Внутренний контроль	Внедрить систему внутреннего контроля за соответствием ООП законодательству, включая регулярную проверку изменений в приказах Минпросвещения (например, приказы № 171 от 19.03.2024, № 704 от 09.10.2024)	Предотвращение административных правонарушений по ст. 19.30 КоАП РФ

Результаты исследования

Переход к единому образовательному пространству, закрепленный введением ФООП, является значительным шагом к унификации требований, но одновременно создает новые юридические вызовы для образовательных организаций. Успешная адаптация требует не просто формального включения новых разделов, но и глубокого правового анализа, а также методической проработки всех элементов ООП. Осознанное следование принципу приоритета ФГОС в части структуры и тщательная детализация механизмов реализации в пояснительной записке являются ключевыми факторами для минимизации рисков административной ответственности и обеспечения высокого качества образовательной деятельности.

Список источников

1. Апостолова Т. М. Образовательные услуги: качество образования и правовые коллизии // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (20). С. 48–54.
2. История образования и педагогической мысли: в 3 т. Т. 3: Правовое регулирование государственного контроля качества образования / А. Г. Чернявский [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2020. 380 с.

References

1. Apostolova T. M. Obrazovatelnye uslugi: kachestvo obrazovaniya i pravovye kolli-zii // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2015. № 4 (20). S. 48–54.
2. Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli: v 3 t. T. 3: Pravovoe regulirova-nie gosudarstvennogo kontrolya kachestva obrazovaniya / A. G. Chernyavskij [i dr.]. M.: INFRA-M, 2020. 380 s.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 342.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-52-62

С. С. Мишустин

Национальный медицинский исследовательский центр
«Лечебно-реабилитационный центр»,
Москва, Российская Федерация,
mishustinss@mail.ru

Д. В. Чернокожев

Национальный медицинский исследовательский центр
«Лечебно-реабилитационный центр»,
Москва, Российская Федерация,
dchernokozhev@med-rf.ru

Т. Н. Шаврова

Национальный медицинский исследовательский центр
«Лечебно-реабилитационный центр»,
Москва, Российская Федерация,
tshavrova@med-rf.ru

МЕДИЦИНСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВЗРОСЛЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В работе дана правовая характеристика медицинской реабилитации взрослого населения, которая начала действовать с начала 2021 г. Авторы выделяют новые подзаконные нормативные правовые акты Минздрава России, регулирующие получение медицинской реабилитации на дому, в том числе с использованием телемедицинских консультаций. Настоящая работа выявила пробелы в исследовании медицинской реабилитации взрослого населения с точки зрения права. С учетом складывающейся судебной практики выявляются нарушения лицензионных требований при оказании медицинской реабилитации в организациях, осуществляющих санаторно-курортное лечение, что может привести к реальной угрозе жизни и здоровью граждан. Авторы подчеркивают взаимозависимость и взаимообусловленность медицинской реабилитации и социальной реабилитации как гражданского населения, так и военнослужащих.

Ключевые слова: медицинская реабилитация; взрослое население; охрана здоровья; развитие здравоохранения; медицинское право; медицинская помощь; медицинская услуга.

Благодарности: авторы выражают глубокую признательность д. ю. н. А. А. Троицкой за ценные замечания и предложения к тексту данной статьи.

UDC 342.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-52-62

S. S. Mishustin

National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre,
Moscow, Russian Federation,
mishustinss@mail.ru

D. V. Chernokozhev

National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre,
Moscow, Russian Federation,
dchernokozhev@med-rf.ru

T. N. Shavrova

National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre,
Moscow, Russian Federation,
tshavrova@med-rf.ru

MEDICAL REHABILITATION OF ADULTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The paper provides a legal description of the medical rehabilitation of the adult population, which began to operate in early 2021. The authors identify new subordinate regulatory legal acts of the Ministry of Health of the Russian Federation regulating the provision of medical rehabilitation at home, including the use of telemedicine consultations. The present work has revealed gaps in the study of medical rehabilitation of the adult population from the point of view of law. Taking into account the current judicial practice, violations of licensing requirements are revealed when providing medical rehabilitation in organizations providing sanatorium treatment, which can lead to a real threat to the life and health of citizens. The authors emphasize the interdependence and interdependence of medical rehabilitation and social rehabilitation of both civilians and military personnel.

Keywords: medical rehabilitation; adult population; health care; health promotion; health development health care; medical law; medical care; medical service.

Acknowledgements: the authors express their deep gratitude to Doctor of Law A. A. Troitskaya for her valuable comments and suggestions to the text of this article.

Введение

С 1 января 2021 г. в Российской Федерации частично обновили правовой институт медицинской реабилитации. Минздрав России урегулировал по отдельности комплексы мероприятий по медицинской реабилитации взрослых¹ и детей².

¹ Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых: Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 года № 788н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202009250036> (дата обращения: 20.08.2025).

² Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации детей: Приказ Минздрава России от 23 октября 2019 года № 878н // Официальный интернет-портал правовой

Порядок организации медицинской реабилитации³, действовавший до указанной даты, включал реабилитацию как детей, так и взрослых без явного разграничения правовой специфики медицинской реабилитации этих групп населения.

Позднее Правительство Российской Федерации дополнило государственную программу «Развитие здравоохранения» правилами на предоставление отдельного финансирования для закупки медицинских изделий в медицинские организации, осуществляющие медицинскую реабилитацию⁴.

Регионы включились в более активную работу по формированию структуры медицинской реабилитации не только как части системы здравоохранения, но и как части медицинского права.

Субъекты Российской Федерации стали разрабатывать и утверждать региональную программу «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация»⁵, нормативные правовые акты и другие документы для урегулирования оказания медицинской помощи по медицинской реабилитации.

Актуальность медицинской реабилитации всегда возрастала при ведении боевых действий. Так, Всемирная организация здравоохранения предупреждает о «тысячах людей», которым понадобится «восстановительная хирургия и физическая реабилитация» после завершения военных действий в Ливане⁶.

На ближайшие годы определены национальные цели развития Российской Федерации, которые также включают повышение уровня оказания медицинской реабилитации участникам специальной военной операции (СВО) и их удовлетворенность полученной медицинской помощью⁷.

Данный показатель включен также и в оценку деятельности глав субъектов РФ и органов исполнительной власти регионов⁸.

информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201912240050> (дата обращения: 20.08.2025).

³ О порядке организации медицинской реабилитации: Приказ Минздрава России от 29 декабря 2012 года № 1705н // Российская газета (специальный выпуск). 25.04.2013. № 263.

⁴ О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2022 года № 447 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203280011> (дата обращения: 20.08.2025).

⁵ URL: https://med-rf.ru/regions/docrehab/Требования%20к%20рег_программам_17-5%20И%202-1495_2022_02_02.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ В восстановительной хирургии и физической реабилитации после войны будут нуждаться тысячи ливанцев. 06.01.2025 // Новости Организации Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460046> (дата обращения: 14.01.2025).

⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 07.05.2024).

⁸ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 года № 1014 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003> (дата обращения: 28.11.2024).

Настоящая работа ставит своей целью охарактеризовать с точки зрения права обновленную систему медицинской реабилитации взрослого населения в РФ путем оценки действующего федерального законодательства и судебной практики за период с 01.01.2021 по 31.12.2024 после ее выделения в самостоятельное правовое регулирование.

Методы исследования

В рамках исследования использовались классические методы синтеза и анализа, формально-юридический метод и другие инструменты.

Основное исследование

В отечественной юридической литературе вопросы медицинской реабилитации нередко рассматриваются в разрезе административного [4] и чаще уголовного законодательства по отношению к больным наркоманией [1]. Примыкают к этому направлению и потребители психоактивных веществ (ПАВ) [2]. В зарубежной литературе встречаются аналогичные исследования [6].

Например, Комитет по опасным наркотикам Республики Филиппины (Dangerous Drugs Board — Republic of Philippines) определяет медицинскую реабилитацию как помощь лицам, зависимым от ПАВов, наркотиков, и направленную на исключение компульсивного поведения, включающего поиск и потребление ПАВов и наркотиков⁹.

Следует особо подчеркнуть: медицинская реабилитация наркоманов и потребителей ПАВов, помимо профильного законодательства в сфере охраны здоровья, регулируется и иным федеральным законодательством¹⁰, совместным приказом Минздрава России и Минтруда России¹¹, а также другими нормативными правовыми актами и отличается от порядка медицинской реабилитации, вступившего в силу с 1 января 2021 г.¹²

⁹ Dangerous Drugs Board (DDB). Board Regulation № 2. URL: https://ddb.gov.ph/images/Board_Regulation/2018/2018_Board_Regulation_No._2_-_BALAY__SILANGAN.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

¹⁰ О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08 января 1998 года № 3-ФЗ // Российская газета. 15.01.1998. № 7.

¹¹ Об утверждении Порядка прохождения больными наркоманией медицинской и социальной реабилитации : Приказ Минздрава России № 208н, Минтруда России № 432н от 03 мая 2023 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305100010> (дата обращения: 20.08.2025).

¹² Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых: Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 года № 788н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202009250036> (дата обращения: 20.08.2025).

Подобная ситуация сложилась и в медицинской реабилитации у лиц, заключенных под стражу или отбывающих наказание в виде лишения свободы при туберкулезе¹³.

Если исходить из опубликованной в юридической науке литературы, то может сложиться неполное и неверное представление о цели и задачах современной медицинской реабилитации в Российской Федерации вне административного и уголовного права.

В рамках законодательства о социальной защите инвалидов также проводится медицинская реабилитация, являющаяся одним из основных направлений в реабилитации и абилитации инвалидов¹⁴. Однако, как и в случае с наркоманами, потребителями ПАВов и категорией лиц, больных туберкулезом, медицинская реабилитация имеет свои отличия и особенности.

Медицинская услуга оказывается в соответствии с индивидуальной программой реабилитации и абилитации инвалидов, где медицинская реабилитация является одним из пунктов утвержденных мероприятий.

В этой связи нередки случаи, когда органы прокуратуры отстаивают в судебном порядке права инвалидов на получение технических средств реабилитации при проведении медицинской реабилитации в рамках законодательства о социальной защите. Так, в ряде случаев суды обязали территориальные органы Социального фонда России обеспечить инвалидов техническими средствами реабилитации¹⁵. В мотивировочной части суды прямо указывают на нарушение прав инвалидов на социальную защиту и другие государственные гарантии.

Можно отметить, что в настоящее время становится очевидным более тесное взаимодействие между медицинской реабилитацией взрослых в рамках обновленной системы и социальной реабилитацией, в том числе инвалидов. Это отразилось в Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года¹⁶. В этом нормативном правовом акте медицинская

¹³ Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: Приказ Минюста России от 28 декабря 2017 года № 285 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802090028> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁴ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ // Российская газета. 02.12.1995. № 234.

¹⁵ Решение Кудымкарского городского суда Пермского края от 27.02.2024 по делу № 2-153/2024 (2-14 90/2023) // КонсультантПлюс; Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 21.02.2024 по делу № 2-1105/2024 // Октябрьский районный суд г. Ставрополя. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EXGwvFfeJVLC/> (дата обращения: 14.01.2025); Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 15.02.2024 по делу № 2-235/2024 // Димитровградский городской суд Ульяновской области. URL: <https://dimitrovgradskiy.uln.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁶ Об утверждении Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2021 года № 3711-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202112280026?index=1> (дата обращения: 20.08.2025).

реабилитация включена в понятие «комплексная реабилитация» и тем самым определяет дальнейшие этапы ее развития.

Неразрывная взаимосвязь и взаимозависимость медицинской реабилитации с социальной реабилитацией, в том числе инвалидов, очевидна.

В рамках действующего законодательства медицинская реабилитация в целом является медицинской услугой и тесно взаимосвязана с лечением¹⁷. В логике законодателя медицинская реабилитация включает применение по отношению к больному широкого спектра мероприятий как медицинского, так и психологического характера для снижения риска инвалидизации, ради сохранения здоровья пациента, а также продолжения полноценной жизни человека в обществе¹⁸.

Минздрав России, помимо регламентации медицинской реабилитации взрослых и детей, также урегулировал медицинскую реабилитацию на дому¹⁹ и с применением телемедицинских технологий, в том числе и на дому²⁰.

Стоит подчеркнуть: обновленная система медицинской реабилитации взрослых заработала не только в области «классического» понимания законодательства об охране здоровья, но и в законодательстве о социальном страховании и статусе военнослужащих, о чем будет сказано далее.

Правовые особенности обновленной системы медицинской реабилитации

Важными особенностями нового приказа Минздрава России стали обязательное использование Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ), а также шкалы реабилитационной маршрутизации (ШРМ). С помощью ШРМ каждый пациент индивидуально маршрутизируется на медицинскую реабилитацию в одну из четырех групп медицинских организаций на один из трех этапов²¹.

В основе выделения групп медицинских организаций заложен определенный ряд критериев (признаков):

¹⁷ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ // Российская газета. 23.11.2011. № 263.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Об утверждении порядка организации медицинской реабилитации на дому, включая перечень медицинских вмешательств, оказываемых при медицинской реабилитации на дому, порядка предоставления пациенту медицинских изделий и порядка оплаты медицинской реабилитации на дому: Приказ Минздрава России от 28 февраля 2023 года № 81н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202303300018> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁰ Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: Приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 года № 965н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201801100021> (дата обращения: 20.08.2025).

²¹ Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых: Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 года № 788н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202009250036> (дата обращения: 20.08.2025).

- 1) вид медицинской помощи;
- 2) условия оказания медицинской помощи;
- 3) баллы по ШРМ.

Важно подчеркнуть, что медицинские организации четвертой группы — это только федеральные учреждения. К организациям первой, второй и третьей групп относятся медицинские организации иных форм собственности.

Направление пациента на первый, второй или третий этап зависит в первую очередь от состояния (заболевания) пациента.

Первый этап медицинской реабилитации осуществляется в медицинских организациях, оказывающих специализированную, в том числе высокотехнологичную медицинскую помощь в условиях круглосуточного стационара в зависимости от профиля, например «анестезиология и реаниматология», «онкология», «кардиология» и др.

На втором этапе реабилитация оказывается пациенту в условиях круглосуточного стационара при оказании специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи, но уже в одном из трех отделений:

- 1) отделение медицинской реабилитации пациентов с нарушением функции периферической нервной системы и костно-мышечной системы;
- 2) отделение медицинской реабилитации пациентов с нарушением функции центральной нервной системы;
- 3) отделение медицинской реабилитации пациентов с соматическими заболеваниями.

Третий этап пациенты проходят в условиях дневного стационара и (или) амбулатории при оказании первичной медико-санитарной помощи.

Медицинская организация, осуществляющая медицинскую реабилитацию, должна иметь соответствующую лицензию на оказание медицинских услуг²².

В настоящее время Единый реестр лицензий²³ содержит записи, которые требуют дополнительного комментария. Например, санаторий «Юматово» оказывает медицинскую реабилитацию при санаторно-курортном лечении по лицензии от 24.12.2019 № Л041-01170-02/00327300. Между тем действующее

²² О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)): Постановление Правительства Российской Федерации от 01 июня 2021 года № 852 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202106020050> (дата обращения: 20.08.2025).

²³ Единый реестр лицензий, в том числе лицензий, выданных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с переданным полномочием по лицензированию отдельных видов деятельности // Росздравнадзор. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/licenses> (дата обращения: 17.01.2025).

нормативное правовое регулирование требует оказания медицинской реабилитации при соблюдении хотя бы одного из трех условий:

- амбулатория;
- дневной стационар;
- круглосуточный стационар²⁴.

На этом фоне интересна публикация А. С. Ясинской с соавторами [3]. Авторы, помимо указанных условий оказания медицинской реабилитации, выделили и санаторно-курортные условия, что не соответствует действующему подзаконному нормативному правовому акту.

В Новосибирской области суд рассмотрел несколько дел в отношении организаций санаторно-курортного лечения, оказывающих медицинскую реабилитацию на втором этапе без лицензии на выполнение работ (услуг) по направлению «анестезиология и реаниматология».

По решению суда юридических лиц привлекли к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁵.

Медицинская реабилитация в социальном страховании

Одним из видов социального страхования является социальное страхование от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве²⁶.

К видам обеспечения по страхованию относятся дополнительные выплаты, в том числе на медицинскую реабилитацию. Важным условием для получения выплаты является прямая связь между страховым случаем и последствием.

Во исполнение требований закона Правительство РФ издало положение об оплате дополнительных расходов²⁷, а Минтруд России утвердил приказ

²⁴ Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых: Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 года № 788н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202009250036> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁵ Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 31.05.2024 по делу № А45-13347/2024 // Банк решений арбитражных судов. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30e738c1-f705-473d-95b6-69c4b313d3bf> (дата обращения: 20.08.2025); Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 31.05.2024 по делу № А45-13348/2024 // Банк решений арбитражных судов. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/56354696-95e6-42e6-9dae-a92706476d49> (дата обращения: 20.08.2025); Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 31.05.2024 по делу № А45-15443/2024 // Банк решений арбитражных судов. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/54ddc441-662d-4203-8d04-95ced2000189> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁶ Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ // Российская газета. 12.08.1998. № 154–154.

²⁷ Об утверждении Положения об оплате дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 286 // Российская газета. 24.05.2006. № 108.

с разъяснениями по применению положения²⁸. Организует медицинскую реабилитацию застрахованных лиц Социальный фонд России²⁹.

Стоит подчеркнуть, что указанные права не распространяются на застрахованных осужденных лиц.

Медицинская реабилитация военнослужащих

Для военнослужащих, независимо от ведомственной принадлежности, предусмотрена возможность прохождения медико-психологической реабилитации³⁰. Например, для военнослужащих Минобороны России предусмотрено, помимо медико-психологической реабилитации, санаторно-курортное обеспечение³¹, включающее в себя право лица и на медицинскую реабилитацию³².

Д. А. Семянникова изучала вопрос о предоставлении комплексной реабилитации военнослужащим — участникам СВО и пришла к выводу о недостаточности механизмов реабилитации, в том числе и медицинской, именно для ветеранов боевых действий [5, с. 72].

В настоящее время за ветеранами боевых действий законодательно закрепили право на медицинскую реабилитацию в центрах реабилитации Социального фонда России³³. Однако из-за ограничения доступа к данной информации сложно сказать, в какой степени это обеспечит имеющуюся потребность в медицинской реабилитации военнослужащих.

²⁸ Об утверждении разъяснения о порядке оплаты дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию застрахованных лиц, получивших повреждение здоровья вследствие несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Приказ Минтруда России от 20 августа 2018 года № 529н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201811270044> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁹ О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 236-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140012> (дата обращения: 20.08.2025).

³⁰ О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ // Российская газета. 02.06.1998. № 104.

³¹ О медико-психологической реабилитации военнослужащих: Приказ Минобороны России от 27 января 2017 года № 60 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201703060013> (дата обращения: 20.08.2025).

³² О порядке санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации: Приказ Минобороны России от 15 марта 2011 года № 333 // Российская газета. 24.06.2011. № 135.

³³ Об утверждении Правил предоставления и оплаты услуг по санаторно-курортному лечению, медицинской реабилитации лиц, указанных в части 10 статьи 7 Федерального закона «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», в центрах реабилитации Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1960 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412300030> (дата обращения: 20.08.2025).

На период проведения СВО военнослужащие Вооруженных сил РФ, находящиеся в отпуске, в том числе по болезни, также обеспечены правом на медицинскую реабилитацию третьего этапа в условиях амбулатории и (или) дневного стационара помощи в медицинских организациях субъектов РФ и органов местного самоуправления³⁴.

Военнослужащие после увольнения также обеспечиваются медицинской реабилитацией в рамках законодательства об обязательном медицинском страховании³⁵.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о становлении в Российской Федерации достаточно сложного и динамичного законодательства в области медицинской реабилитации. Работа выявила в действующем правовом поле разные механизмы и способы оказания медицинской реабилитации взрослому населению. Здесь же нужно отметить и разные источники финансирования медицинской реабилитации, которые зависят от ряда критериев, таких как, например, социальный статус пациента, его состояние (заболевание) и др.

Как выяснилось, обновленный порядок распространяется не только на гражданских лиц, нуждающихся в медицинской реабилитации и определенных законодательством об охране здоровья, но и на военнослужащих, а также на лиц, получивших травму на производстве, и никак не распространяется на потребителей ПАВов, инвалидов и других категорий граждан.

Следует отметить, что медицинские организации, осуществляющие санаторно-курортное лечение, не всегда соответствуют требованиям обновленного законодательства. В то же время важно подчеркнуть, что медицинская реабилитация может оказываться в медицинских организациях, осуществляющих санаторно-курортное лечение, но в соответствии с требованиями, определенными новым порядком: наличие соответствующей лицензии, отделений и т. д.

Настоящая работа выявила необходимость дальнейших исследований в области медицинской реабилитации, в которых следует более детально определить субъектов данных правоотношений, их права и обязанности; выявить механизмы правового регулирования медицинской реабилитации не только на федеральном, но и на иных уровнях публичной власти.

³⁴ Об особенностях оказания первичной медико-санитарной помощи военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, находящимся в отпуске, в том числе по болезни, медицинскими организациями, подведомственными исполнительным органам субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 1423 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202410250034> (дата обращения: 20.08.2025).

³⁵ О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ // Российская газета. 02.06.1998. № 104.

Список источников

1. Васильева Т. В. Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в российском уголовном праве // Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 78–87.
2. Ипатова К. А., Столярова А. А. Временная перспектива и ценностно-смысловые особенности личности потребителей психоактивных веществ (ПАВ), проходящих медицинскую реабилитацию по решению суда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 204. С. 129–139.
3. Правовые основы медицинской реабилитации пациентов с острым нарушением мозгового кровообращения / А. С. Ясинская [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 10 (124). С. 66.
4. Пугач Ю. С., Серебрянский А. С. Актуальные вопросы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2022. № 4 (61). С. 54–63.
5. Семьяникова Д. А. Правовое регулирование предоставления комплексной реабилитации военнослужащим-участникам специальной военной операции // Юридические исследования. 2023. № 12. С. 67–76.
6. Hasselgård-Rowe J. Detaining people who use drugs in Cambodia: A dual-track system // International Journal of Drug Policy. 2021. № 93. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102911

References

1. Vasilyeva T. V. Institut otsrochki otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej v rossijskom ugovnom prave // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2021. № 2 (16). S. 78–87.
2. Ipatova K. A., Stolyarova A. A. Vremennaya perspektiva i tsennostno-smyslovyje osobennosti lichnosti potrebitel'ej psixoaktivnyh veshestv (PAV), prohodyashix meditsinskuyu reabilitatsiyu po resheniyu suda // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2022. № 204. S. 129–139.
3. Pravovye osnovy meditsinskoj reabilitatsii patsientov s ostrym narusheniem mozgovogo krovoobrasheniya / A. S. Yasinskaya [i dr.] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2022. № 10 (124). S. 66.
4. Pugach Yu. S., Serebryanskij A. S. Aktual'nye voprosy protivodejstviya prestupleniyam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2022. № 4 (61). S. 54–63.
5. Semyannikova D. A. Pravovoe regulirovanie predostavleniya kompleksnoj reabilitatsii voennosluzhashim-uchastnikam spetsial'noj voennoj operatsii // Yuridicheskie issledovaniya. 2023. № 12. S. 67–76.
6. Hasselgård-Rowe J. Detaining people who use drugs in Cambodia: A dual-track system // International Journal of Drug Policy. 2021. № 93. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.drugpo.2020.102911

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 346.56

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-63-75

Д. С. Четвергов

Центральный банк Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
mitridat1999@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДЕНЕГ

Аннотация. Цифровые валюты центральных банков стали результатом восприятия со стороны государства технологии распределенных реестров, которая первоначально казалась угрожающей самой монополии государства на денежную эмиссию. Цифровые валюты центральных банков — средства платежа, эмитируемые центральными банками на базе распределенных реестров, — существуют в ряде стран, в том числе и в России. При этом вопрос о правовом режиме таких валют вызывает споры. В настоящей работе, на основе анализа законодательства, российской и зарубежной юридической литературы, приводятся основные подходы к пониманию правового режима цифровой валюты центральных банков и даются ответы на вопросы о правовой природе цифровой валюты центрального банка и сущности правоотношений, возникающих в связи с ней. Делается вывод о возможности отнесения цифровой валюты центральных банков к объектам абсолютных прав, в том числе права собственности.

Ключевые слова: цифровая валюта; цифровая валюта центральных банков; блокчейн; цифровой рубль; деньги; право собственности.

UDC 346.56

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-63-75

D. S. Chetvergov

The Central Bank of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
mitridat1999@yandex.ru

CENTRAL BANKS' DIGITAL CURRENCY WITHIN THE LEGAL CLASSIFICATION OF MONEY

Abstract. The digital currencies of central banks were the result of the government's perception of distributed ledger technology, which initially seemed to threaten the very monopoly of the state on monetary issuance. Central bank digital currencies, payment instruments issued by central banks based on distributed ledgers, exist in a number of countries, including Russia. At the same time, the issue of the legal regime of such currencies is controversial. In this paper, based on the analysis of legislation, Russian and foreign legal literature, the main approaches to understanding the legal regime of the digital currency

of central banks are presented and answers are given to questions about the legal nature of the digital currency of the central bank and the essence of legal relations arising in connection with it. It is concluded that the digital currency of central banks can be classified as objects of absolute rights, including property rights.

Keywords: digital currency; central bank digital currency; blockchain; digital ruble; money; property.

Введение

Блокчейн, вначале казавшийся элементом хаоса, который угрожает самим основам экономики и ставит под угрозу монополию государств на эмиссию денег, постепенно становится надежным союзником государства. На смену криптоанархии биткойна приходит система цифровых валют центральных банков. Настоящий взрыв интереса к ним в России произошел в 2021 г., когда Банк России анонсировал пилотный проект цифрового рубля.

Появление в Российской Федерации проекта национальной цифровой валюты не было удивительным, так как еще в опросах 2020 г. 86 % мировых центральных банков заявляли о наличии у них инициативы по внедрению национальных цифровых валют. Тем не менее в России этот проект был реализован в рекордные сроки: уже в июле 2023 г. были приняты поправки в Гражданский кодекс РФ и иные законы, устанавливающие цифровой рубль в качестве легитимного вида денег. Пилотный проект по применению цифрового рубля стартовал 15 августа 2023 г. и включает тестирование на группе примерно 600 человек.

Появление цифрового рубля как правовой реальности порождает ряд юридических вопросов и вызовов. Для построения представления о правовом режиме цифровой валюты центрального банка необходимо ответить на три основных вопроса:

1. Необходимо разграничить цифровую валюту центральных банков от смежных понятий, таких как криптовалюта, цифровая валюта, электронные деньги, безналичные деньги.

2. Следует определить, к какому виду объектов гражданских прав относится цифровая валюта центральных банков.

3. Наконец нужно определить, какие права возникают у владельца цифровой валюты центрального банка в отношении нее.

Методы исследования

В исследовании применялись методы анализа и синтеза, метод аналогий и сопоставления, юридико-догматический и сравнительно-правовой методы для обоснования отдельных положений.

Основное исследование

Цифровая валюта центрального банка как деньги

Ответ на вопрос о правовой природе цифровой валюты центральных банков следует начать с определения, что именно представляет собой эта валюта.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, употребление термина «валюта» в отношении цифровой валюты центрального банка не вполне уместно и может ввести в заблуждение [6, с. 56]. В российском законодательстве слово «валюта» используется либо в контексте иностранной валюты¹, либо в контексте цифровой валюты в ч. 3 ст. 1 Федерального закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте². В обоих этих смыслах «валюта» — термин, противопоставляемый понятию «деньги», которыми являются, согласно законодательству России, только рубли. Цифровая валюта центральных банков, напротив, является именно деньгами, официально эмитируемыми центральным банком государства, что следует из ее названия. Следовательно, более уместным был бы термин «цифровые деньги», что уже говорило бы о том, что они выпущены центральным банком.

Но поскольку термины «цифровая валюта центральных банков» и «фиатная цифровая валюта» уже устоялись в литературе, в дальнейшем для обозначения будут использоваться они.

Таким образом, фиатная цифровая валюта представляет собой деньги, выпущенные в форме цифрового кода, с использованием технологий криптографии, обеспечивающих безопасное применение и распространение таких денег в рамках специальной инфраструктуры оборота, находящейся под контролем центрального банка.

Для права в данном определении наиболее важным является то, что цифровая валюта центрального банка является деньгами. О природе и понимании денег написано множество работ. Деньги определяют как меру стоимости [12, с. 129], количество покупательной силы [10, с. 7–8] или как способ закрепления социальных отношений через формирование определенных экономических отношений [2, с. 16]. Все эти определения, однако, дают представление о деньгах как об экономическом явлении, не затрагивая их юридическую природу.

Юридическое толкование денег встречается в литературе значительно реже. Так, А. В. Турбанов предлагает определять деньги как универсальное право требования, выражающее стоимость любых товаров, работ, услуг, признаваемое в обществе, поддерживаемое и обеспечиваемое государством (центральным банком) [21, с. 60]. Данное определение представляется не вполне

¹ Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

удачным, поскольку остается неясным, к кому такое право требования должно предъявляться и каково содержание данного права.

Как представляется, наиболее удачно юридические характеристики денег выделил М. М. Агарков, определивший два основных признака денег: 1) «денежные знаки... являются средством погашения обязательств»; 2) являются «законным платежным средством, то есть обязательны к приему кредитором в отношении денежного долга» [1, с. 283]. Эти характеристики образуют наиболее точное юридическое определение денег: деньги — это установленное законом средство погашения денежных обязательств.

Указанное определение делает бессмысленными возникающие дискуссии по поводу разделения понятий «деньги» и «денежные средства», «наличные деньги» и «безналичные деньги» как обозначающих разные правовые сущности [23, с. 54]. Данное определение делает несостоятельным утверждение о том, что природа денег не закреплена в российском законодательстве, поскольку сущность денег (денежных единиц) проистекает из ст. 75 Конституции Российской Федерации, устанавливающей рубль как единственную законную денежную единицу, и ч. 1 ст. 140 ГК РФ, которая устанавливает, что рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, цифровая валюта центральных банков должна быть деньгами в юридическом смысле как закрепленное в законе средство погашения денежных обязательств. Этот признак и отличает фиатную цифровую валюту от иных, на первый взгляд, схожих с ней форм, таких как криптовалюты или электронные деньги, которые не являются деньгами и могут применяться лишь в качестве средства расчетов между сторонами по соглашению [8, с. 10]. Фиатная цифровая валюта, с другой стороны, является денежным средством, официально признанным законом. В подтверждение этого новая редакция ст. 128 ГК РФ относит к денежным средствам цифровой рубль.

Несмотря на вышесказанное, цифровая валюта центральных банков имеет и значительные сходства с криптовалютами, по образу и подобию которых она была создана. Так же как и криптовалюта, фиатная цифровая валюта находится в защищенном средствами криптографии реестре и связана с системой цифровых счетов (кошельков), через которую осуществляются расчетные операции. Счет принадлежит лицу, зарегистрированному в системе, таким образом, чтобы можно было определить, кому принадлежат цифровые рубли. Данное сходство криптовалют и цифровой валюты центрального банка играет важную роль для определения правовой природы последней.

Цифровая валюта центральных банков как объект гражданских прав

С точки зрения объектов гражданских прав деньги — родовое понятие, которое объединяет в себе различные виды объектов. Деньги подразделяются

на наличные и безналичные. Это деление известно еще с середины прошлого века, когда стали появляться переводы по банковским счетам. Каково же место цифровой валюты центральных банков в этой системе?

Существуют три основные позиции на этот счет:

Первая заключается в том, что цифровая валюта центрального банка является формой безналичных денег. Сторонники этого подхода исходят из нематериальной природы фиатной цифровой валюты и, как следствие, невозможности отнесения ее к наличным деньгам [22, с. 80].

Сторонники другой позиции, напротив, усматривают в цифровой валюте центральных банков признаки наличных денег — по способу обладания ею и по способу ее передачи другим лицам [7, с. 9].

В обоих подходах в основе разделения денег на наличные и безналичные лежит иной критерий, нежели материальность и нематериальность.

В основе третьей позиции лежит идея так называемой третьей формы — определение цифровой валюты центрального банка как третьего вида денег наравне с наличными и безналичными [8, с. 12]. Данная идея была отражена в концепции цифрового рубля Центрального банка РФ, где прямо указывалось на третью форму как сущность цифрового рубля³.

Международный валютный фонд в своем докладе «Юридические аспекты цифровых валют центральных банков: с точки зрения законодательства о центральных банках и денежного законодательства» определяет, что правовой режим цифровых валют центральных банков может быть различным и определяется конструктивными особенностями конкретной валюты. Авторы доклада выделяют две формы цифровых валют центральных банков: цифровую валюту, основанную на счетах, и цифровую валюту, основанную на токенах. Если первая из них по форме ближе к безналичным деньгам, то вторая — к наличным [27, с. 9].

Строго говоря, деление денег на наличные и безналичные с юридической точки зрения — это ситуация, при которой разные объекты гражданских прав могут выполнять функции денег.

Цифровая валюта центральных банков как безналичные деньги

«Безналичный» подход к цифровой валюте центрального банка является одним из наиболее популярных; более того, он поддержан российским законодателем. В новой редакции ст. 128 ГК РФ цифровой рубль прямо назван разновидностью безналичных денег. Тем не менее при ближайшем рассмотрении оказывается, что у этого подхода есть существенные проблемы.

³ Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России). URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 24.10.2024).

Отнесение цифровой валюты центрального банка к безналичным денежным средствам предполагает, что такая цифровая валюта центрального банка является правом требования.

Определение безналичных денежных средств как прав требования имеет длительную историю. Еще Л. А. Лунц в середине прошлого века определял безналичные денежные средства как обязательства по договору банковского счета [11, с. 20]. Эту же точку зрения разделяют многие современные исследователи [20, с. 16; 3, с. 111].

Представляется верным утверждение, что безналичные денежные средства представляют собой обязательственные права в гражданско-правовом смысле, на что обращает внимание Л. П. У. ван Влиет, утверждая, что никто не является собственником денежных средств на своем банковском счете: это только личное требование клиента к его банку. Это становится очевидным, когда банк объявляется банкротом. Владелец счета (клиент банка) не имеет возможности виндигировать деньги со своего счета у банка-банкрота или у управляющего конкурсной массой в процессе банкротства, то есть в ранге кредиторов он занимает место обычного необеспеченного кредитора [5, с. 239–240].

О том, что содержание обязательства (каковым являются безналичные денежные средства) — это право требования, говорят многие, однако редко можно встретить ответ на вопрос, что же все-таки вправе потребовать лицо, обладающее безналичными денежными средствами. Представляется, что вправе потребовать от банка наличных денег [9, с. 156]. Об этом, в том числе, упоминает Л. А. Новоселова [13, с. 45–48]. Именно право требовать наличных от банка представляется содержанием безналичных денежных средств.

Пытаясь встроить в систему безналичных денежных средств цифровую валюту центральных банков, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой определения обязанного по цифровой валюте лица и содержания его обязательства. Если обязанным лицом является центральный банк, может ли обладатель цифровой валюты потребовать от него выдать наличные деньги? Едва ли. Можно приобрести за фиатную цифровую валюту безналичные деньги у коммерческого банка, но это будет предметом другого соглашения, а не исполнением обязательства, заложенного в цифровой валюте центрального банка. Наконец, даже при тех правопорядках, когда цифровая валюта центрального банка находится на счетах в коммерческих банках, пользователь такой валюты защищен в случае банкротства банка и может претендовать на все свои цифровые деньги⁴.

МВФ среди видов цифровых валют центральных банков выделил цифровую валюту, основанную на счетах, для которой характерен правовой режим безналичных денег. Цифровая валюта, основанная на счетах, предполагает открытие центральным банком или иным уполномоченным лицом счетов в цифровой валюте, которая является законным средством платежа, при этом правовой режим

⁴中国人民银行数字人民币研发工作组：《中国数字人民币的研发进展白皮书》[Рабочая группа по исследованию и разработке цифрового юаня Народного банка Китая: Белая книга о ходе исследований и разработок цифрового Китайского юаня].

таких счетов аналогичен счетам в коммерческих банках. Таким образом, цифровая валюта существует в виде записи на счете в центральном банке и должна рассматриваться аналогично счету в коммерческом банке как обязательство центрального банка по выдаче наличных денег. Распределенный реестр при такой системе является лишь техническим способом совершения операций и никак не влияет на юридическую сущность отношений. Только в таком случае цифровая валюта центральных банков может рассматриваться как безналичные деньги [27, с. 12].

К цифровой валюте, основанной на счетах, можно отнести и цифровой рубль. В ГК РФ цифровой рубль прямо назван видом безналичных денежных средств. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» устанавливает правовой режим цифрового рубля, схожий с правовым режимом безналичных денежных средств на счете в коммерческом банке. Однако при этом цифровой рубль нельзя назвать обязательством Банка России по выдаче наличных денег. Банк России и участник платформы не имеют обязанностей по отношению к обладателям цифровых рублей, в том числе в законе явно не определена обязанность по возмещению убытков в случае утраты цифрового рубля по причине технического сбоя, поэтому правовая природа отношений, возникающих между Банком России и пользователем цифрового рубля, законом не определена.

Нередко можно встретить утверждение о наличии некоего «публичного обязательства», которым является цифровая валюта центрального банка [23, с. 44]. Идея публичного обязательства высказывается не только российскими учеными. Некоторые китайские исследователи также применяют эту категорию к цифровому юаню [28, с. 170]. Ссылка на некое «безусловное обязательство Банка России» есть в ст. 30 Закона о Центральном банке⁵. При этом, как справедливо отмечает Е. А. Суханов, подобному публичному обязательству отказывают в праве называться гражданско-правовым обязательством и содержание безусловного (публичного) обязательства законом не раскрывается [15, с. 116]. Более того, ст. 30 Закона о Центральном банке относится ко всем видам денег и не может служить критерием для отграничения наличной и безналичной формы.

Цифровая валюта центрального банка как вещь

Определение цифровой валюты в качестве вещи роднит ее с наличными деньгами. Согласно ст. 128 ГК РФ наличные деньги являются вещами, а значит, они могут быть объектами права собственности. Цифровая валюта центрального банка в случае признания ее вещью будет считаться собственностью лица — обладателя.

Сторонники определения фиатной цифровой валюты как вещи указывают на такой важный ее признак, как возможность быть индивидуально определенной [7, с. 10]. Каждая единица фиатной цифровой валюты уникальна, что

⁵ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ 2002 г. № 28 ст. 2790.

позволяет достоверно определить ее принадлежность конкретному лицу. Это, в свою очередь, дает лицу возможность фактического, лишенного посредников господства над объектом.

Основным аргументом противников вещного подхода к цифровым валютам центральных банков является традиционное для континентальной правовой системы определение вещи как объекта материального мира [8, с. 11]. Данное понимание вещи коренится в континентальной германской традиции, берущей начало в трудах пандектистов. Так, Л. Энекцерус определял вещь как пространственно ограниченный, лишенный воли телесный предмет природы, отвергая, таким образом, любые идеи о нематериальных вещах [25, с. 257]. Тем не менее как среди российских, так и среди зарубежных юристов есть немало сторонников существования бестелесных вещей.

Так, Кристиан фон Бар, называет земельный участок бестелесной (нормативной) вещью, поскольку его границы невозможно осязать физически. Границы земельного участка являются умозрительными и существуют лишь в сознании юристов [4, с. 126].

В свою очередь, А. В. Саженов, один из наиболее последовательных сторонников вещной природы цифровых объектов (таких как криптовалюты и токены), утверждает, что категория вещи является не физической, а юридической и обозначает объект права собственности [17, с. 169]. Автор указывает, что важнейший признак права собственности, который отличает его от обязательственных прав, — это возможность передачи права с помощью передачи владения (римское *traditio*) [18, с. 118].

Передача криптовалюты от одного лица к другому происходит путем переноса ее с кошелька одного лица на кошелек другого. Такая передача вполне может рассматриваться как передача в толковании ст. 224 ГК РФ, согласно которой для передачи необходимо фактическое поступление вещи во владение приобретателя или указанного им лица.

В отличие от цессии — другого способа передачи гражданских прав — традиция позволяет удовлетворить требования лица, которому нужен конкретный объект, при этом не так важно, материален он или нет. Покупатель цифрового рубля заинтересован не в действиях третьего лица, а в получении объекта, что обеспечивается передачей владения, то есть традицией.

Отдельно следует отметить, что применительно к цифровой валюте центрального банка установить владение гораздо легче, чем в случае с криптовалютой, поскольку пользователь криптовалюты анонимен (псевдонимен) [19, с. 213], в то время как принадлежность фиатного цифрового кошелька можно достоверно определить. Правоотношения, складывающиеся по поводу цифровых валют центральных банков, являются абсолютными, их собственник может противопоставить свое право всем остальным лицам, для чего у него имеются не только правовые, но и технические возможности.

Таким образом, представляется, что признание цифровых валют центральных банков разновидностью вещей заслуживает внимания. Поскольку ранее

уже было установлено, что цифровая валюта центрального банка не является (за редким исключением) правом требования (обязательственным правом), логичным кажется вывод об отнесении такого объекта к вещам.

Цифровая валюта центрального банка как третья форма

Подход к цифровой валюте центральных банков как к третьей форме, помимо наличной и безналичной, является, пожалуй, господствующим в российской юриспруденции. Такой подход был определен Банком России в 2020 г. в докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль»⁶.

При этом, как уже было установлено ранее, за наличной и безналичной формой денег кроется юридическое содержание в виде различных объектов гражданских прав. Таким образом, при определении фиатной цифровой валюты как третьей формы денег следует определять и место такой валюты в перечне объектов гражданских прав.

Большинство сторонников указанного подхода определяют цифровую валюту центральных банков в качестве имущества (или иного имущества) [8, с. 14; 14, с. 11]. Поскольку перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ является открытым, могут возникать различные виды «иного» имущества, к которому исследователи относят, в частности, криптовалюту [26, с. 50] или виртуальное имущество в компьютерных играх [16, с. 131].

Признавая цифровую валюту центрального банка новым объектом гражданских прав, придется ответить на вопрос о том, какие права возникают у обладателей на этот объект. Как уже было выяснено раньше, эти права не могут быть обязательственными. Как справедливо отметила Л. Г. Ефимова, такие права должны носить абсолютный характер [8, с. 15].

Таким образом, мы вновь возвращаемся к праву собственности как к тому абсолютному праву, которое может возникнуть у владельца фиатной цифровой валюты. Второе существующее абсолютное право — исключительное право на результат интеллектуальной деятельности — не может регулировать отношения с фиатной цифровой валютой, поскольку предназначено для регулирования идеальных объектов, к которым фиатная цифровая валюта не относится.

Сторонниками признания за обладателем фиатной цифровой валюты права собственности являются и китайские исследователи. Как отмечает Ли Цзянсин, китайский правовая система, в отличие, например, от германского, не содержит указания на то, что вещь может считаться только физический объект. По мнению китайских исследователей, это позволяет распространять на цифровой юань нормы о праве собственности [29, с. 59].

⁶ URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Результаты исследования

Цифровая валюта центрального банка — особое экономико-техническое явление, представляющее собой новую форму денег, официально эмитируемых центральным банком, что отличает ее от криптовалют и электронных денег. С точки зрения права, цифровая валюта центрального банка сохраняет классические признаки объектов гражданских прав. В ходе исследования было установлено, что фиатная цифровая валюта, в зависимости от технологии, лежащей в ее основе, является либо обязательственным правом и может считаться разновидностью безналичных денежных средств, либо объектом абсолютных прав и в этом отношении больше всего напоминает вещь, хотя и не является материальным объектом. При этом характер правомочий собственника фиатной цифровой валюты, характер передачи права на нее напоминает вещные отношения.

Компромиссным вариантом может стать признание цифровой валюты центрального банка особым видом имущества. Однако характер прав на такое имущество будет сильно напоминать право собственности, а по сути именно им и будет, но под другим названием, что ставит под сомнение целесообразность создания такого особого права, тем более что в соответствии с ГК РФ объект права собственности является не вещью, а имуществом в целом.

Список источников

1. Агарков М. М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие в 3 кн.: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2018. Кн. 1. 337 с.
2. Базулин Ю. В. Происхождение и природа денег: финансовый аспект. автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10. СПб., 2009. 30 с.
3. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. СПб., 2004. 201 с.
4. Бар фон К. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. С. 113–138.
5. Влиет ван Л. П. У. Сравнительно-правовые аспекты перехода прав на движимые вещи: классификация систем перехода прав // Ежегодник сравнительного права. М., Статут, 2011. С. 228–246.
6. Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4 (125). С. 55–65.
7. Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1 (37). С. 8–11.
8. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.
9. Крылов О. М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 153–158.

10. Литовченко М. В. Деньги в гражданском праве. Киев, Типо-лит. И. Н. Кушнера и К^о, 1887. 50 с.
11. Лунц Л. А. Ученые труды. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. М.: Юрид. изд-во, 1948. 214 с.
12. Маркс К. К критике политической экономии // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 121–132.
13. Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., ЮрИнфоР, 1996, 160 с.
14. Омелехина Н. В. Цифровой образ объектов финансовых правоотношений: перспективы и риски введения цифрового рубля // Финансовое право. 2021. № 4. С. 8–12.
15. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 1. 956 с.
16. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 1. С. 127–150.
17. Саженов А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова, юрид. ф-т / отв. ред. Е. Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 157–180.
18. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121.
19. Санникова Л. В. Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ. М.: 4 Принт, 2020. 303 с.
20. Суханов Е. А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет (гл. 42–45) (Комментарий ГК РФ) // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 3–25.
21. Турбанов А. В. Понятие денег в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6 (127). С. 58–76.
22. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 73–90.
23. Турбанов А. В. Цифровой рубль как обязательство Центрального банка // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 41–60.
24. Цитович П. П. Обязательства по русскому гражданскому праву: конспект лекций. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1894. 106 с.
25. Эннексерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. М., Изд-во иностранной литературы, 1949. Т. 1. Полутом 1. 432 с.
26. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
27. Legal aspects of central bank digital currency: Central bank and monetary law considerations / Bossu W. [et al.] // IMF working paper. No. WP/20/254. Washington, DC: International Monetary Fund. 51 p.
28. 刘少军. 法定数字货币的法理与权义分配研究 // 中国政法大学学报. 2018. № 3. S. 165–179 [Лю Шаоцзюнь. Правовое регулирование распространения легальных цифровых валют // Журнал Китайского университета политологии и права. 2018. № 3. С. 165–179].
29. 李建星. 数字人民币私权论 东方法学. 年第. 2022. № 4. S. 52–60 [Ли Цзяньсин: О частных правах на цифровой юань // Журнал юридического факультета Восточно-Китайского педагогического университета. 2022. № 4. С. 52–60].

References

1. Agarkov M. M. Grazhdanskoe i torgovoe pravo: istochniki, kategorii, instituty, konstruksii. Pedagogicheskoe nasledie v 3 kn.: uchebnyk dlya vuzov. M.: Yurajt, 2018. Kn. 1. 337 s.
2. Bazulin Yu. V. Proishozhdenie i priroda deneg: finansovyj aspekt. avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.10. SPb., 2009. 30 s.
3. Baibak V. V. Obyazatel'stvennoe trebovanie kak obyekt grazhdanskogo oborota: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. SPb., 2004. 201 s.
4. Bar von K. Dlya chego nuzhno ponyatie zemel'nogo uchastka (Grundstück) i chto e'to takoe? O slozhnostyax ustanovleniya soderzhaniya po-nyatiya «veshh» v evropejskom veshhnom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2018. T. 18. № 5. S. 113–138.
5. Vliet van L. P. U. Sravnitelno-pravovye aspekty perehoda prav na dvizhimye veshhi: klassifikatsiya sistem perehoda prav // Ezhegodnik sravnitel'nogo prava. M., Statut, 2011. S. 228–246.
6. Gabov A. V. Tsifrovoy rubl' Tsentral'nogo banka kak obyekt grazhdanskikh prav // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 4 (125). S. 55–65.
7. Deryugina T. V. Tsifrovaya valyuta i cifrovoy rubl': k voprosu o pravovoj novatsii // Tsivilist. 2022. № 1 (37). S. 8–11.
8. Efimova L. G. O pravovoj prirode beznalichnyh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya // Tsivilist. 2022. № 4. S. 6–15.
9. Krylov O. M. Den'gi kak beznalichnye denezhnye sredstva: voprosy pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Fedetsacii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 4 (58). S. 153–158.
10. Litovchenko M. V. Den'gi v grazhdanskom prave. Kiev, Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K^o, 1887. 50 s.
11. Luntz L. A. Uchenye trudy. Denezhnoe obyazatel'stvo v grazhdanskom i kollizionnom prave kapitalisticheskikh stran. M.: Yurid. izd-vo, 1948. 214 s.
12. Marx K. K kritike politicheskoy ekonomii // Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov: v 5 t. M.: Mysl', 2005. T. 2. C. 121–132.
13. Novoselova L. A. Denezhnye raschety v predprinimatel'skoj deyatel'nosti. M., YurInfoR, 1996, 160 s.
14. Omelekhina N. V. Tsifrovoy obraz obyektov finansovyh pravootnoshenij: perspektivy i riski vvedeniya tsifrovogo rublya // Finansovoe pravo. 2021. № 4. S. 8–12.
15. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: uchebnyk: v 2 t. / V. S. Em [I dr.]; otv. red. E. A. Suhanov. M.: Statut, 2011. T. 1. 956 s.
16. Savelyev A. I. Pravovaya priroda virtual'nyh obyektov, priobretaemyh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skikh igrah // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. T. 14. № 1. C. 127–150.
17. Sazhenov A. V. Kriptovalyuty kak novyj vid bestelesnyh veshhej // Sovremennye informatsionnye tehnologii i pravo / Moskovskij gosuniversitet im. M. V. Lomonosova, jurid. f-t / otv. red. E. B. Lauts. M.: Statut, 2019. C. 157–180.
18. Sazhenov A. V. Kriptovalyuty: dematerializatsiya kategorii veshhej v grazhdanskom prave // Zakon. 2018. № 9. C. 106–121.
19. Sannikova L. V. Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy: pravovoj analiz. M.: 4 Print, 2020. 303 s.
20. Sukhanov E. A. Zaem i kredit. Finansirovanie pod ustupku denezhnogo trebovaniya. Bankovskij vklad. Bankovskij schet (gl. 42–45) (Kommentarij GK RF) // Khozyajstvo i pravo. 1996. № 7. S. 3–25.

21. Turbanov A. V. Ponyatie deneg v epohu tsifrovizatsii // Aktual`nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 6 (127). S. 58–76.
22. Turbanov A. V. Tsifrovoy rubl` kak novaya forma deneg // Aktual`nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 5 (138). S. 73–90.
23. Turbanov A. V. Tsifrovoy rubl` kak obyazatel`stvo Tsentral`nogo banka // Aktual`nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 4 (149). S. 41–60.
24. Tsitovich P. P. Obyazatel`stva po russskomu grazhdanskomu pravu: konspekt leksij. Kiev: tip. I. I. Chokolova, 1894. 106 s.
25. Ennekzerus L., Kipp T., Wolf M. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. M., Izd-vo inostrannoj literatury, 1949. T. 1. Polutom 1. 432 s.
26. Yankovsky R. M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushhestvo» i tsifrovye den`gi // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2020. № 4. S. 43–77.
27. Legal aspects of central bank digital currency: Central bank and monetary law considerations / Bossu W. [et al.] // IMF working paper. No. WP/20/254. Washington, DC: International Monetary Fund. 51 p.
28. 刘少军. 法定数字货币的法理与权义分配研究 // 中国政法大学学报. 2018. № 3. S. 165–179 [Lyu Shaoczyun`. Pravovoe regulirovanie rasprostraneniya legal`nyh tsifrovyh valyut // Zhurnal Kitajskogo universiteta politologii i prava. 2018. № 3. S. 165–179.]
29. 李建星. 数字人民币私权论 东方法学. 年第. № 4. 2022. С. 52–60 [Li Czzyan`sin: O chastnyh pravah na tsifrovoy yuan` // Zhurnal yuridicheskogo fakul`teta Vostochno-Kitajskogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 4. С. 52–60].

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 341

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-76-84

С. В. Шульга

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
const7@izak.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XIX СТОЛЕТИИ И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Цель статьи — исследовать некоторые аспекты влияния международного права на развитие отдельных отраслей законодательства Российской империи. На основе анализа приведенных в статье примеров имплементации в российское законодательство международно-правовых норм сделан вывод о том, что они способствовали существенному улучшению правового положения человека, в частности женщин в российском обществе и государстве в указанный исторический период. Также рассмотрены реализованные на рубеже XIX–XX вв. в правоприменительной практике Российской империи монистическая и дуалистическая концепции соотношения международной правовой системы и российского внутригосударственного законодательства. Показан плавный переход Российского государства от политики противопоставления отечественного права праву международному (XV–XVI вв.) к признанию возможности применения международно-правовых норм (Новое время) для либерализации правоотношений между личностью и государством во имя торжества общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: правовая система; международное право; международный договор; внутригосударственное право; законодательство; имплементация; трансформация; рецепция; отсылка; права человека.

UDC 341

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-76-84

S. V. Shulga

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
const7@izak.ru

THE INTERNATIONAL LAW FACTOR FOR THE RUSSIAN LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE XIX CENTURY AND AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The purpose of the article is to explore some aspects of the influence of international law on the development of certain branches of the legislation of the Russian Empire. Based on the analysis of the examples given in the article of the implementation of international legal norms in Russian legislation, it is concluded that they contributed to a significant improvement in the legal status of a person, in particular women in Russian society and the state in the specified historical period. The projects implemented at the turn of the 19th – 20th centuries are also considered. In the law enforcement practice of the Russian Empire, there are monistic and dualistic concepts of the relationship between the international legal system and Russian domestic legislation. The smooth transition of the Russian state from the policy of contrasting national law with international law (XV–XVI centuries) to the recognition of the possibility of applying international legal norms (Modern Times) to liberalize legal relations between individuals and the state in the name of the triumph of universal values is shown.

Keywords: legal system; international law; international agreement; intrastate law; legislation; implementation; transformation; reception; reference; human rights.

Введение

В отечественной и зарубежной правовой науке не утихает спор о том, какое право старше: международное или внутригосударственное (национальное); какое из них в большей степени способствовало становлению и прогрессу человечества, а также совершенствованию механизмов правового регламентирования отношений, формирующихся в национальных границах и за их пределами. Многообразие научных воззрений в этой сфере сохраняется на фоне всеобщего признания существования в течение более пяти тысяч лет лишь двух обозначенных правовых систем.

С точки зрения суждения о первичности или вторичности одной из этих правовых систем подавляющее большинство ученых разделились на две группы. Одни полагают, что вначале возникли государства и их внутригосударственные правовые системы, а международное право появилось позднее, когда созданные

народами, нациями и этническими группами (этносомами) государства начали общаться между собой [13, с. 212; 9, с. 26–29]. Другие считают, что международная и внутригосударственная правовые системы возникли практически одновременно [8, с. 40–41; 10, с. 71].

Однако есть и те, кто относит появление правовых норм межплеменного, межэтнического и межнационального общения к периоду до создания первых государств (правил или протоправа — примитивного права, то есть регулятивной системы первобытного общества, имеющей квазигосударственный характер, с помощью которой примитивные культуры решали конфликты) [14, с. 12–13].

Проблема определения приоритета в историческом генезисе международного и внутригосударственного права, которая не будет затронута в этой статье, порождает и вопрос об их соотношении в системе правового регулирования. Если сложившееся общественное отношение является предметом и объектом права, то какое из них — международное или внутригосударственное — имеет преимущество в процессе его превращения в правовое отношение (правоотношение)?

Методы исследования

С помощью общенаучных методов анализа и синтеза проведено исследование ряда историко-правовых источников и научных трудов, относящихся к теме работы. Формально-юридический и конкретно-исторический методы позволили выявить те международно-правовые нормы, которые, будучи трансформированными в законодательстве Российской империи, содействовали прогрессивному развитию прав и свобод человека и улучшению правового статуса личности в России на рубеже XIX–XX вв. (на примере прав женщин).

Основное исследование

Как известно, в теории права существуют две концепции взаимодействия этих двух правовых систем: монистическая и дуалистическая. Первая предусматривает примат воздействия на отношение либо международного, либо национального права как правовых систем, имеющих схожие юридические характеристики (среди наиболее последовательных сторонников этой теории — В. Г. Буткевич, обосновавший свою концепцию в одном из научных трудов [2, с. 53]).

Второй подход уравнивает международную и национальную нормы в возможности отправления ими своих регуляторных функций, однако признает их независимость друг от друга. При этом выбор той из них, которая предназначена для юридического упорядочения соответствующих отношений, согласно дуалистической концепции зависит от времени и места ее применения, от среды,

в которой она действует, а также от объекта и субъектов права, непосредственно вовлеченных в отношения, подлежащие правовой регламентации. Одним из основателей этой теории был Г. Триппель, утверждавший, что суть дуализма состоит в принципиальных различиях между правом международным и правом национальным, так как они являются разными, пересекающимися, но не соприкасающимися правопорядками [17, с. 21]. Его взгляды разделяли как зарубежные ученые, например Д. Анцилотти [1, с. 66–67], так и некоторые отечественные исследователи [3].

Изложенные доктринальные положения в полной мере применимы и к России. Международная правовая система прямо или косвенно, в большей или меньшей степени на всем историческом пути русского (Российского) государства сохраняла свое влияние на становление и развитие отечественной юрисдикции. Исследование связанных с этим правовых явлений (феноменов), как представляется, очень актуально в современных реалиях, когда в ряде зарубежных государств предпринимаются настойчивые попытки доказать политико-правовую «отсталость» России, ее «непригодность» для равноправного с «цивилизованными» государствами участия в международных правоотношениях, ввиду якобы непризнания ею основных принципов международного права, с которыми дисгармонирует ее внутригосударственная правовая политика, изолированная от миропорядка (международного правопорядка) начала XXI в. В этих условиях объективирована потребность доказать историко-правовую связь Российского государства и общества с лучшими традициями международного правотворчества, многие из которых были восприняты и воплощены отечественным законодателем в правовой системе и законодательстве России.

Если анализировать соотношение международной и российской правовых систем, то следует отметить, что до начала правления царя Петра I отечественное право и законодательство, в силу объективных исторических и субъективных психолого-мировоззренческих причин, в значительной мере развивались обособленно, изолированно от остального мира. Будучи государством, в течение длительного времени зависимым от Золотой Орды, пережившим большое количество войн, имевшим постоянные проблемы с восстановлением территориальной целостности и государственных границ, Русь (Россия) и в княжеский, и в царский период полагалась на собственные традиции, а также на опыт государственного строительства и формирования своего права, порой абсолютизируя его главенствующую роль в соотношении с правом международным. В известной степени на становление и христианизацию российского права партикулярно воздействовала Восточная Римская империя (Византия), но после ее падения в 1453 г. эта связь оборвалась.

Влияние международного права на формирование российского права и законодательства активизировалось с началом имперского периода в правление Петра I. Этот процесс усилился уже после смерти императора, являвшегося сторонником европеизации российских правовых установлений (канонов). Это было обусловлено укреплением Российского государства, переходом

к централизованному правлению, расширением территории империи, делимитацией и демаркацией государственных границ по всему их периметру, использованием позитивных итогов многочисленных победоносных войн, которые Россия вела в Европе и Азии. Наряду с этим были установлены доверительные связи российского императорского двора с главами ведущих стран мира, в основном европейских, и налажено взаимовыгодное межгосударственное сотрудничество Российской империи с большим количеством государств, в том числе в гуманитарной сфере, что и явилось главными причинами успешной модернизации российского права и законодательства. Кроме того, этому содействовало повышение роли и значения международного права в мире в целом. Пожалуй, своей вершины этот процесс достиг в XIX столетии. Это время также было отмечено взлетом российской правовой науки, на достижения которой опирался отечественный законодатель и те, кто осуществляли процесс применения права. Некоторые российские правоведы отмечали в своих работах необходимость пересмотра монистического подхода к взаимодействию с международным правом и отмены примата национального права с переходом на дуалистическое восприятие соотношения этих двух правовых систем, согласно которому внутригосударственное право не может противоречить праву международному [11, с. 264, 6; 7].

Помимо реконструкции и реорганизации правовой системы и законодательства, в России, особенно начиная с середины XIX в., стало наблюдаться заимствование некоторых международно-правовых норм и их имплементация (трансформация, рецепция) в национальное отраслевое законодательство. В этой связи нельзя не согласиться с Е. С. Третьяковой, которая обратила внимание на то, что период правления императора Александра II был эффективен с точки зрения выстраивания межгосударственных отношений и сотрудничества в результате проведенных реформ, приведших законодательство Российской империи в частичное соответствие с европейскими стандартами, что побудило интенсификацию международной договорной практики, в первую очередь в решении процессуальных вопросов (уголовный и гражданский процессы) [16, с. 22].

Приобщение России к процессу восприятия прогрессивных международно-правовых нормативных положений и принципов благотворно сказалось на дальнейшем развитии империи, обеспечило Российскому государству дополнительные правовые гарантии сохранения его внутренней и внешней безопасности, а также защиту его полного и исключительного государственного суверенитета. Вот почему так важен комплексный историко-правовой анализ национального права, в данном случае российского, в контексте развития системы межгосударственных отношений и их регулятора — международного права.

В 1800-е гг. Российская империя методично обогащала свою правовую систему и законодательство с помощью имплементированных в них нормативных положений, касающихся различных аспектов межгосударственного

сотрудничества в следующих областях: железнодорожное пассажирское и грузовое сообщение; почтовая и телеграфная связь; речной транспорт; ограничение и запрет применения на войне различных видов вооружений; защита жертв вооруженных конфликтов (больных, раненых, военнопленных, мирного населения) [4; 5; 15; 18]; улучшение условий содержания и облегчение участи осужденных, а также либерализация пенитенциарной системы; обеспечение личных имущественных и неимущественных прав граждан; организация в иных отраслях межгосударственных отношений, участие в которых Российской империи предусматривалось и ее внутригосударственным правом.

Одним из видов таких отношений были те, которые возникали в связи с юридическим обеспечением прав человека и гражданина. Права и свободы человека и гражданина по состоянию на 1800-е гг. и для Российской империи, и для мирового сообщества были относительно новым предметом как международно-правового, так и внутригосударственного регулирования. Наиболее значимым правовым документом того времени, принятым в сфере защиты прав человека, была Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Однако этот акт, несмотря на его всемирное значение, имел национальное происхождение и был адресован французам, имея весьма условное отношение к регулированию международных отношений по защите и обеспечению прав и свобод личности на универсальном уровне. Примечательно, что в начале своего развития международные нормы прав человека имели своим объектом отношения по защите прав и свобод отдельных категорий населения.

Первый конгресс международного уровня по борьбе с торговлей женщинами состоялся в столице Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в июне 1899 г. (далее — Лондонский конгресс). Самое деятельное участие в его организации и работе приняла Российская империя. На этом международном форуме был учрежден Международный комитет по защите женщин. В каждом государстве, которое участвовало в Лондонском конгрессе, создавался Национальный комитет по борьбе с торговлей женщинами (далее — Национальный комитет). Россия имплементировала в национальное законодательство соответствующие международно-правовые нормы, появившиеся в связи с изложенными обстоятельствами. Российское общество защиты женщин (далее — Российское общество) было учреждено на основании имплементированных норм. Положение об этой организации легализовано 13 января 1900 г. распоряжением министра внутренних дел Российской империи. Председателем Российского общества стала принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская [8, с. 180–181]. Упомянутые Национальные комитеты, в том числе Российское общество, регулярно проводили международные конференции, на которых, помимо членов этих организаций, были представлены правительства стран — участниц Лондонского конгресса. На конференциях принимались решения о мерах, направленных на защиту женщин. Указанные мероприятия состоялись в Германии (Франкфурт-на-Майне, 1902 г.), Франции (Париж, 1906 г.), Испании (Мадрид, 1910 г.), Великобритании (Лондон, 1913 г.).

На основании решений, принятых на Лондонском конгрессе, в Российской империи была усилена уголовная ответственность за торговлю женщинами. Так, ст. 998–1000 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривали уголовную ответственность за сводничество женщин, производимое родителями, супругами, опекунами и заменяющими их лицами. Меры уголовно-правового воздействия, применявшиеся к указанным лицам, предполагали их поражение в особенных правах и преимуществах, а также ссылку в Сибирь или заключение в арестантское отделение на срок до трех лет [12, с. 109–110]. Позднее был принят Закон Российской империи от 25 декабря 1909 г. «О мерах к пресечению торгога женщинами в целях разврата».

Результаты исследования

XIX в. и начало XX в. были ознаменованы изменением доктринальных подходов отечественной правовой науки и практики к соотношению отечественного права и законодательства и права международного. Монистическая концепция примата внутригосударственного права постепенно уступала свои позиции в соперничестве с дуалистическими воззрениями. Российская империя активно осуществляла имплементацию в отечественное законодательство не противоречащих российскому суверенитету международных нормативных правовых установлений, в основном договорного происхождения. Россия, на принципах межгосударственного паритета и согласовывая свою волю с другими государствами, создавала международное право Нового времени, совершенствуя на его основе свою правовую политику, развивая принципы международного права национальным юридическим инструментарием, что исключило изоляцию России в мировом сообществе и обеспечило ей достойное место среди субъектов международного права на стыке эпох.

Список источников

1. Анцилотти Д. Курс международного права / пер. с итал. А. Л. Сакетти и Э. М. Фабрикова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. Т. 1. 447 с.
2. Буткевич В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев: Вища школа, 1981. 311 с.
3. Восканов С. Г. Международные договоры и правовая система Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2003. 201 с.
4. Положение Комитета Министров «О наименовании Общества попечения о больных и раненых воинах “Российским Обществом Красного Креста” и об изменении некоторых параграфов Устава сего Общества» (20 июля 1879 г., № 59877) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. 1825–1881 гг. Т. 54. Отд. 2. 1879–18 февраля 1880 года. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1881. С. 21.
5. Высочайше утвержденный Устав состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Общества попечения о раненых и больных воинах (5 мая 1867 г., № 44519) // Полное собрание законов

Российской империи. Собрание 2. 1825–1881 гг. Т. 42. Отд. 1. 1867 г. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1871. С. 424.

6. Гогель С. К. Юридическая сторона вопроса о торговле белыми женщинами в целях разврата // Вестник права. 1899. № 5. С. 108–119.

7. Дерюжинский В. Ф. Международная борьба с торговлею женщинами. СПб.: Сенат. тип., 1902. 38 с.

8. Казанский П. Е. Введение в курс международного права. Одесса: «Экономическая» тип. и лит., 1901. 386 с.

9. Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. М., Типография Общества распространения полезных книг, 1895. 207 с.

10. Лист фон Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев (Дерпт): тип. К. Маттисена, 1917. 472 с.

11. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Бек, 1996. 367 с.

12. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / под. ред. и с биограф. очерком проф. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. Т. 1. 209 с.

13. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. 768 с.

14. Международное право: учебник / Б. М. Ашавский [и др.]; отв. ред. С. А. Егоров. М.: Статут, 2014. 1085 с.

15. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1910. № 10. Отд. 1. СПб.: Сенат. тип., 1910. 2930 с.

16. Третьякова Е. С. Организационно-правовая институционализация внешнеполитической деятельности Российского государства в XIX – начале XX в. М.: Юрлитинформ, 2017. 203 с.

17. Triepel H. *Volkerrecht und Landesrecht*. Leipzig: C.L. Hirschfeld Verlagshaus (BuchVerlag), 1899. 476 s.

18. Указ Сенатский, по Высочайшему повелению «О декларации, касательно приступления России к заключенной в Женеве 10–22 августа 1864 года конвенции об облегчении участи раненых во время войны» (29 сентября 1867 г., № 44992) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. 1825–1881 гг. Т. 42. Отд. 2. 1867 г. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1871. С. 105.

References

1. Antsilotti D. *Kurs mezhdunarodnogo prava / per. s ital. A. L. Soketti i A. M. Fabrikova*. M.: Izd-vo Inostr. Lit-ri, 1961. 447 s.

2. Butkevich V. G. *Sootnoshenie vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava*. Kiev: Vish'a shkola, 1981. 311 s.

3. Voskanov S. G. *Mezhdunarodnye dogovory i pravovaya sistema Rossijskoj Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10*. M., 2003. 201 s.

4. Polozhenie Komiteta Ministrov «O naimenovanii Obshhestva popечeniya o bol'nyh i ranenyyh voinah "Rossijskim Obshhestvom Krasnogo Kresta" i ob izmenenii nekotorykh paragrafov Ustava sego Obshhestva» (20 iyulya 1879 g., № 59877) // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. 1825–1881 gg. T. 54. Otd. 2. 1879–18 fevralya 1880 goda*. SPb.: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1881. S. 21.

5. *Vysochajshe utverzhdenyj Ustav sostoyashhego pod Vysochajshim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Obshhestva popечeniya*

o ranenyyh i bol'nyh voynah (5 maya 1867 g., № 44519) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. 1825–1881 gg. T. 42. Otd. 1. 1867 g. SPb.: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1871. S. 424.

6. Gogel S. K. Yuridicheskaya storona voprosa o torgovle belymi zhenshinami v tselyah razvrata // Vestnik prava. 1899. № 5. S. 108–119.

7. Deryuzhinskij V.F. Mezhdunarodnaya borba s torgovlej zhenshinami // SPb.: Senat. tip., 1902. 38 s.

8. Kazanskij P. E. Vvedenie v kurs mezhdunarodnogo prava. Odessa, «Ekonomicheskaya» tip. i lit., 1901. 386 s.

9. Kamarovskij L. A. Osnovnye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava. M., Tipografiya Obshestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1895. 207 s.

10. List von F. Mezhdunarodnoe pravo v sistematicheskom izlozhenii. Yurev (Derpt): tip. K. Mattisena, 1917. 472 s.

11. Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshaya chast: uchebnik. M.: Bek, 1996. 367 s.

12. Martens F. F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. / pod. red. i s biograf. ocherkom prof. V. A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2008. T. 1. 209 s.

13. Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Prospekt, 2016. 768 s.

14. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik / B. M. Ashavskij [I dr.]; otv. red. S. A. Egorov. M.: Statut, 2014. 1085 s.

15. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvyushhem Senate. 1910. № 10. Otd. 1. SPb.: Senat. tip., 1910. 2930 s.

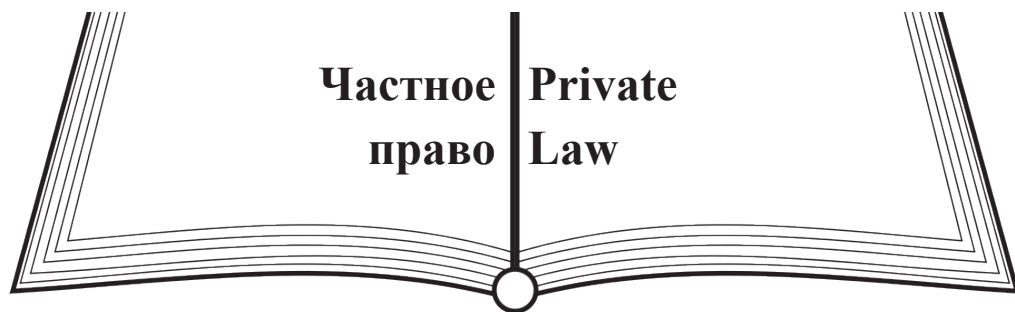
16. Tretyakova E. S. Organizatsionno-pravovaya institutsionalizatsiya vneshnepoliticheskoj deyatel'nosti rossijskogo gosudarstva v XIX – nachale XX v. M.: Yurlitinform, 2017. 203 s.

17. Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht. Leipzig: C.L. Hirschfeld Verlagshaus (BuchVerlag), 1899. 476 s.

18. Ukaz Senatskij, po Vysochajshemu poveleniyu «O deklaratsii, kasatel'no pristupleniya Rossii k zaklyuchennoj v Zheneve 10–22 avgusta 1864 goda konventsii ob oblegchenii uchasti ranenyyh vo vremya vojny» (29 sentyabrya 1867 g., № 44992) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. 1825–1881 gg. T. 42. Otd. 2. 1867 g. SPb.: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1871. S. 105.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 347.62+347.232

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-85-98

Л. А. Емелина

Президентская академия,
Москва, Российская Федерация,
urconsul1@yandex.ru

С. А. Яворский

ООО «БизнесИнТел»,
Москва, Российская Федерация,
491899@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЬЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОСЛЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. Целью настоящего исследования является формирование правовой модели, обеспечивающей защиту жилищных прав несовершеннолетнего после расторжения брака родителей в условиях правовой неопределенности. В статье обоснована необходимость отказа от вещно-правового подхода к праву пользования ребенком жилым помещением и перехода к обязательственно-правовой концепции, основанной на родительской обязанности обеспечить условия для проживания. Авторы предлагают реформировать п. 4 ст. 31 ЖК РФ и ст. 24 СК РФ, дополнив их механизмом судебной оценки предоставляемого жилья на предмет его эквивалентности. Подчеркивается приоритет интересов ребенка (ст. 38, ст. 40 Конституции РФ) и недопустимость формальной утраты регистрации без фактического предоставления альтернативного жилья.

Ключевые слова: выселение ребенка; интересы ребенка; право пользования жильем; жилищные права несовершеннолетних; место жительства ребенка.

UDC 347.62+347.232

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-85-98

L. A. Emelina

Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation,
urconsul1@yandex.ru

S. A. Yavorsky

Businessintel LLC,
Moscow, Russian Federation,
491899@mail.ru

LEGAL NATURE OF THE RIGHT OF USE A MINOR'S HOUSING AFTER THE DISSOLUTION OF THE PARENTS' MARRIAGE

Abstract. The purpose of this study is to form a legal model that ensures the protection of the housing rights of a minor after the dissolution of the parents' marriage in conditions of legal uncertainty. The article substantiates the necessity to abandon the in rem approach to the right of a child to use residential premises and to switch to an obligation-legal concept based on the parental obligation to provide living conditions. The authors propose to reform p. 4 of Article 31 of the Housing Code of the Russian Federation and Article 24 of the Family Code of the Russian Federation, supplementing them with a mechanism of judicial assessment of the housing provided for its equivalence. They emphasise the priority of the child's interests (Articles 38 and 40 of the Constitution of the Russian Federation) and the inadmissibility of formal loss of registration without the actual provision of alternative accommodation.

Keywords: eviction of a child; interests of a child; the right to use housing; housing rights of minors.

Введение

Защита жилищных прав несовершеннолетних в контексте семейных споров остается одной из актуальных проблем российского права. Коллизии норм Семейного, Гражданского и Жилищного кодексов создают правовую неопределенность, приводя к рискам выселения детей после расторжения брака родителей. Исследование авторов направлено на выявление правоприменительных противоречий, анализ судебной практики и разработку предложений по совершенствованию законодательства для обеспечения стабильности жилищных прав несовершеннолетних.

Актуальность и предмет исследования

Родители как участники спора, связанного с выбором места жительства несовершеннолетних детей, полагают, что их конституционные права нарушаются

по причине неопределенности законодательства. Речь идет о положении п. 3 ст. 65 СК РФ, являющегося причиной частых разногласий между супругами. Следует добавить, что в 2023 г. Пленум Верховного суда РФ в своих разъяснениях впервые высказался о принятии обеспечительных мер в отношении применения п. 3 ст. 65 СК РФ¹.

Отметим также, что положения п. 2 ст. 20 ГК РФ признают местом жительства детей, не достигших 14-летнего возраста, то место, где живут их родители, опекуны или усыновители. Однако если у родителей нет своего жилья, то вплоть до 2007 г. их ребенок становился бывшим членом семьи собственника жилого помещения и подлежал выселению, чаще всего вместе со своей матерью. Данная позиция была даже закреплена Президиумом Верховного суда РФ от 2005 г.²

Данное определение о ребенке, который становится бывшим членом семьи, встретил большое сопротивление в правовой и научной среде. В связи с этим следующий обзор Верховного суда РФ от 2007 г. отменил такую трактовку³ и закрепил право на проживание в жилом помещении одного или обоих родителей даже в случае расторжения между ними брака согласно положению ч. 4 ст. 31 ЖК РФ.

Сохранение права пользования жилым помещением за несовершеннолетним при отсутствии фактического проживания обусловлено производным характером этого права от родительских обязанностей (ст. 63 СК РФ) и конституционным запретом произвольного лишения жилища (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ). Данный принцип, подтвержденный правовой позицией Конституционного суда РФ (Постановление № 119-О/2020⁴), не применяется к отношениям социального найма, в которых на основании ст. 91 ЖК РФ действует императив соблюдения условия постоянного проживания.

Стоит обратить внимание на то, что суды поддерживают позицию сохранения права пользования жильем за ребенком в случае отсутствия фактического проживания в нем, если такое проживание определено по соглашению родителей⁵.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. 07.06.2023. № 123.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23.11.2005 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2005 года» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.

³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2007 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008 г. № 2.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 119-О // Конституционный Суд РФ [сайт]. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision455898.pdf> (дата обращения: 04.07.2025).

⁵ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.09.2009 г. № 5-В09-105 // СПС «Гарант» (дата обращения: 19.10.2023); Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.01.2013 г. № 29-КГ12-5 105 // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2025).

Согласно положениям Конституции РФ ребенок не может произвольно быть лишенным жилища (ч. 1 ст. 40), а забота о нем возложена на родителей (ч. 2 ст. 38). Одновременно несовершеннолетнему субъекту персонально предоставлено правомочие на судебную и внесудебную защиту своих субъективных прав и охраняемых законом интересов, что императивно закреплено в п. 1 ст. 56 СК РФ. Признание брака недействительным, расторжение брака между супругами или их раздельное проживание не должны ущемлять права ребенка (п. 1 ст. 55 СК РФ и п. 1 ст. 63 СК РФ): право на проживание и пользование жилым помещением, принадлежащим хотя бы одному родителю, защищено законом.

Соглашение между родителями, предусмотренное ст. 16 СК РФ, служит правовым механизмом установления места проживания ребенка после развода. Если такого соглашения нет, как нет и требования одного или двух родителей рассмотреть этот спор в суде, считается, что это соглашение между родителями достигнуто [7, с. 176]. В связи с этим мы считаем уместным изменение ст. 24 СК РФ в пользу обязательного предоставления в суд соглашения родителей о месте проживания общего ребенка.

Если бывшая супруга, с которой проживает ребенок, имеет жилую площадь и необходимый уровень доходов для обеспечения потребностей ребенка и при этом ребенок не хочет жить с отцом, то суд оставит ребенка с матерью⁶. К выяснению условий проживания ребенка подключается орган опеки и попечительства, по результатам работы которого в суд предоставляется акт обследования по существу спора, который суд может не поддержать.

Ситуация, при которой отец утрачивает право на проживание в квартире, принадлежащей бывшей супруге, после развода, несмотря на желание ребенка остаться с ним, обнажает противоречие между формальным подходом ч. 4 ст. 31 ЖК РФ и положениями Пленума ВС РФ № 14 от 2 июля 2009 г.⁷, а также действительными интересами ребенка, особенно при отсутствии альтернативного жилья. Мнение ребенка, даже достигшего 14 лет, не имеет юридического приоритета и подлежит лишь обязательному учету, но не реализации без согласия родителей и органа опеки, как следует из ст. 57 СК РФ и ст. 20 ГК РФ. Стоит отметить, что отсылка к ст. 26 ГК РФ вводит в заблуждение относительно самостоятельности в вопросах проживания.

Например, наследственный договор, касающийся жилого помещения, не освобождает стороны от обязательств по обеспечению ребенка жильем

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2021 г. по делу № 33-15747/21 // Гарант (дата обращения: 19.10.2023); Апелляционное определение Московского городского суда от 26.05.2021 по делу № 33-21095/21 // Гарант (дата обращения: 19.10.2023); Апелляционное определение Московского городского суда от 28.06.2021 г. № 33-24981/21 // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2025).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 123. 08.07.2009. П. 14.

и не может быть реализован без механизмов согласования и контроля⁸. Кроме того, вступивший в силу закон № 10-ФЗ от 06.02.2020⁹ возлагает безусловную обязанность родителей сохранять ребенку жилищные условия, несмотря на передачу имущества другому лицу. Это подтверждается судебной практикой в части приоритета охраны прав детей над волей сторон¹⁰.

Стоит согласиться с мнением, что члены семьи собственника, пусть даже и бывшие, должны быть «наделены законом равным объемом прав и обязанностей в отношении жилого помещения, принадлежащего его собственнику» [5, с. 62]. Тем не менее некоторые авторы, включая А. Ю. Гоменок, в своих работах отстаивают спорную позицию о том, что правовой статус ребенка как проживающего в жилом помещении полностью прекращается с момента утраты родства с собственником. Данная позиция, несмотря на свою логическую стройность, вступает в противоречие с судебной практикой, где право несовершеннолетнего на проживание защищается независимо от изменения состава семьи, особенно при отсутствии иного жилья и учете интересов ребенка [1, с. 222].

Такой подход является категорически ошибочным с точки зрения как жилищного, так и наследственного права. Ребенок не может быть автоматически лишен права пользования жилым помещением при прекращении родства с титульным собственником, поскольку жилищное право несовершеннолетнего носит производный, но не условно-прекращаемый характер. Согласно ч. 4 ст. 31 ЖК РФ утрата статуса члена семьи собственника не влечет автоматическое прекращение права проживания, если речь идет о несовершеннолетнем.

Учитывая конституционную охрану права на жилище (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ) и особый правовой статус ребенка как объекта и субъекта права (ст. 56, 65 СК РФ), лишение такого права возможно лишь по решению суда с участием органов опеки и попечительства. Кроме того, в свете правовых позиций КС РФ (определения № 119-О/2020, № 1747-О/2020¹¹), любые действия, направленные на формальное прекращение прав ребенка на жилье, могут быть квалифицированы как злоупотребление правом со стороны собственника.

Таким образом, оспариваемый тезис А. Ю. Гоменок об автоматическом прекращении права пользования при разрыве родства противоречит:

а) жилищному праву: ч. 4 ст. 31 ЖК РФ допускает сохранение права за несовершеннолетними независимо от статуса бывшего члена семьи;

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. № 110. 10.06.1998. П. 5.

⁹ Федеральный закон от 06.02.2020 № 10-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 10.02.2020. № 27.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 г. № 1200-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision475615.pdf> (дата обращения: 04.07.2025).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 г. № 1747-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision489426.pdf> (дата обращения: 04.07.2025).

б) конституционным принципам, включая гарантии права на жилище, закрепленные в ст. 40 Конституции, и установленный в ст. 10 ГК РФ запрет злоупотребления правом;

в) наследственному праву: условия наследственного договора (ст. 1140.1 ГК РФ) не могут аннулировать жизненно важные права ребенка, что подтверждается ничтожностью таких положений по ст. 169 ГК РФ.

Подобные коллизии отражают фундаментальную проблему конструирования правовых статусов, не учитывающих социальную реальность: «конструирование общественных отношений предполагает не только принятие законодательных норм, но и обязательную реализацию их на практике, в конкретных правоотношениях» [6, с. 64].

Следует также отметить, что с 2005 г. новая формулировка п. 2 и п. 4 ст. 292 ГК РФ не гарантирует сохранение права пользования жилым помещением за бывшими членами семьи собственника. Собственник вправе выселить таких лиц, включая детей, «создавая тем самым злоупотребление своими правами со стороны собственника жилого помещения в ущерб интересам несовершеннолетних детей» [3, с. 143].

Теоретико-правовые основания жилищных прав несовершеннолетних

Продолжая данное исследование, следует отметить, что консолидация положений жилищного, гражданского и семейного права демонстрирует приоритет обязанности по предоставлению жилья несовершеннолетнему над волеизъявлением собственника в рамках наследственных договоров. Это доктринально указывает на невозможность отчуждения жилищных прав ребенка без конституционно оправданного правового основания.

Право пользования жилым помещением ребенком, даже при отсутствии у него вещного титула, прямо обусловлено семейно-правовой обязанностью родителей по созданию надлежащих условий для жизни, что закреплено в ст. 38 Конституции РФ и конкретизировано в ст. 65 СК РФ.

Хотя правовой режим пользования формально регулируется ЖК РФ (ст. 31, 35), именно Семейный кодекс определяет содержание родительской обязанности в части предоставления жилья несовершеннолетнему. Следовательно, исключение норм СК РФ из сферы регулирования жилищных прав детей ведет к искаженному пониманию комплексного механизма защиты. В условиях использования наследственного договора как способа распоряжения жилым помещением *mortis causa*, положения договора должны быть согласованы с обязательствами родителей по предоставлению жилья, иначе они могут быть признаны нарушающими интересы ребенка и оспорены по основаниям п. 1 ст. 168 и ст. 572 ГК РФ (в редакции с учетом договоров в пользу третьих лиц).

В этом контексте дальнейшее исследование требует переосмысления доктринальных предпосылок, согласно которым мнение несовершеннолетнего в спорах о месте жительства должно рассматриваться как функциональный элемент комплексной конструкции жилищно-семейного регулирования, а не как автономное проявление правосубъектности. Это особенно актуализируется в ситуации опосредованного влияния наследственно-правовых конструкций на жилищно-правовую защищенность ребенка.

Поддерживая точку зрения своих соавторов — О. А. Гулько и Д. П. Нечаевой, кандидат юридических наук Я. В. Земляченко акцентирует внимание на том, что в правоприменительной практике судам надлежит учитывать мнение несовершеннолетнего при решении споров о месте его жительства, особенно с 14 лет, когда ребенок вправе самостоятельно определять свое место проживания. По мнению авторов, отсутствие единообразия в подходах к обязательности учета воли ребенка свидетельствует о необходимости доктринальной и процессуальной конкретизации правовых последствий такого выбора [2, с. 62]. Таким образом, в научной среде формируется иллюзия относительно автономии воли ребенка.

Однако ст. 57 ГК РФ, хоть и обязывает суды учитывать мнение ребенка, достигшего 10-летнего возраста, выбор им места жительства не является безусловным, что подтверждается судебной практикой¹². Положения ст. 20 ГК РФ определяют, что до 14 лет место жительства ребенка тесно связано с местом жительства его законных представителей, а после 14 лет этот выбор зависит уже от воли родителей. Неверный отсыл авторов к норме ст. 20 ГК РФ формирует ошибочное представление о свободе выбора места жительства ребенка, равно как и положение ст. 26 ГК РФ говорит не об абсолютной самостоятельности, а возможности совершать сделки с 14 лет с согласия своих законных представителей. Приоритетным все же остается договоренность родителей между собой, а не учет мнения, право выбора и интересы ребенка.

Факт регистрации несовершеннолетнего создает юридическую презумпцию законности проживания (ст. 20 ГК РФ, п. 2 ст. 54 СК РФ), а не является техническим актом. Отступление от этого режима допустимо исключительно судом при доказывании отсутствия ущерба интересам ребенка. В контексте наследственного договора игнорирование регистрации как индикатора притязаний на жилье, особенно при нарушении его социальной функции, на основании ст. 10 ГК РФ ведет к судебным ошибкам при оценке добросовестности участников правоотношений. Правоприменительная практика подтверждает, что регистрация у родителя-собственника — значимый элемент защиты правомочий пользователя при смене титула, а ее неприменение формирует риски для стабильности проживания. Данный дисбаланс иллюстрирует «дискриминационный подход в отношении родительских прав отцов, несмотря на ориентированность семейного законодательства на защиту прав, а также интересов всех членов семьи» [4, с. 93].

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.

Судебная защита регистрации ребенка при отсутствии фактического проживания

Для анализа реального механизма защиты интересов ребенка при разрешении спора между родителем-собственником и зарегистрированным несовершеннолетним целесообразно рассмотреть судебное дело, в котором регистрация ребенка стала ключевым доказательством наличия у него устойчивого права пользования жильем, не утратившего силы даже при отсутствии фактического проживания.

В деле Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022¹³ собственник квартиры Б. Ф. обратился с иском о признании своего несовершеннолетнего сына Б. Д. утратившим право пользования жилым помещением, а также о его снятии с регистрационного учета. Основанием иска послужило то, что после расторжения брака между Б. Ф. и Б. Е. (матерью ребенка) в 2018 г. Б. Д. фактически проживал с матерью в ином жилом помещении, а Б. Ф. намеревался продать квартиру в связи с переездом в Москву для обучения в Общевойсковой академии ВС РФ.

Суды трех инстанций (Заволжский районный суд г. Ульяновска, Ульяновский областной суд, Шестой кассационный суд) последовательно отказали в удовлетворении иска, подчеркнув, что регистрация Б. Д. по месту жительства отца в 2016 г., осуществленная по взаимному согласию родителей, подтверждает законность проживания ребенка и не утрачивает правового значения вследствие последующего развода родителей. Правовая оценка строилась на основе системного толкования ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, ст. 40 Конституции РФ и ст. 65 СК РФ, исключающих автоматическое прекращение жилищных прав несовершеннолетнего при изменении семейного статуса родителей. Обязанность Б. Ф. как родителя по обеспечению ребенка жильем приобретает обязательственно-правовую форму, подкрепленную действующим жилищным законодательством.

Суд также квалифицировал действия истца как злоупотребление правом собственности (ст. 10 ГК РФ), поскольку намерение продать квартиру при наличии зарегистрированного в ней несовершеннолетнего носило характер, нарушающий баланс интересов и создающий риск утраты жилья для ребенка. Отдельно указано, что определение места жительства Б. Д. с матерью не отменяет его правомочий по пользованию жильем, зафиксированных в регистрационных данных. Значение дела заключается в приоритете публичных гарантий защиты детства (ст. 38 и ст. 40 Конституции РФ) над свободой собственника, в русле правовых позиций Конституционного суда РФ (определения № 119-О/2020, № 1747-О/2020), указывающих на недопустимость отчуждения социальной функции собственности в ущерб правам ребенка.

¹³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2022 г. по делу № 88-23304/2022, 2-416/2022 // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2025).

Решение, отказавшее Б. Ф. в признании сына утратившим право пользования жильем, базируется на догматическом толковании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, при этом игнорируется лейтмотив нашего исследования о необходимости приоритета реального обеспечения жилищных прав ребенка над формальным статусом. Суд, ограничившись лишь фиксацией факта регистрации несовершеннолетнего, предусмотренного ст. 20 ГК РФ, не дал оценки исполнению матерью обязанностей по обеспечению ребенка жилым помещением, установленных ст. 80 и 104 СК РФ, а также не проверил, соответствует ли предоставленное жилье минимальным социальным стандартам, установленным положениями ст. 50 ЖК РФ.

Все вышеперечисленное нарушает принцип всесторонности (ст. 56 ГПК РФ) и ст. 65 СК РФ о приоритете интересов ребенка, сводя их к абстрактной регистрации.

Ключевая методологическая ошибка суда — квалификация права пользования как вещного (ст. 31 ЖК), хотя это и носит обязательственный характер, производный от родительских обязанностей (ст. 63 СК, ст. 307 ГК РФ). Такой подход противоречит исчерпывающему перечню вещных прав (ст. 216 ГК РФ). Суд не учел, что сохранение права пользования при наличии альтернативного жилья у матери нарушает принцип пропорциональности (ст. 10 ГК РФ) и социальную функцию жилища (ст. 35, 91 ЖК РФ), создавая «фиктивное» обременение.

Игнорирование намерения истца продать квартиру актуализировало неприменение ст. 308.1 ГК РФ о сохранении обременения при отчуждении. Это создает риски последующего конфликта с принципом добросовестности (ст. 10 ГК РФ) и конституционным запретом произвольного лишения жилища согласно положению ст. 40 Конституции РФ. Потенциальная продажа без согласия опеки¹⁴ могла привести к ничтожности сделки по ст. 168 ГК РФ.

Процессуальные нарушения включают: невыяснение мнения ребенка (ст. 57 СК РФ) при достижении 10 лет, отсутствие акта обследования органа опеки (ст. 78 СК РФ), а также игнорирование требования ст. 24 СК РФ (в редакции, предлагаемой научным исследованием) об установлении фактического порядка проживания. Решение подтверждает коллизию между формальным применением ЖК РФ и социальной природой семейных обязательств. Право пользования несовершеннолетнего должно трактоваться как субсидиарное обязательственное (ст. 307 ГК РФ), прекращаемое при надлежащем исполнении обязанности другим родителем. Сохранение «пустого» права пользования без оценки реальных условий нарушает положения ст. 38 и ст. 40 Конституции РФ, подменяя эффективную защиту фикцией. Возникает необходимость в дополнении положений п. 4 ст. 31 ЖК РФ условием досрочного прекращения права при предоставлении равноценного жилья (ст. 50 ЖК РФ) и интеграция в ст. 24 СК РФ нормы об обязательном судебном утверждении соглашения о месте жительства ребенка.

¹⁴ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. 17.07.2015. № 156. Ст. 20.

Коллизия права собственности и обязанности обеспечения жильем ребенка

Развитие проблемы коллизионной природы регистрационного и фактического проживания в сочетании с неурегулированностью судебных стандартов оценки субсидиарных обязательств родителей влечет необходимость обращения к прецеденту. В данном случае суд апелляционной инстанции предпочел приоритетность социальной функции владения перед титульным правом, обеспечивая судебную реализацию баланса интересов.

В апелляционном определении Пермского краевого суда от 20.07.2022¹⁵ рассматривался сложный семейно-жилищный спор между бывшими супругами М. Р. (истец, собственник квартиры) и М. Г. (ответчик, мать общего несовершеннолетнего сына М.), а также их детьми — М. О. и М. Р. Истец, владеющий квартирой на праве собственности с 1999 г., требовал признать прекратившимися право пользования жилым помещением бывших членов семьи, включая М. Г. и совершеннолетних детей. При М. Р. он сослался на прекращение семейных отношений, отсутствие совместного проживания, ведения хозяйства и участия в оплате коммунальных услуг, задолженность по которым достигла 100 000 рублей. Несовершеннолетний сын был зарегистрирован и фактически проживал в спорной квартире с матерью, которая после развода не имела иного жилья и обладала низким уровнем дохода. Суд первой инстанции, частично удовлетворяя иск, признал прекращение права пользования за совершеннолетними детьми, при этом за М. Г. сохранил его еще на два года.

Однако апелляционная инстанция, руководствуясь положениями жилищного и семейного законодательства, в том числе ст. 65 СК РФ, ст. 31 и 35 ЖК РФ, а также принципом приоритета защиты детства, изложенным в ст. 38 Конституции РФ, изменила решение: срок пользования жилым помещением за матерью был продлен до достижения сыном совершеннолетия — 23.07.2030. Суд учел отсутствие альтернативного жилья, тесную связь ребенка с местом проживания, его школьные и медицинские маршруты, а также невозможность исполнения материнских обязанностей без совместного проживания. Таким образом было фактически признано, что защита жилищных прав несовершеннолетнего требует сохранения права пользования жилым помещением за родителем, осуществляющим ежедневную заботу о нем, даже в ущерб интересам собственника, в целях соблюдения принципа разумного баланса интересов. Данный акт представляет собой знаковую корректировку судебной практики: от формального применения жилищных норм к субсидиарному признанию конституционных ценностей, где временное ограничение права собственности выступает соразмерной платой за обеспечение жизненно важных интересов ребенка.

¹⁵ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 20.07.2022 по делу № 33-6396/2022 // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2025).

Рассматриваемый судебный акт, санкционирующий выселение матери несовершеннолетнего при формальном сохранении регистрации ребенка, репродуцирует системные коллизии российской правовой системы, ранее выявленные в доктринальных исследованиях жилищных прав несовершеннолетних. Буквальное применение ч. 4 ст. 31 ЖК РФ привело к искусственному расщеплению правового статуса матери и ребенка, игнорирующему неразрывную связь между регистрацией несовершеннолетнего (ст. 20 ГК РФ) и необходимостью реализации родительских обязанностей по воспитанию и содержанию (ст. 63, ст. 65 СК РФ). Такой подход порождает фиктивность права пользования, грубо противоречащий конституционному запрету произвольного лишения жилища (ст. 40 Конституции РФ) и игнорирующий обязательственно-правовую природу жилищных гарантий несовершеннолетних, вытекающих из ст. 80 СК РФ и ст. 307 ГК РФ. В этом случае категоризация права пользования как вещного обременения вступает в неразрешимый конфликт с исчерпывающим перечнем ст. 216 ГК РФ и правовыми позициями КС РФ о производном характере этих прав.

Процессуальные дефекты решения включают неприменение ключевых гарантий семейного права. Суд проигнорировал императив учета мнения ребенка старше 10 лет (ст. 57 СК РФ) при объективных признаках достижения соответствующего возраста, а также устранился от истребования обязательного заключения органа опеки (ст. 78 СК РФ) относительно условий проживания несовершеннолетних после их выселения. Системные риски усугубляются латентными конфликтами при потенциальном отчуждении жилья: сохранение регистрации без механизма реализации создает правовую неопределенность в контексте ст. 308.1 ГК РФ (отсутствие обязательств у нового собственника) и ст. 1140.1 ГК РФ (наследственный договор), а также риски ничтожности сделки по ст. 168 ГК РФ при игнорировании согласия опеки. Кассационная инстанция сознательно обошла эти коллизии, продемонстрировав разрыв между формальной юрисдикцией и социальной реальностью.

Конституционный дисбаланс проявляется в нарушении принципа пропорциональности, закрепленного в ст. 10 ГК РФ, поскольку выселение матери препятствует исполнению ею обязанности по повседневной заботе о ребенке, вытекающей из ст. 38 Конституции РФ, в то время как фиктивность регистрации нивелирует содержание права на жилище, охраняемого ст. 40 Конституции РФ. При этом приоритет интересов ребенка, установленный ст. 65 СК РФ, фактически вытеснен риторикой абсолютных прав собственности, игнорирующей социальное назначение жилищных норм, в том числе закрепленных в ст. 35 и 91 ЖК РФ.

Преодоление этих противоречий требует концептуальных изменений: легализации обязательственной конструкции права пользования с условием прекращения при обеспечении альтернативного жилья, имплементации в ст. 31 ЖК РФ критерия равноценности жилого помещения (ст. 50 ЖК РФ), внедрения процессуальной триады (заключение опеки, мнение ребенка, оценка

долгосрочных последствий) и признания регистрации юридическим фактом, порождающим презумпцию жизненно важного интереса. Без такой трансформации жилищные права несовершеннолетних останутся заложниками межотраслевых коллизий, а конституционные гарантии — декларативными конструкциями.

Результаты исследования

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном обосновании трансформации парадигмы защиты жилищных прав несовершеннолетних через три взаимосвязанных вектора: доктринальный, процессуальный и регулятивный.

В отечественной юридической доктрине авторами исследования обоснована необходимость переосмысления правовой природы пользования жильем ребенка. Вместо навязываемой вещной модели, базирующейся на положениях ст. 31 ЖК РФ, предлагается обязательственно-правовой подход, соотносящийся с нормой ст. 307 ГК РФ и вытекающий из родительской обязанности по созданию условий для достойной жизни ребенка, установленной ст. 80 СК РФ. Указанная позиция обуславливает необходимость системного пересмотра п. 4 ст. 31 ЖК РФ с тем, чтобы досрочное прекращение права пользования жильем ребенка допускалось исключительно при наличии документально подтвержденного предоставления ему иного жилого помещения, эквивалентного по условиям и соответствующего установленным социальным нормативам согласно ст. 50 ЖК РФ при обязательной судебной проверке и утверждении соглашения родителей о месте проживания в порядке, вытекающем из реформируемой ст. 24 СК РФ.

Одновременно авторы предлагают триединую процессуальную модель для судебной практики:

- 1) обязательное заключение органа опеки (ст. 78 СК РФ) с оценкой альтернативного жилья;
- 2) учет мнения ребенка старше 10 лет (ст. 57 СК РФ) как элемента конституционной процессуальной правоспособности;
- 3) анализ долгосрочных последствий, включая риски ничтожности сделок (ст. 168 ГК РФ) при отчуждении жилья с зарегистрированным несовершеннолетним, что требует учета положений ст. 20 ФЗ «О госрегистрации недвижимости».

Ключевым доктринальным новшеством выступает введение презумпции жизненно важного жилищного интереса ребенка при наличии регистрации (ст. 20 ГК РФ), имеющей неопровержимый характер до совершеннолетия, если не доказано создание равноценных условий. Для наследственного права это означает имплементацию в ст. 1140.1 ГК РФ запрета на ограничение прав несовершеннолетних в наследственных договорах и дополнение ст. 292 ГК РФ нормой о судебном контроле выселения детей. Будущее регулирование должно

обеспечить конституционный приоритет защиты детства (ст. 38 Конституции РФ) через гармонизацию ГК, ЖК и СК РФ, где разумный срок пользования жильем определяется на основе пропорциональной оценки имущественного положения родителей, потребностей ребенка и предотвращения злоупотреблений правом (ст. 10 ГК РФ), исключая формальное толкование статуса бывшего члена семьи. Конвергенция этих механизмов создаст несуществующий в действующем праве баланс между социальной функцией собственности и абсолютной защитой детских прав.

Список источников

1. Гоменок А. Ю. Риски участия несовершеннолетних в сделках по купле-продаже жилой недвижимости // Трансформация права в информационном обществе: материалы III Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 26 ноября 2020 года). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 218–225.

2. Гулько О. А., Нечаева Д. П. Защита жилищных прав несовершеннолетних при расторжении брака // Студент года 2024: сб. ст. II Междунар. науч.-исследов. конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 61–64.

3. Емелина Л. А. Яворский С. А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство — территория безопасности: сб. материалов конф. (Москва, 7 декабря 2023 года). М.: Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2023. С. 142–145.

4. Емелина Л. А. Яворский С. А. Отцы без права на отцовство: семейно-правовые механизмы обеспечения баланса интересов отцов и детей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 6. С. 90–102.

5. Летова Н. В. Особенности защиты жилищных прав детей, имеющих специальный правовой статус // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 61–66.

6. Пашенцев Д. А. Две модели правового регулирования семейных отношений: дореволюционный и советский опыт // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 60–67.

7. Ульбашев А. Х. Семейное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 208 с.

References

1. Gomenok A. Yu. Riski uchastiya nesovershennoletnih v sdelkah po kuple-prodazhe zhiloy nedvizhimosti // Transformatsiya prava v informatsionnom obshhestve: materialy III Vseros. nauch.-prakt. foruma molodyh uchenyh i studentov (Ekaterinburg, 26 noyabrya 2020 goda). Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2020. S. 218–225.

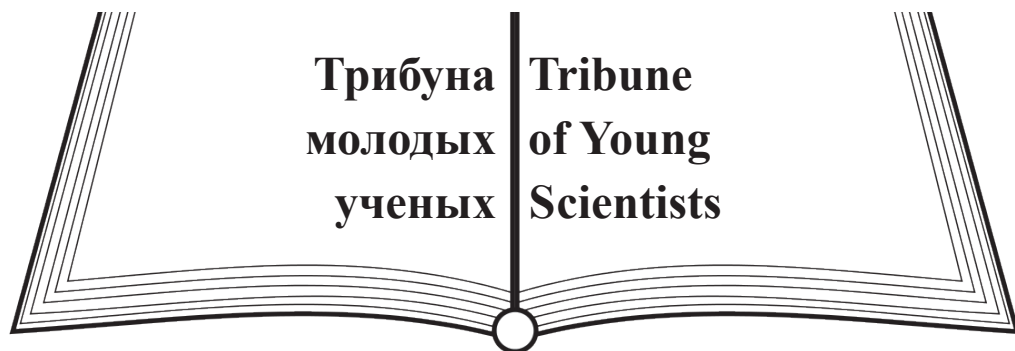
2. Gul'ko O. A., Nechaeva D. P. Zashhita zhilishhnyh prav nesovershennoletnih pri rastorzhennii braka // Student goda 2024: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-issledov. konkursa. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2024. S. 61–64.

3. Emelina L. A. Yavorskij S. A. Aktual'nye problemy zashhity zhilishhnyh prav nesovershennoletnix // Detstvo — territoriya bezopasnosti: sb. materialov konf. (Moskva, 7 dekabrya 2023 goda). M.: Tsentr vynuzhdennyh pereselentsev «Saratovskij istochnik», 2023. S. 142–145.

4. Emelina L. A. Yavorskij S. A. Otsy bez prava na otsovstvo: semejno-pravovye mehanizmy obespecheniya balansa interesov otsov i detej // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2024. T. 14. № 6. S. 90–102.
5. Letova N. V. Osobennosti zashhity zhilishhnyh prav detej, imeyushih spetsial`nyj pravovoj status // Probely v rossijskom zakonodatel`stve. 2019. № 1. S. 61–66.
6. Pashentsev D. A. Dve modeli pravovogo regulirovaniya semejnyh otnoshenij: dorevolyutsionnyj i sovetskij opyt // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudentsiya. 2019. № 3. S. 60–67.
7. Ul`bashev A. H. Semejnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Yurajt, 2023. 208 s.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-99-105

С. Е. Масленников

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
maslennikovse@mgpu.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИЗНАНИЯ В ИНОСТРАННЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ РЕШЕНИЙ РОССИЙСКИХ СУДОВ О ВВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В современном мире, когда международные отношения и хозяйственный оборот вышли на совершенно новый уровень (создание международного бизнеса, имеющего широкие экономические интересы в различных юрисдикциях), особую актуальность приобретают вопросы защиты интересов кредиторов и работников такого бизнеса в случае его несостоятельности. В настоящей статье рассматривается вопрос возможности признания решения российского суда о введении основного производства в отношении иностранного должника. Ввиду неучастия Российской Федерации ни в одном соглашении, регулирующем вопросы трансграничной несостоятельности, единственным способом признания решения российского суда в иностранном государстве является принцип взаимности. Вместе с тем представляется необходимым создание соглашения, регулирующего вопросы трансграничной несостоятельности и имплементация в российское законодательство положений Типового закона.

Ключевые слова: несостоятельность; юридическое лицо; банкротство иностранных юридических лиц; право; юриспруденция.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-99-105

S. E. Maslennikov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
maslennikovse@mgpu.ru

ON SOME ISSUES OF RECOGNITION IN FOREIGN JURISDICTIONS OF DECISIONS OF RUSSIAN COURTS ON THE INTRODUCTION OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS IN RESPECT OF FOREIGN INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES

Abstract. In the modern world, when international relations and business turnover have reached a completely new level (the creation of an international business with broad economic interests in various jurisdictions), issues of protecting the interests of creditors and employees of such a business in the event of its insolvency are becoming particularly relevant. This article discusses the possibility of recognizing the decision of the Russian court on the introduction of the main proceedings against a foreign debtor. Due to the non-participation of the Russian Federation in any agreement regulating cross-border insolvency, the only way to recognize a Russian court decision in a foreign country is the principle of reciprocity. At the same time, it seems necessary to create an agreement regulating cross-border insolvency issues and to implement the provisions of the Model Law into Russian legislation.

Keywords: insolvency; legal entity; bankruptcy of foreign legal entities; law; jurisprudence.

Введение

В условиях современной глобализации стали активно формироваться транснациональные компании, которые ведут свою деятельность на территории различных государств, вступая в хозяйственные отношения с локальными контрагентами.

Вместе с тем, ввиду рыночной модели мировой экономики, ни один хозяйственный субъект не может полностью нивелировать риск возникновения у него финансовых трудностей и последующего банкротства как на глобальном уровне, с включением активов всего холдинга, находящихся на территории различных стран, так и на локальном — с включением в конкурсную массу активов, находящихся на территории отдельного государства.

При таком положении дел перед каждым государством в полный рост встает первоочередная проблема обеспечения надлежащей защиты прав, исходя из законных интересов собственных граждан и юридических лиц, претерпевших негативные последствия несостоятельности иностранного контрагента, что связано главным образом с необходимостью внесения соответствующих

изменений в правовое регулирование, ввиду того что право является основным регулятором общественных отношений [5, с. 32]. Однако намерение защитить прежде всего собственных граждан и юридических лиц от последствий несостоятельности иностранного контрагента / его дочернего общества или иного обособленного подразделения, находящего на территории данного государства, может привести к снижению уровня инвестиций, доверия между странами, а также к ущемлению прав прочих иностранных кредиторов несостоятельного должника, которые, среди прочего, могут куда сильнее пострадать от несостоятельности последнего.

Помимо этого, в таких случаях в каждом государстве будет назначаться свой управляющий для ведения дела о банкротстве имущественной массы иностранного юридического лица на территории отдельного государства. В этой связи назначенным управляющим из разных стран, обладающих различным правовым регулированием дел о банкротстве, придется взаимодействовать между собой как в рамках простого обмена информацией, так и в рамках споров, связанных с оспариванием сделок, субсидиарной ответственностью и т. п.

В таком случае возникает проблема систематизации дел о банкротстве, возникающих в отношении иностранных юридических и физических лиц на территории различных государств.

Основное исследование

Для решения данной проблемы Типовой закон ЮНСИТРАЛ (далее — Типовой закон) о трансграничной несостоятельности (1997) предлагает структурированный подход, основанный на различении производств: основное инициируется там, где сосредоточены главные интересы должника, в то время как неосновное может быть открыто в любой стране, где должник осуществляет экономическую деятельность на постоянной основе через свое предприятие.

С момента принятия положения Типового закона легли в основу разработки законодательства, регулирующего вопросы трансграничной несостоятельности в 60 государствах, включая Великобританию и США.

В дальнейшем развитие идей, заложенных Типовым законом, прослеживается в регламенте № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О процедурах банкротства» (далее — Регламент), регулирующего вопросы трансграничного банкротства между государствами — членами ЕС.

Регламент позволяет инициировать основную процедуру банкротства в государстве — члене ЕС, на территории которого находится центр основных интересов должника (место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами, п. 1 ст. 3 Регламента), а также введение вторичной процедуры банкротства, охватывающей лишь имущество должника, находящегося на территории данного государства (п. 2 ст. 3 Регламента).

В Российской Федерации на протяжении длительного времени институт трансграничного банкротства (совокупности отношений по признанию лица банкротом, осложненным иностранным элементом) [6, с. 180] не получал должного развития в практике российских судов, а также в российском законодательстве.

Однако после массового введения в отношении Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц санкций со стороны недружественных стран в 2022 г., а также вызванного этим разрыва сложившихся экономических связей, существенного осложнения возможности судебной защиты, в особенности для подсанкционных лиц (удорожание стоимости юридических услуг, отказ многих зарубежных консультантов в оказании юридических услуг из-за санкционных, а также репутационных рисков, усложнение процесса проведения международных платежей и т. д.), значительно возросла актуальность вопросов, связанных с признанием банкротом иностранных резидентов (юридических и физических лиц, осуществляющих не носящую временного характера экономическую деятельность на территории РФ).

После введения процедур банкротства в отношении ряда иностранных юридических лиц в период с 2022 по январь 2024 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда (СКЭС ВС) РФ вынесла определение от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 (далее — Определение по делу Вествок).

В данном судебном акте Верховным судом Российской Федерации впервые определены критерии введения в отношении иностранного должника процедур, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), российскими арбитражными судами в рамках основного или вторичного производства.

При этом из содержания Определения по делу Вествок следует, что экстерриториальным эффектом наделяется лишь основное производство в отношении иностранного должника. Из этого следует, что ВС РФ воспринял деление производств о банкротстве иностранного должника на основное и вторичное, закрепленное в Типовом законе.

Согласно выработанной ВС РФ позиции, при возбуждении основного производства по делу о банкротстве арбитражным судам необходимо установить нахождение центра основных интересов иностранного должника на территории Российской Федерации. Данный факт может подтверждаться рядом обстоятельств, таких как: местонахождение основного имущества, производственных активов, большинства кредиторов должника на территории РФ, место извлечения основных доходов должника на территории РФ и иных критериев.

Вследствие неучастия Российской Федерации в международных соглашениях, посвященных проблематике трансграничной несостоятельности, признание за рубежом решений российских судов об открытии процедур банкротства применительно к иностранным должникам, равно как и легитимность полномочий назначенных российских арбитражных управляющих, возможно

со стороны иностранных судов лишь при условии соблюдения принципа взаимности. Необходимо подчеркнуть, что аналогичный механизм признания, основанный на взаимности, предусмотрен и российским законодательством в отношении иностранных судебных актов по делам о банкротстве при отсутствии соответствующих международных договоров (абз. 2 п. 6 ст. 1 Закона о банкротстве).

Однако российское законодательство по общему правилу не признает принцип взаимности, что отражено в ч. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», предусматривающей, что обязательность на территории России постановлений судов иностранных государств определяется международными договорами РФ [3, с. 800].

Также нельзя не учитывать, что действующее российское законодательство не предусматривает возможности признания иностранного решения о введении процедуры банкротства в отношении резидентов Российской Федерации (граждан и юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ), ввиду несоблюдения правил международной подсудности дел о несостоятельности, поскольку единственной коллизионной привязкой для определения компетенции суда по возбуждению дела о банкротстве является местонахождение должника на территории России [1, с. 44].

В этой связи при попытке признания российского решения о введении основной процедуры банкротства на территории иностранного государства российский арбитражный управляющий может столкнуться с проблемами отсутствия прецедентов признания российскими судами решений иностранных судов о введении процедур банкротства в отношении граждан Российской Федерации и юридических лиц, зарегистрированных на территории РФ, что может повлечь отказ в удовлетворении соответствующего требования со стороны иностранного суда.

Для решения данной проблемы А. А. Костин предлагает допустить признание решений иностранных судов о введении процедуры банкротства на основании договоров о правовой помощи.

С точки зрения автора, пересмотр существующих подходов российских судов мог бы предоставить отечественным участникам внешнеэкономической деятельности дополнительные аргументы в иностранных юрисдикциях. В частности, это позволило бы обосновывать применимость договоров о правовой помощи к процедуре признания решений российских судов о банкротстве вместо обращения к принципу взаимности, подтверждение наличия которой на практике может вызывать затруднения. При этом важно отметить, что даже при отклонении иностранным судом довода о субсидиарном применении договора о правовой помощи сам факт признания аналогичного иностранного решения российским судом на основании такого договора способен служить подтверждением наличия взаимности для указанной категории судебных актов [2, с. 81].

В то же время, по наблюдению Е. В. Моховой, стандартные международные договоры о правовой помощи зачастую неприменимы для признания

банкротств. Созданные для иных целей, они лишены специфических банкротных механизмов и не всегда предполагают распространение общегражданских правил признания на дела о несостоятельности и их последствия [4, с. 136].

В свете изложенного, наиболее рациональным путем разрешения обозначенного правового противоречия видится участие Российской Федерации в разработке или присоединение к существующему специальному международному инструменту, комплексно регулирующему вопросы трансграничной несостоятельности.

Следует отметить, что законодатель осознает данную необходимость, ввиду чего Министерством экономического развития Российской Федерации 21.10.2024 опубликован проект соглашения о трансграничном банкротстве для утверждения в рамках Содружества Независимых Государств.

Помимо этого, позитивным шагом для развития института трансграничной несостоятельности в России явилась бы имплементация положений Типового закона в российском законодательстве. Это привело бы к гармонизации отечественного правового регулирования трансграничной несостоятельности со странами, имплементировавшими положения Типового закона в свои законодательства о несостоятельности ранее, и упрощению процесса признания решений российских судов о введении основного производства по делу о банкротстве в отношении иностранного должника в Российской Федерации иностранными судами.

Результаты исследования

Подводя итоги, следует отметить, что правовое регулирование трансграничной несостоятельности в России находится на начальной стадии. Действующее российское законодательство не содержит положений о регулировании данного правового института. Решительный поворот в практике высшей судебной инстанции касательно возможности введения процедур банкротства в отношении иностранных должников российскими судами произошел лишь в феврале 2024 г. Вместе с тем возможность признания иностранными судами решений российских судов о введении в отношении иностранного должника основного производства по делу о банкротстве на текущий момент возможно лишь на основании принципа взаимности, что влечет за собой ряд рисков, вызванных возможным отказом в признании решений российских судов со стороны иностранных судов ввиду отсутствия аналогичной практики со стороны последних.

При этом использование договоров о правовой помощи для признания решений иностранных судов о введении процедур банкротства представляется неэффективной и лишь временной мерой, поскольку такие соглашения не содержат специальных инструментов для банкротного признания и изначально принимались с иными целями, ввиду чего не могут заместить потенциальное специальное международное соглашение, регулирующее данные вопросы.

Эффективным способом решения данной проблемы представляется создание профильного международного договора, регулирующего вопросы трансграничной несостоятельности, а также внедрение в законодательство РФ положений Типового закона для гармонизации правового регулирования трансграничного банкротства в РФ со странами, имплементировавшими положения Типового закона.

Список источников

1. Долганичев В. В. Проблемные вопросы признания иностранных банкротств в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 43–46.
2. Костин А. А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи (анализ российского и иностранного опыта) // Закон. 2022. № 5. С. 75–92.
3. Международное частное право: учебник / В. Н. Борисов [и др.]; отв. ред. Н. И. Марышева. М.: ИЗиСП, Контракт, 2018. 848 с.
4. Мохова Е. В. Признание иностранных банкротств в России: вопрос о применении международных договоров о правовой помощи // Закон. 2022. № 10. С. 112–138.
5. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (40). С. 32–38.
6. Полшкова М. И. Статут несостоятельности и lex fori concursus как основная коллизийная привязка // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 3 (79). С. 178–189.

References

1. Dolganichev V. V. Problemnye voprosy priznaniya inostrannykh bankrotstv v Rossijskoj Federatsii // Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess. 2018. № 12. S. 43–46.
2. Kostin A. A. Priznanie inostrannykh reshenij ob otkrytii protsedury bankrotstva na osnovanii mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoj pomoshi (analiz rossijskogo i inostrannogo opyta) // Zakon. 2022. № 5. S. 75–92.
3. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik / V. N. Borisov [I dr.]; отв. red. N. I. Marysheva. M.: IZiSP, Kontrakt, 2018. 848 s.
4. Mokhova E. V. Priznanie inostrannykh bankrotstv v Rossii: vopros o primenении mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoj pomoshi // Zakon. 2022. № 10. S. 112–138.
5. Pashentsev D. A. Sistema prava Rossii v usloviyah perehoda k novomu tehnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2020. № 4 (40). S. 32–38.
6. Polshkova M. I. Statut nesostoyatel'nosti i lex fori concursus kak osnovnaya kollizionnaya privyazka // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021. № 3 (79). S. 178–189.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
одобрена после рецензирования: 18.08.2025;
принята к публикации: 05.09.2025.

The article was submitted: 18.07.2025;
approved after reviewing: 18.08.2025;
accepted for publication: 05.09.2025.

УДК 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-106-115

А. А. Сальникова

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
nastya.salnikova97@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу значения образования и профессиональной подготовки фабрично-заводской полиции в России начала XX в. в контексте экономического прогресса и революционных настроений. Основной целью исследования является изучение организации профессиональной подготовки сотрудников фабрично-заводской полиции; при этом особое внимание уделяется преобразованиям, направленным на повышение образовательного уровня полицейских, включая основание специализированных школ для их подготовки. Историко-правовой анализ позволяет не только выявить механизмы, определявшие процесс подготовки, но и оценить их влияние на эффективность функционирования полиции в условиях динамичных исторических изменений.

Ключевые слова: полицейский урядник; фабрично-заводская полиция; профессиональная подготовка; образование полицейских; общественная безопасность; Российская империя XX в.

UDC 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-106-115

A. A. Salnikova

V. Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation,
nastya.salnikova97@yandex.ru

ORGANIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING OF FACTORY POLICE IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the importance of education and professional training of factory police in Russia at the beginning of the 20th century in the context of economic progress and revolutionary sentiments. The main purpose of the study is to study the organization of professional training of factory police officers, with special

attention being paid to transformations aimed at improving the educational level of police officers, including the establishment of specialized schools for their training. Historical and legal analysis allows not only to identify the mechanisms that determined the training process, but also to assess their impact on the effectiveness of the police in the context of dynamic historical changes.

Keywords: police detachment; factory police; professional training; education of police officers; public safety; the Russian Empire of the XX century.

Введение

Отношение общества и политической элиты к правоохранительным органам на различных этапах исторического развития России было неоднозначным. Научное изучение этого процесса еще далеко от завершения. Важно отметить, что опыт организации и работы провинциального полицейского аппарата Российской империи в период революционных настроений второй половины XIX в. вызывает значительный интерес у историков [6, с. 65]. В то время, когда нарастающее социальное напряжение и экономические трансформации требовали от полиции не только жесткости, но и компетентности, необходимость в качественной профессиональной подготовке сотрудников фабрично-заводской полиции стала неотложной задачей. Цель данного исследования заключается в анализе организации профессиональной подготовки фабрично-заводской полиции в России в указанный период. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания исторических основ профессиональной подготовки правоохранительных органов, что имеет важное значение для современных подходов к формированию образовательных программ в сфере правоохранительной деятельности. Анализ исторического опыта может создать основу для совершенствования существующих моделей подготовки сотрудников полиции в современных условиях.

Методы исследования

При написании статьи использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. В рамках историко-правового анализа мы сосредоточивались на изучении законодательных актов и нормативных документов, касающихся формирования и деятельности фабрично-заводской полиции. Особое внимание было уделено тому, каким образом изменения в законодательстве влияли на порядок и качество подготовки сотрудников. Этот подход позволил выявить механизмы, регулирующие профессиональную подготовку, а также оценить их эффективность в условиях исторических изменений.

В части социологических исследований применены социологические методы для изучения отношения рабочих и других социальных групп к деятельности фабрично-заводской полиции и ее реформированию. Эти исследования помогают понять, как профессиональная подготовка сотрудников отражалась

на их взаимодействии с населением и на выполнении предписаний в области обеспечения общественного порядка.

Основное исследование

Начало XX в. ознаменовалось для Российской империи масштабным экономическим прогрессом. К примеру, в 1898 г. в Ярославской губернии имелось 19 промышленных предприятий, на одном из которых работали свыше 6 тысяч рабочих; во Владимирской губернии было 93 фабрики, в Варшавской — 49, в Московской — 212, в Санкт-Петербургской — 94. Однако всего через год, то есть в 1899 г., число промышленных предприятий существенно возросло: в Ярославской губернии их насчитывалось уже 24, во Владимирской — 95, в Варшавской — 70, в Московской — 266, в Санкт-Петербургской — 132¹. Одновременно с ростом промышленных предприятий, по причине отсутствия социальных программ и бедственного положения рабочих, набирали обороты революционные настроения. Модернизация промышленности и нарастание беспорядков привели к учреждению в 1898 г. фабрично-заводской полиции [1, с. 3]. В сложившейся ситуации особенно остро встал вопрос об организации профессиональной подготовки сотрудников полиции. Появились новые актуальные требования, предъявляемые к полицейским: достойный уровень образования, патриотическое воспитание, верность государю и умение грамотно действовать на благо империи. Например, при решении вопросов по финансированию фабрично-заводской полиции акцент делался на поведении полицейских при осуществлении своих обязанностей.

Петербургское (Петроградское) общество заводчиков и фабрикантов, имевшее право ходатайствовать перед правительством о принятии мер, способствующих развитию фабрично-заводской промышленности, в переписке по вопросу финансирования фабрично-заводской полиции на промышленных предприятиях отмечало следующее: «Вся деятельность чинов фабрично-заводской полиции должна иметь характер, чтобы они являлись всегда лицами, хорошо знакомыми с бытом, настоящим положением наблюдаемой или фабрики или завода. Среди рабочих и в глазах фабричной администрации чины полиции не должны выглядеть как начальство, а лишь правоохранительным органом, поставленным для ясного и точного понимания всего происходящего на фабрике или заводе»².

Полагаем, что цель данного подхода, обязательного для всех чинов фабрично-заводской полиции, заключалась в возможности установления формально доверительных, нейтральных отношений с рабочими. В ситуации несогласия с действиями фабричной администрации и возникновения беспорядков

¹ Дела Отделения Государственной Экономии. 1902 г. О кредите в 20.000 руб. на содержание фабрично-заводской полиции // РГИА. Ф. 1162 Оп. 1 ОГЭ 1902 г. Д. 4. С. 51–52.

² Переписка с предприятиями по вопросу содержания фабрично-заводской полиции на промышленных предприятиях // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 126. С. 5.

фабричные полицейские имели возможность непосредственно и негласно находиться в толпе, не вызывая чувства враждебности и подозрительности со стороны протестующих.

Одним из ключевых направлений работы фабрично-заводской полиции было активное противодействие стачечному и забастовочному движению на подведомственных ей предприятиях (в контексте того времени оно рассматривалось как форма революционной антигосударственной активности). Перед полицейскими стояла задача продемонстрировать высокий уровень профессиональной подготовки, непосредственно зависевший от их образовательного уровня [2, с. 23].

Необходимость улучшения качества образования среди полицейских кадров в последней четверти XIX в. была очевидна для министерства внутренних дел. Еще в 1878 г. были приняты законодательные меры по урегулированию данного вопроса.

Юридические основы первых организационных форм профессионального обучения нижних чинов уездной полиции были заложены в четвертой статье Временного положения о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему учреждению управляемых, принятой 9 июня 1878 г. Согласно данному положению, при назначении на должность уездный исправник в обязательном порядке проходил «испытание», целью которого было выявление «наиболее годных к полицейской службе». Помимо физического состояния, наличия лошади и хорошей репутации, кандидаты на службу должны были удовлетворять ряду требований. Так, важной составляющей проверки являлось знание Инструкции полицейским урядникам, утвержденной министром внутренних дел 19 июля 1878 г.³ Новые требования обосновывались в том числе проведением реформ в государстве. Так, в сопроводительном циркуляре № 83 от 26 июля 1878 г. губернаторам разъяснялось, что в условиях пореформенного периода от низших полицейских чинов требуется значительно более высокий уровень понимания законов, чем это предполагалось ранее⁴.

Нельзя не отметить и тот факт, что уровень профессиональных компетенций сотрудников полиции решался не на местах, а на государственном уровне. Так, министр внутренних дел Л. С. Маков отмечал, что ключевым фактором, свидетельствующим о необходимости повышения образовательного уровня вновь сформированного института нижних чинов уездной полиции, стала недостаточная подготовленность сотских и десятских к выполнению усложнившихся полицейских функций, а широкое распространение образования и новые процессуальные формы дел о нарушении полицейских постановлений, вызванные судебной реформой, способствовали повышению образовательного уровня полицейских [1, с. 1].

³ Инструкция полицейским урядникам // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1878 год. Ст. 148 // Rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003413447 (дата обращения: 02.04.2025).

⁴ Об издании инструкции полицейским урядникам // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 317. Д. 547. Ч. 1. С. 151.

Значительную роль в образовании низших чинов полиции сыграли школы, открытые на основании рапортов гродненского губернатора, флигель-адъютанта, полковника Н. М. Цеймерна. Однако, несмотря на явную рациональность проводимой политики и предпринятые меры, образовательные учреждения начали закрываться. Это объяснялось тем фактом, что функционирование таких школ основывалось исключительно на личной инициативе губернаторов и поддержке преподавателей.

Позднее, в 1901 г., к проблеме уровня образования низших чинов полиции обратились снова. Так, ротмистр С. Я. Тимофеев, занимавший должность помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления, отмечал, что состав фабричной полиции и конной стражи формируется в основном из нижних чинов, набиравшихся на основе вольного найма, а также из чиновников низшего уровня служебной иерархии. Эти чины были плохо образованы, зачастую вели неприемлемый образ жизни, что существенно снижало их авторитет и способность к поддержанию порядка⁵. Таким образом, в связи с низким уровнем профессиональных компетенций и отсутствием авторитета среди рабочих под сомнение ставилось основное предназначение фабрично-заводской полиции — поддержание порядка на заводах и фабриках и выявление революционных настроений.

Представленное выше мнение было справедливым. С момента своего создания фабрично-заводская полиция оказалась в крайне затруднительном положении. Как упоминалось ранее, низшие чины полиции, не обладая достаточным уровнем образования и профессиональной подготовки, были не в состоянии эффективно справляться с возникавшими конфликтами и проблемами, что вело к недоверию со стороны рабочих. Фабриканты, чувствовавшие неуверенность в действиях полиции, начинали рассматривать ее как ненадежную и некомпетентную структуру. Из записки С. Я. Тимофеева в материалах Департамента полиции по реорганизации полиции следует, что фабриканты, не опасаясь привлечения к ответственности, безнаказанно применяли физическую силу против городских, что также подрывало авторитет полицейских. Со временем рабочие стали воспринимать представителей фабрично-заводской полиции лишь как исполнителей указов администрации фабрик и приказов департамента полиции, а не как служителей закона. Данная тенденция, несомненно, влияла на эффективность деятельности сотрудников и общее состояние правопорядка в промышленной сфере. Более того, многие конно-полицейские стражники злоупотребляли своими полномочиями, применяя физическую силу по отношению к фабричным рабочим. Данный факт также объясняется недостаточной образованностью и профессиональной подготовкой, то есть неспособностью разрешить спорную ситуацию без применения насилия⁶.

⁵ Об организации и функциях фабрично-заводской полиции. Материалы к проекту реорганизации полиции в фабрично-заводских районах. Записки начальников Губернских жандармских управлений Центрального промышленного района о замене общеполицейского надзора за фабриками и заводами жандармским // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 151. С. 29.

⁶ Об организации и функциях фабрично-заводской полиции... С. 32.

Итак, можно сделать вывод, что система подготовки и функционирования фабрично-заводской полиции требовала реформирования, направленного не только на повышение уровня образования полицейских, но и на изменение отношения фабрикантов к правоохранительным органам. В свою очередь, это могло способствовать созданию более эффективного механизма поддержания общественного порядка на предприятиях и снижению уровня конфликтности между рабочими и властью.

Осознавая острые проблемы в сфере образования сотрудников фабрично-заводской полиции, Н. М. Цеймерн, являвшийся в конце XIX в. владимирским губернатором, при поддержке генерал-лейтенанта М. А. Газенкампа способствовал открытию специализированных школ (1898), цель которых заключалась в повышении уровня квалификации полицейских урядников [5, с. 71].

Но, несмотря на явную потребность в таких учреждениях, выделяемого государственного финансирования оказалось недостаточно для их полноценного функционирования, что негативно сказалось на обеспечении образовательного процесса и подготовке квалифицированных кадров. Руководство учебных заведений не могло привлекать профессиональных преподавателей, не имело возможности выплачивать полное жалование преподавателям, занятия проводились один-два раза в неделю, что снижало их эффективность.

В условиях дефицита финансирования наблюдался в том числе и недостаток современной материально-технической базы. Выделяемых средств хватало лишь на обеспечение базовых условий для организации учебного процесса. Так, согласно отчету начальника штаба отдельного корпуса жандармов Д. П. Зуева перед Департаментом полиции за 1901 г., в результате осмотра 14, 15 и 16 февраля конно-полицейских казачьих команд в Орехове, Никольском, Иваново-Вознесенске, Шуе, а также школы полицейских урядников во Владимире было выявлено, что урядники проходили обучение непосредственно в рабочих помещениях фабрик и заводов, а не в специально отведенных классах. Ощущался значительный дефицит канцелярских принадлежностей и самых основных учебников.

Все это, соответственно, отрицательно сказывалось на уровне преподавания и не способствовало повышению мотивации к обучению у чинов фабрично-заводской полиции. В результате школы повсеместно закрывались.

Вновь вопрос о школах для нижних полицейских чинов был поставлен в 1910 г. вице-директором Департамента полиции министерства внутренних дел С. П. Белецким в докладной записке Департаменту государственного казначейства министерства финансов по проекту реорганизации полиции. На совещание по данному вопросу были приглашены представители Горного департамента, Департамента министерства юстиции, а также министерства торговли и промышленности. В заключение было вынесено решение о создании специализированных школ с целью повышения уровня образованности низших полицейских чинов (урядников, полицейских надзирателей, городских и стражников) и содействия их патриотическому воспитанию. С. П. Белецкий отметил, что растущие требования к низшим чинам уездной полиции побудили

правительство — действующий совет министров — обратить особое внимание на необходимость формирования указанных чинов полиции из лиц, которые соответствуют не только внешним критериям и высоким нравственным качествам, но и имеют основательную подготовку для полноценного выполнения служебных обязанностей. Необходимость такой подготовки для полицейских урядников объяснялась, в частности, их ответственностью за составление протоколов, являвшихся ключевыми документами (так называемой отправной точкой) для уголовного преследования. Единообразная форма для составления протоколов была специально разработана и утверждена С. П. Белецким в качестве приложения к вышеупомянутой докладной записке.

В данном документе С. П. Белецкий отмечал, что к чинам фабрично-заводской полиции должны предъявляться аналогичные требования, что и к общей полиции. Так, на должности в уездной, городской и розыскной полиции не могли быть назначены следующие лица:

- 1) не состоявшие в русском подданстве;
- 2) находившиеся под следствием или судом, а также те, кто подвергался судебному разбирательству за преступления, повлекшие за собой по закону тюремное заключение или более строгое наказание, если они не были оправданы;
- 3) исключенные с места службы по решению суда, а также из духовного ведомства за недостойное поведение и лишённые гражданских прав по аналогичным приговорам;
- 4) объявленные несостоятельными должниками;
- 5) находившиеся под опекой по причине расточительства;
- 6) нижние чины запаса, которые во время прохождения службы подвергались штрафным взысканиям.

Урядники назначались преимущественно, а стражники исключительно из числа отставных или уволенных в запас нижних чинов, достигших 25-летнего возраста и обладавших хорошим состоянием здоровья. Нарушения правил строевой службы и хозяйственной деятельности со стороны урядников и стражников влекли за собой взыскания, налагаемые офицерами полицейской стражи в соответствии с правилами воинского дисциплинарного устава. При применении данных взысканий старший офицер стражи имел права батальонного командира, а остальные офицеры — права ротного командира. Судебное разбирательство по их действиям осуществлялось в соответствии с правилами Военно-Судебного устава с применением норм Воинского устава о наказаниях⁷.

На практике проект создания специализированных школ для низших полицейских чинов был реализован в 1911 г. В школах проводились испытания грамотности и знания полицейской службы для кандидатов на соответствующие должности. Для вступления в должность урядника или надзирателя стало обязательным прохождение обучения в указанных школах.

⁷ Департамент государственного казначейства Министерства финансов. По реорганизации полиции // РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23133. С. 232–233.

Согласно архивным материалам, а именно справке к Проекту об образовании комиссии по улучшению условий служебной деятельности чиновников фабрично-заводской полиции в школах урядники изучали как общеобразовательные предметы: грамматику, христианское вероучение, арифметику, — так и специальные, полицейский устав, законоведение, основы сыскной деятельности, дрессировку и пользование полицейскими собаками, способы самозащиты и обезоруживания преступников, фотографию, антропometriю и дактилоскопию, основы ветеринарии, медицины и санитарии, военный строй, верховую езду, стрельбу и уход за оружием⁸. Учебный год продолжался в течение десяти месяцев.

Но обозначенная ранее проблема с финансированием сохранялась. Для финансирования школ из министерства внутренних дел выделялось 4 500 рублей в год, этого было недостаточно для удовлетворения потребностей всех школ. За учреждением специализированных школ для урядников во Владимирской, Шуйской и Ярославской губерниях последовало создание фабрично-заводских конно-полицейских команд из казаков. Главным в каждой такой команде был околоточный надзиратель.

Интересно отметить, как осуществлялось социальное обеспечение в этих подразделениях. Например, жены чинов конно-полицейских команд работали не на самой фабрике, а дома в специально обустроенных помещениях. Дети для обучения направлялись в школы чинов фабрично-заводской полиции, и, кроме того, могли работать в мастерских, осваивая мастерские навыки и получая за свой труд заработную плату.

Созданные условия благоприятно отразились на деятельности фабрично-заводской полиции. При этом справедливо будет отметить, что хорошее материальное положение фабричной полиции непосредственно зависело от ее деятельности. Так, в соответствии с архивными материалами 2-го делопроизводства Департамента полиции Российской империи, а именно в докладной записке начальника штаба отдельного корпуса жандармов Д. П. Зуева директору Департамента полиции С. Э. Зволянскому (1901), отмечалось, что в результате осмотра 14, 15, 16 февраля конно-полицейских казачьих команд в Орехово-Никольском, Иваново-Вознесенском, Шуе, а также школы полицейских урядников во Владимире выявлено, что контроль на фабриках осуществлялся казаками. В той же записке Д. П. Зуева указано, что фабриканты Владимирской губернии были довольны конно-полицейской казачьей командой. В документе отмечается, что «фабриканты признательны Владимирскому губернатору и готовы усилить расходы на содержание конно-полицейских команд, если это понадобится, ясно видя в них залог спокойствия, а, следовательно, и собственной безопасности»⁹.

Анализ архивных источников позволяет прийти к выводу, что с учреждением конно-полицейских команд и специализированных школ для их подготовки

⁸ Об образовании комиссии по улучшению условий служебной деятельности чиновников фабрично-заводской полиции // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69 (1912). Д. 14. Ч. 26. С. 151.

⁹ Департамент государственного казначейства Министерства финансов... С. 3.

порядок на фабриках был значительно улучшен. Рабочие осознали, что в случае участия в беспорядках (забастовках, стачках) виновные будут установлены и наказаны, а это снижало желание повторного участия в данных деструктивных действиях. Многие протесты стали пресекаться на стадии возникновения замысла.

Казачьи команды оказали заметное влияние на поддержание спокойствия и общественного порядка в вышеупомянутых губерниях, в том числе с учетом взаимодействия с органами общей полиции. Сами фабриканты отмечали, что «желательно было бы иметь на каждой фабрике по несколько жандармских унтер-офицеров, примерно по одному на 500 рабочих, полное содержание которых они готовы принять на себя»¹⁰.

В заключительной части вышеупомянутой докладной записки Д. П. Зуев писал: «Я позволяю себе высказать мнение, что организация подобных команд во всех наиболее значительных фабричных центрах Империи составляет настоятельную необходимость»¹¹.

Результаты исследования

Таким образом, следует отметить, что анализ функционирования фабрично-заводской полиции в контексте социально-экономических изменений в России первой четверти XX в. иллюстрирует важность профессионального образования для правоохранительных органов. В результате изучения архивных и исторических документов была установлена взаимосвязь между уровнем квалификации полицейских и их способностью эффективно реагировать на возникающие конфликты, что подтвердило целесообразность проведенных реформ в сфере образования низших чинов полиции. С другой стороны, профессиональное осуществление своих обязанностей квалифицированными кадрами способствовало осознанию значимости полиции со стороны как рабочих, так и владельцев фабрик. Данный вывод имеет существенное значение в современной практике правоохранительных органов, подчеркивая актуальность совершенствования подготовки полицейских кадров для их полноценной интеграции в социально-экономическую и политико-правовую систему современной России.

Список источников

1. Евсеев С. В. Материалы по истории полиции Тверской губернии середины XIX – начала XX века: учеб. пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. 99 с.
2. Исследование региональной специфики истории отечественных органов внутренних дел как фактор повышения эффективности профессионального и патриотического воспитания (на примере Воронежского института МВД России): учеб.-

¹⁰ Об организации и функциях фабрично-заводской полиции... С. 5.

¹¹ Там же. С. 9.

метод. пособие / А. В. Кирнос [и др.]. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 62 с.

3. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Формирование первых школ по подготовке полицейских урядников (1879–1881 гг.): проекты и их реализация // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 9–24.

4. Ситников К. А. Правосознание чинов уездной полиции Российской империи как идеологический источник права в начале XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2 (3). С. 88–93.

5. Стоцкий А. П. Ведомственное профессиональное образование в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // История, теория, практика российского права. 2019. № 12. С. 67–74.

6. Сысуйев Ю. Б., Юрченков В. А. Опыт организации и деятельности провинциального полицейского аппарата в России во второй половине XIX в.: проблемы историографии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 13. № 1. С. 65–75.

References

1. Evseev S. V. Materialy po istorii politzii Tverskoj gubernii serediny XIX – nachala XX veka: ucheb. posobie. Tver: Tverskoj gos. un-t, 2012. 99 s.

2. Issledovanie regional'noj spetsifiki istorii otechestvennyh organov vnutrennih del kak faktor povysheniya effektivnosti professional'nogo i patrioticheskogo vospitaniya (na primere Voronezhskogo instituta MVD Rossii): ucheb.-metod. posobie / A. V. Kirnos [i dr.]. Voronezh: Voronezhskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federatsii, 2021. 62 s.

3. Nakhimov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Formirovanie pervyh shkol po podgotovke politsejskix uryadnikov (1879–1881 gg.): proekty i ih realizatsiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 9–24.

4. Sitnikov K. A. Pravosoznanie chinov uezdnoj politzii Rossijskoj imperii kak ideologicheskij istochnik prava v nachale XX veka // Zhurnal yuridicheskoy antropologii i konfliktologii. 2023. № 2 (3). S. 88–93.

5. Stotskij A. P. Vedomstvennoe professional'noe obrazovanie v Rossijskoj imperii v kontse XIX – nachale XX vv. // Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava. 2019. № 12. S. 67–74.

6. Sysuev Yu. B., Yurchenkov V. A. Opyt organizatsii i deyatel'nosti provintsial'nogo politsejskogo apparata v Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: problemy istoriografii // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2010. T. 13. № 1. S. 65–75.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-116-123

И. Б. Ломакина

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
lomakina7311@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. 197 с.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-116-123

I. B. Lomakina

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
lomakina7311@gmail.com

BOOK REVIEW:

Malysheva N. I., Troshchinsky P. V. The Law of the People's Republic of China: Theoretical and Legal Aspect: Training Manual. SPb.: Publishibg House of St. Peterburg University, 2022. 197 p.

В наше время цивилизационных противоречий и прокси-войн (по терминологии американского социолога и политолога, известного специалиста в этой сфере Карла Вольфганга Дойча) происходят сложные геополитические процессы, в которых гегемония коллективного Запада сталкивается с противоборствующими силами в лице других глобальных игроков, чей цивилизационный вектор развития не совпадает с западным и во многом является его противоположностью. Речь идет о китайской цивилизации. Генри Киссинджер остроумно заметил в своем фундаментальном труде «О Китае», вышедшем многомиллионными тиражами и переведенным на более чем 30 языков мира: «За тысячелетия существования китайской цивилизации Китаю никогда не приходилось иметь дела с другими странами или цивилизациями, сравнимыми с ним по своим масштабам и совершенству» [1, с. 23]. Автор не без горечи заявляет о современных институциональных возможностях Китая в политической, экономической, социальной, культурной, духовной сферах [1, с. 23]. Признавая мощный государственный потенциал Китая, Киссинджер, по сути, поставил жирный крест на всей европоцентристской литературе, написанной до него.

Таким образом, все «смертные грехи» вместе с «неизлечимыми болезнями» Востока были поставлены под сомнение. Парадокс заключается в том, что сам Киссинджер был далек от сочувствия коммунистическим режимам. Напротив, вся его деятельность была направлена на их свержение. Поэтому подобная риторика в устах крупнейшего западного государственного деятеля показывает, что настало время для нового интеллектуального поворота, который все настоятельнее требует другой интерпретации старых терминов, уже не отражающих реалий сегодняшнего дня. Авторитаризм, тоталитаризм и демократия, право и неправое (в либеральном прочтении — произвол), свобода и несвобода (в либеральном прочтении — коммунистическое рабство) — все это требует реформатирования, а, возможно, и этого будет недостаточно, и тогда потребуются полный понятийно-категориальный апгрейд.

Таким образом, ориентализм, объясняющий Восток западными терминами, уже не является мейнстримом в политико-правовом дискурсе. Эра негативных оценок и прогнозов по поводу Востока заканчивается, и представленное на рецензирование учебное пособие — яркое тому подтверждение.

Учебное пособие является первым в своем роде в отечественной юридической и синологической науках. Авторы — известные специалисты в китайском праве и общей теории права. Это Павел Владимирович Трощинский — руководитель Центра политических исследований и прогнозов института Китая и современной Азии РАН, имеющий давнюю безупречную научную репутацию в сфере исследований традиционного и современного права Китая, и Наталия Ивановна Малышева, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, которая с первого года реализации новаторской образовательной программы СПбГУ «Юриспруденция (с углубленным изучением китайского языка и права КНР)» преподает будущим юристам-китаистам учебную дисциплину «Теория государства и права».

Для авторов учебного пособия очевидно, что без серьезного теоретического фундамента невозможно говорить о глубине и достоверности исследования современного права КНР. Ведь хорошо известно, что для будущих юристов теория государства и права играет роль теоретического введения в изучение отраслевых юридических наук, выступая для них методологической базой. Поэтому очень важно, что студенты знакомятся не просто с правовой традицией, насчитывающей не одно тысячелетие в своем развитии, но с традицией, не утратившей свой потенциал, являющей миру одновременно чудеса экономического роста и коммунистическую административно-хозяйственную систему вкуче со стержнеобразующей конфуцианской моралью [3, с. 142].

Таким образом, знакомство с общими принципами китайского права не просто расширяет кругозор студентов, но и в целом меняет их представление о функционировании государства и права в условиях неевропейской системы координат. Читателю больше не надо смотреть на китайское право через призму ориентализма, клеймить его как потестарное, используя риторику либертарианцев (В. А. Четвернина); больше нет смысла отказывать ему в развитии лишь на том основании, что у власти стоит коммунистическая партия, а ее решения имеют архиважное значение для конструирования правовой реальности.

Поэтому знание общих принципов правоустановления, а также функционирования и действия права, типов, методов правового регулирования и правовой культуры в целом, вписывающихся в правовую традицию Китая, актуализирует ряд задач, которые вполне успешно решаются в пособии.

Последовательность изложения материала в книге обусловлена логикой изучения права КНР в теоретико-правовом аспекте, поэтому вполне обоснованно, что пособие открывается главой, посвященной юридической науке и теории права в Китае [7, с. 8–13]. Наиболее пристальное внимание уделено развитию китайской юридической науки с 1949 г. по настоящее время. Отметив вклад советских юристов в дело становления и развития права КНР, авторы утверждают, что сегодня китайские ученые-правоведы комплексно изучают собственное традиционное (древнее) право, национальное право зарубежных стран и право международных организаций, а реализуемая в современном Китае доктрина управления государством на основе закона требует наличия большого количества высококвалифицированных юридических кадров.

Стоит добавить, что интерес китайских правоведов также связан и с взаимовыгодным сотрудничеством во всех сферах жизни двух государств, тем более что в цивилизационном отношении Китай и Россия не так уж далеки, как кажется на первый взгляд. Видимо, поэтому многие видные ориенталисты, такие как К. Витфогель, Р. Пайпс, К. Поппер, З. Бжезинский и др., ставили оба государства в один ряд.

Весьма важной составляющей учебного пособия является раздел о типах правопонимания. Авторы напоминают о том, что присущие западной традиции правовые концепции нельзя автоматически применить к исследованию понимания права в Китае, поскольку китайская правовая традиция уникальна.

Утверждение, с которым трудно не согласиться. Ведь право рассматривается китайцами не просто как система норм, исходящих от государства и выраженных прежде всего в нормативных правовых актах (позитивистское понимание права), но и как форма общественного сознания, выражающаяся в представлениях о том, что морально, а что нет. Как отмечается в книге, для китайского правопонимания характерен приоритет морали над правом.

В разные периоды развития китайской государственности именно мораль стояла в авангарде правовой традиции, и совсем неважно, какой она была по форме и содержанию — даосской, буддистской, конфуцианской или коммунистической. Однозначно, что она всегда задавала вектор правовой эволюции, свидетельством тому выступает факт, что, несмотря на маоистские «культурные» реформы, конфуцианство сохранило свое значение в сфере повседневности. Как выяснилось позже, не чужда эта мораль была и для правящей элиты. Поэтому движение хунвейбинов оказалось попросту незрелым и они не стали оплотом компартии, как комсомольцы в СССР, а превратились в движение мародеров, закончивших свой воинствующий путь в свинарниках. Интересный факт: часть китайской стены, разрушенной хунвейбинами для постройки свинарников, стала их оплотом в сельском хозяйстве, куда уцелевшие члены молодежного движения были отправлены по заданию партии.

Рассматривая далее сущностные черты китайского права, авторы совершенно правильно отмечают его коллективистский (холистический) характер. Поэтому идея верховенства общего над частным породила конструкции, в которых индивид не стал абсолютным носителем субъективных прав, а отсутствие формального равенства среди коммуникантов лишь усугубило причастность к общей судьбе. «Нос соседа» продолжал тревожить общество, поскольку коллективная ответственность и круговая порука повсеместно создавали почти родственную замиренность [4, с. 24]. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что достаточно долгое время в Китае не существовало индивидуализированного субъекта права. Даже в недавно принятом Гражданском кодексе КНР (1 января 2021 г.) в ст. 1 постулируется верховенство общего над частным. П. В. Трощинский отмечает: «Идея принятия кодекса полностью совпадает с необходимостью следования защиты гражданско-правовых отношений, поддержания общественного и экономического строя, в соответствии с потребностями развития социализма с китайской спецификой, утверждения ключевых ценностей социализма» [8, с. 58].

Таким образом, в отличие от западных индивидуалистических версий права, китайские репрезентации увязывались с коллективной ответственностью и долгом как конституирующей скрепой всей правовой жизни. Поэтому практически все китайские доктрины, а позже и марксизм, инкорпорированный из советской культуры, не признавали естественное право, видя в нем «выдумки юристов» [4, с. 23]. Нам представляется, что концепт естественного права в пособии должен использоваться при осмыслении права Китайской Народной Республики как минимум с оговорками, поскольку исходные предпосылки и сущностное

наполнение с точки зрения его функциональной нагрузки и значения для китайской правовой традиции совсем иные, нежели в его западных версиях.

Далее стоит отметить, что авторы особое внимание уделяют правовой культуре и правосознанию. Н. И. Малышева и П. В. Трошинский, с ссылкой на китайских юристов, полагают, что в современной китайской правовой культуре сосуществуют три различные составляющие: «традиционная правовая культура, западная правовая культура и социалистическая правовая культура, в значительной степени воспринятая из Советского Союза. При этом традиционная правовая культура является первичной, тогда как две других — рецепированными, имеющими черты как сходства, так и различия» [7, с. 22]. Представляется важным, что авторы не выносят априорных оценок об уровне правовой культуры Китая. Признавая за правовой культурой право на самостоятельное существование, они фактически актуализируют ее значение для развития мировой цивилизации. Поэтому если европейская традиция апеллирует к индивиду и к институтам гражданского общества, то китайская традиция апеллирует к коллективу и государству как ценностям более высокого порядка.

В ранее опубликованной нами статье утверждалось, что восточная государственность, базирующаяся на азиатском способе производства и авторитарном правлении бюрократии, изначально имела аутентичные предпосылки для формирования особого типа государства, не рабовладельческого и не феодального в европейском смысле. В этом государстве не родовая знать, а бюрократия была главным мобилизирующим началом во всех сферах жизни общества [5, с. 22], а подтверждением этому служит, казалось бы, малозначительный, но очень показательный факт, который приводит известный российский востоковед В. М. Рыбаков в своей статье: «Даже императорские наложницы для тогдашних китайцев были не более чем “внутренними чиновницами” (нэй гуань), и такие названия, как знаменитое (благодаря возлюбленной императора Сюань-цзуна, носившей фамилию Ян) “драгоценная подруга” (гуй фэй) или, скажем, менее известное “благоверная” (пинь) являлись всего лишь обычными наименованиями должностей»¹.

Следует также отметить, что особое внимание авторы пособия уделяют доктринальной основе социалистического права как стержню современной китайской правовой традиции, причем не маоистской, а дэнсянпиньской версии, сочетающей в своей основе конфуцианский традиционализм и социалистическую модернизацию с элементами включения в нее рыночных механизмов хозяйствования. В этой связи представляют исследовательский интерес извлечения из партийных документов на страницах пособия. Так, в отчетном докладе Центрального комитета (ЦК) КПК на XVIII съезде в 2012 г. впервые был официально представлен набор «социалистических сердцевинных ценностных воззрений», характеризующих духовные ориентиры современного

¹ Рыбаков В. М. О передаче на русский язык названий некоторых китайских дворцовых должностей периода Тан (618–907) // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь М. Е. Кравцовой. СПб., 2023. С. 222–237.

китайского государства и общества: богатство и сила (фуцян), демократия (миньчжу), цивилизованность (вэньмин), гармония (хэсе); свобода (цзыю), равенство (пиндэн), справедливость (гунч жэн), власть закона (фачжи); патриотизм (айго), преданность своему делу (цзинье), честность (чэнсинь), дружба и доброта (юшань).

Ссылаясь на Си Цзиньпина, авторы показывают специфику китайского права, которую необходимо учитывать при изучении правовых реалий: «1) У каждой страны и у каждой нации разные исторические традиции, культурное наследие, базовая национальная специфика, поэтому путь развития обязательно отличается собственной спецификой. 2) Китайская культура вобрала в себя самые глубокие духовные поиски китайской нации — это неустанное порождение жизни китайской нации, развитие ее широкого добросердечия (фэн хоу цышань). 3) Лучшая китайская традиционная культура является выдающимся преимуществом китайской нации. 4) Социализм с китайской спецификой укоренен в плодородной почве китайской культуры, отражает желания китайского народа, соответствует требованиям Китая и эпохи развития и прогресса, имеет глубокие исторические истоки и обладает широкой реальной основой. <...> На официальном уровне выдвинуты призывы к воспитанию у китайцев высокого уровня культурного самосознания (вэньхуа цзыцзюэ) и уверенности в собственной культуре (вэньхуа цзысинь). Сегодня в Китае на первое место вышел вопрос о продвижении собственных достижений во внешний мир» [7, с. 19–20].

Действительно уникальный синтез марксизма с конфуцианской интеллектуальной традицией показал всему миру плодотворный «брачный союз» [4, с. 25], базирующийся на идее верховенства общественного над личным и верховенства государства в его партократической версии.

Рассматривая современную форму китайского государства с точки зрения его цивилизационного развития, авторы пособия подчеркивают его сложность и уникальность, несводимость к универсальным моделям. Поэтому не навешивая либеральную мишуру на его стержень, признавая авторитаризм как позитивную сущность китайской публичности, Н. И. Малышева и П. В. Трощинский переходят к характеристике догмы права, которой в книге уделяется большое значение. Более половины текста пособия посвящено характеристике норм материального и процессуального права. Несомненно, что знакомство наших студентов, аспирантов и преподавателей с выдержками из китайского законодательства расширяет их горизонт понимания права во всем многообразии его социокультурных форм.

Любопытным моментом изложения китайского права является лингвокультуральный и художественный анализ текстов литературных произведений, изящно вставленных в главу по китайской правовой культуре и правосознанию. Указанный прием хорошо известен в рамках такого направления, как право в литературе, исследующего правовую тематику в литературных произведениях. В данном случае использована фабула романа Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» [6], в котором главная героиня занята поисками справедливости в праве.

Завершает пособие глава, подводящая итоги исследованию правовой системы КНР в теоретико-правовом аспекте. Обращается внимание на то, что правовая система КНР включает не только право континентального Китая, но и право возвращенных в 1997 и 1999 гг. особых административных районов (ОАР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао). Таким образом, право Гонконга и право Макао вместе с социалистическим правом КНР создают неповторимый ансамбль, характеризующийся правовым эклектизмом и успешно функционирующий уже многие годы. Концепция «одно государство, две системы» предполагает существование единого унитарного государства со смешанными системами внутри него. Налицо фактическая конвергенция двух противоположных по существу социалистической и капиталистической систем, осуществляемая под руководством КПК при сохранении территориального единства государства для достижения сугубо прагматических целей.

В целом солидаризируясь с позицией авторов пособия на предмет понимания китайского права и его сущности, отметим, что выход в свет подобной работы — это действительно важная веха в преподавании теории и истории государства и права, а также сравнительного правоведения, поскольку рецензируемое учебное пособие обнаруживает новаторский характер. В нем впервые осуществлена попытка уйти от европоцентристских клише и негативных оценок восточной государственности и права. Это первое учебное издание, которое в рамках образовательного процесса подготовки будущих юристов со знанием китайского языка и права КНР знакомит широкую аудиторию с особенностями китайской правовой традиции, показывая многообразие социокультурных форм. В завершение следует поздравить авторов и читателей с выходом замечательной работы, достойной вдумчивого прочтения.

Вышеизложенное дает основание полагать, что ориенталистские мифологемы и идеологемы о «внеисторичности» Китая и его «деспотическом характере» при отсутствии права, растиражированные в свое время, пересматриваются, а управленческий потенциал Китайского государства заслуживает внимания, и это, несомненно, шаг вперед к многополярному миру.

Список источников

1. Киссинджер Г. А. О Китае. М.: АСТ, 2017. 635 с.
2. Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. М.: Проспект, 2020. С. 63–79.
3. Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция в политико-правовых дискурсивных практиках // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 141–146.
4. Ломакина И. Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 17–25.
5. Ломакина И. Б. Понимание восточной государственности в агро-гидравлической концепции К. А. Виттфогеля // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (50). С. 31–43.

6. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь / пер. с кит. О. П. Родионовой. СПб.: Гиперион, 2015. 286 с.
7. Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2022. 197 с.
8. Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 2. С. 56–68.

References

1. Kissindzher G. A. O Kitae. M.: AST, 2017. 635 s.
2. Lomakina I. B. Konstruktivistiskaya antropologo-pravovaya kontseptsiya pravoporyadka // Pravoporyadok: elementy obshej teorii / pod obsh. red. M. A. Belyaeva, V. V. Denisenko, A. I. Klimenko. M.: Prospekt, 2020. S. 63–79.
3. Lomakina I. B. Orientalistskaya traditsiya v politiko-pravovykh diskursivnykh praktikah // Kriminalist. 2024. № 1 (46). S. 141–146.
4. Lomakina I. B. Politiko-pravovaya traditsiya Vostoka: problema ponimaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (89). S. 17–25.
5. Lomakina I. B. Ponimanie vostochnoj gosudarstvennosti v agro-gidravlicheskoj konceptsii K. A. Vittfogelya // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 2 (50). С. 31–43.
6. Lyu Chzheln`yun`. Ya ne Pan` Czin`lyan` / per. s kит. О. Р. Rodionovoj. SPb.: Giperion, 2015. 286 s.
7. Malysheva N. I., Troshhinskij P. V. Pravo Kitajskoj Narodnoj Respubliki: teoretiko-pravovoj aspekt: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2022. 197 s.
8. Troshchinskij P. V. Kodifikatsiya grazhdanskogo zakonodatel`stva Kitaya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2021. Т. 17. № 2. S. 56–68.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-124-128

Ю. Г. Бабаева

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова,
Москва, Российская Федерация,
babaevayg@ks.mos.ru

С. В. Пашенцева

Российский государственный социальный университет,
Москва, Российская Федерация,
sp10-73@mail.ru

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: РОЛЬ ВЫДАЮЩИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СОХРАНЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (К 200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И ВОЦАРЕНИЯ НИКОЛАЯ I)»

Аннотация. Статья представляет собой обзор научной конференции, на которой обсуждались важные историко-правовые вопросы, связанные с восстанием декабристов, с развитием государства и права в первой половине XIX в. Показано содержание докладов, прозвучавших на пленарном заседании. Отмечены основные идеи, высказанные участниками мероприятия. Констатируется неснижающийся интерес научной общественности к историко-правовому прошлому, в том числе к периоду правления императора Николая I. Подчеркнуто важное значение приобщения к науке студенческой молодежи.

Ключевые слова: движение декабристов; Николай I; государственность; правовые реформы; историко-правовая наука.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-161-124-128

Yu. G. Babayeva

Moscow City University of Management

Yu. M. Luzhkov Moscow Government,

Moscow, Russian Federation,

babaevayg@ks.mos.ru

S. V. Pashentseva

Russian State Social University,

Moscow, Russian Federation,

sp10-73@mail.ru

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «THE STATE AND SOCIETY: THE ROLE OF PROMINENT STATESMEN IN PRESERVING RUSSIAN STATEHOOD (ON THE 200TH ANNIVERSARY OF THE DECEMBRIST UPRISING AND THE ACCESSION OF NICHOLAS I)»

Abstract. The article is an overview of a scientific conference that discussed important historical and legal issues related to the Decembrist uprising, the development of the state and law in the first half of the nineteenth century. The content of the reports presented at the plenary session is shown. The main ideas expressed by the participants of the event are highlighted. The scientific community's continuing interest in the historical and legal past, including the reign of Emperor Nicholas I, has been noted. The importance of introducing students to science was emphasized.

Keywords: the Decembrist movement; Nicholas I; statehood; legal reforms; historical and legal science.

Всероссийская научная конференция «Государство и общество: роль выдающихся государственных деятелей в сохранении российской государственности», приуроченная к 200-летию восстания декабристов и воцарения Николая I, прошла 18–19 декабря 2025 г. в Московском городском университете управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова и была организована при участии Ассоциации историков права. Мероприятие, как и прошедшие ранее конференции [1], объединило как опытных ученых, докторов и кандидатов наук, так и студентов, которые делают только первые шаги в приобщении к научному восприятию историко-правовой реальности. Целью конференции стало обсуждение вопросов взаимодействия государства и общества в кризисные периоды истории, связанных с ролью выдающихся государственных деятелей в сохранении российской государственности.

На пленарном заседании прозвучали приветственные выступления проректора Университета Правительства Москвы Алексея Анатольевича Александрова и руководителя Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Ильи Валентиновича Чечельницкого. Также было зачитано приветствие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Николаевны Москальковой.

В рамках заседания прозвучали научные доклады участников, которые представляли московские и региональные вузы, включая Красноярск и даже Владивосток. Все выступления были объединены общей тематикой, связанной с развитием государства и права в первой половине XIX в., взаимодействием власти и общества, ролью личности в проведении реформ и развитии права.

Пленарное заседание открылось докладом доктора юридических наук, профессора Дмитрия Алексеевича Пашенцева, который констатировал, что 200-летие восстания декабристов и воцарения Николая I — это хороший повод для предметного разговора о взаимоотношении государства и общества, о допустимых путях воздействия на власть с целью побуждения ее к назревшим преобразованиям, о правовых основах негласного общественного договора. По словам докладчика, восстание декабристов сегодня воспринимается как одно из важных событий отечественной истории, повлиявших на последующее развитие государства. Фактически впервые восставшие против монарха представители элиты хотели не смены самодержца, но изменения всей системы государственного устройства. При этом оценки данного события с течением времени меняются. В советское время декабристы рассматривались как безусловные герои, которые, несмотря на всю наивность своих идей, положили начало революционному движению. Сегодня можно услышать противоположные оценки, акцентирующие внимание на противоправности выступления против законной государственной власти, на нарушении присяги, жестокости планировавшегося уничтожения всей императорской семьи.

Д. А. Пашенцев резюмировал, что каждое время дает свою оценку, но в любом случае речь не идет о равнодушном отношении к данному событию. Несомненно, оно повлияло на последующую политику Николая I и его надо учитывать при исследовании государственно-правового развития Российской империи.

Кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации Александр Вячеславович Федоров рассказал о том, как в политико-правовой мысли и законодательстве Российской империи рассматривались и решались вопросы, связанные с уголовной ответственностью коллективных образований и юридических лиц. Докладчик привел ряд аргументов в пользу введения такой ответственности в современных условиях, ответил на возникшие у участников вопросы.

Заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция», член Ассоциации историков права, кандидат юридических наук Елена Александровна Поворова аргументировала гипотезу, что советская наука создала вокруг

движения декабристов своего рода социальный миф, который во многом сохраняется и сегодня. В своем выступлении она подчеркнула, что культура влияет на формирование социума, эволюцию власти и права. Было констатировано, что право — это феномен культуры, который не существует вне и без человека. В подтверждение был приведен ряд цитат из недавно опубликованной в журнале «Российская юстиция» статьи Д. А. Пашенцева «Интерпретация в праве: историко-теоретический аспект» [2].

В выступлении доктора юридических наук, профессора Натальи Евгеньевны Борисовой были раскрыты ценностные основания взаимодействия государства и общества, при этом докладчик подчеркнул преемственность между периодом Российской империи и современностью.

С большим интересом был встречен доклад Игоря Васильевича Коновалова, художественного руководителя ансамбля звонарей Московского Кремля и храма Христа Спасителя, который подробно рассказал о личности Николая I, его вкладе в развитие отечественной государственности и культуры, показал субъективно обусловленные аспекты николаевского правления и подвел его итоги.

Бурную дискуссию вызвало выступление кандидата исторических наук Павла Петровича Марчени, который попытался отстаивать сформировавшуюся в советский период позицию о взаимодействии государства и общества и о роли революций в этом процессе. Докладчик подчеркнул значение патриотизма как важнейшей ценности социального развития.

Доктор юридических, политических и исторических наук Павел Николаевич Дудин рассказал о том, как в период правления Николая I в России развивалось китаеведение. Он констатировал зарождение в этот период русской востоковедной традиции, охарактеризовал ее выдающихся представителей, провел мостик к современным исследованиям Китая.

В докладе Юлии Григорьевны Бабаевой были подробно раскрыты особенности конфессиональной политики Николая I, подчеркнуты те меры, которые император предпринимал для укрепления православия.

Во второй день конференции были проведены две секции: «Роль личности в развитии российской государственности в первой половине XIX в.» и «Государство и общество: историко-правовые последствия восстания декабристов». С докладами выступили студенты, представлявшие Университет Правительства Москвы, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, другие учебные заведения. Обсуждался широкий круг вопросов в рамках общей тематики мероприятия: конституционные идеи декабристов, правовые реформы XIX в., положение крестьян в Российской империи и др.

В целом конференция подчеркнула сохраняющийся интерес научной общественности к событиям, связанным с восстанием декабристов, а также внимание студенческой молодежи к историко-правовому прошлому.

Список источников

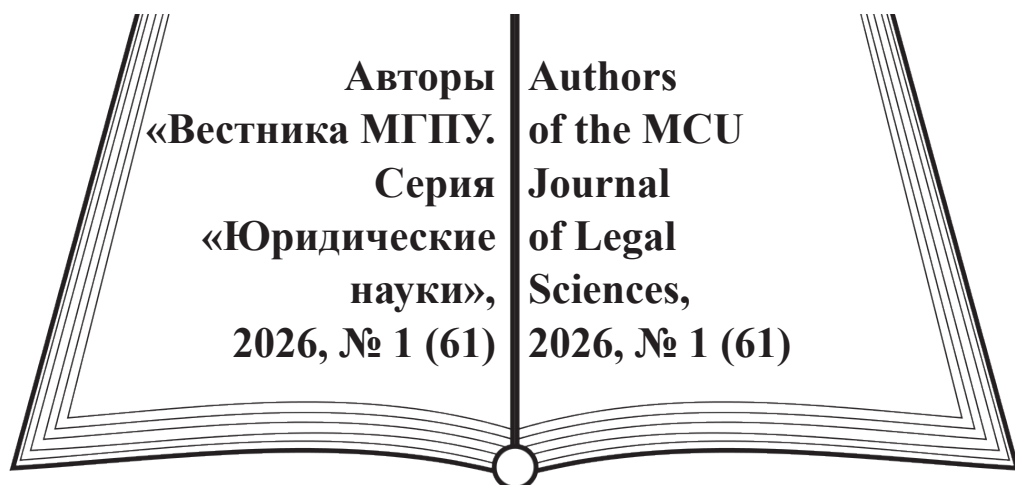
1. Бойченко Л. В., Пашенцева С. В. Обзор III Всероссийского форума историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки» // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 4. С. 129–133.
2. Пашенцев Д. А. Интерпретация в праве: историко-теоретический подход // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 39–46.

References

1. Bojchenko L. V., Pashentseva S. V. Obzor III Vserossijskogo foruma istorikov prava «Traditsionnye tsennosti, semya i obshestvo v fokuse istoriko-pravovoj nauki» // Vestnik MGPU. Serija «Juridicheskie nauki». 2024. № 4. S. 129–133.
2. Pashentsev D. A. Interpretatsija v prave: istoriko-teoreticheskij podhod // Rossijskaja justicija. 2025. № 12. S. 39–46.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025;
одобрена после рецензирования: 18.10.2025;
принята к публикации: 05.11.2025.

The article was submitted: 18.09.2025;
approved after reviewing: 18.10.2025;
accepted for publication: 05.11.2025.

Амельченя Юлия Александровна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, социального и экологического права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Amelchenya Yulia Alexandrovna — PhD in Law, Associate Professor, Leading researcher of the Department of Research in the Field of Civil, Social and Ecologic Law of the Institute of legal research of the National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus.

E-mail: amelchenya@center.gov.by

Бабаева Юлия Григорьевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова.

Babayeva Yulia Grigorievna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence at the Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov.

E-mail: babaevayg@ks.mos.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor in Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorskiy Andrey Yuryevich — Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management of the St. Petersburg State University.

E-mail: dorski@yandex.ru

Исаев Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Isaev Igor Andreevich — Doctor in Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation.

E-mail: iaaisaev@msal.ru

Ладнушкина Нина Михайловна — доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Ladnushkina Nina Mikhailovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Law, Institute of Economics, Management, and Law of the Moscow City University.

E-mail: ladnushkinanm@mgpu.ru

Ломакина Ирина Борисовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Lomakina Irina Borisovna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Масленников Степан Евгеньевич — аспирант 2 курса направления «Частно-правовые науки» Московского городского педагогического университета.

Maslennikov Stepan Evgenievich — 2nd year postgraduate student in private law sciences of the Moscow City University.

E-mail: maslennikovse@mgpu.ru

Мишустин Станислав Сергеевич — кандидат биологических наук, главный специалист отдела по организационно-методической работе и взаимодействию с регионами Национального медицинского исследовательского центра «Лечебно-реабилитационный центр» Минздрава России.

Mishustin Stanislav Sergeevich — PhD in Biological Sciences, Chief Specialist of the Department of Organizational and Methodological Work and Interaction with Regions of the National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre of the Ministry of Health of the Russian Federation.

E-mail: mishustinss@mail.ru

Орлова Инна Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Orlova Inna Anatolyevna — PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of European Studies of the St. Petersburg State University.

E-mail: innaorlova@yandex.ru

Пашенцева Светлана Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики Российского государственного социального университета.

Pashentseva Svetlana Vasilievna — PhD in Historical, Sciences Associate Professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavioural Science of the Russian State Social University.

E-mail: sp10-70@mail.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Чернокожев Дмитрий Владимирович — главный специалист отдела по организационно-методической работе и взаимодействию с регионами Национального медицинского исследовательского центра «Лечебно-реабилитационный центр» Минздрава России.

Chernokozhev Dmitry Vladimirovich — Chief Specialist of the Department for Organizational and Methodological Work and Interaction with Regions of the National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre of the Ministry of Health of the Russian Federation.

E-mail: dchernokozhev@med-rf.ru

Четвергов Дмитрий Сергеевич — эксперт 1-й категории Управления регулирования платформенных и информационных сервисов Департамента инфраструктуры финансового рынка Центрального банка Российской Федерации.

Chetvergov Dmitry Sergeevich — 1st Category Expert of the Department for Regulation of Platform and Information Services of the Department of Financial Market Infrastructure of the Central Bank of the Russian Federation.

E-mail: mitridat1999@yandex.ru

Шаврова Татьяна Николаевна — главный специалист отдела по организационно-методической работе и взаимодействию с регионами Национального медицинского исследовательского центра «Лечебно-реабилитационный центр» Минздрава России.

Shavrova Tatyana Nikolaevna — Chief Specialist of the department for organizational and methodological work and interaction with the regions of the National Medical Research Treatment and Rehabilitation Centre of the Ministry of Health of the Russian Federation.

E-mail: tshavrova@med-rf.ru

Шульга Сергей Витальевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Shulga Sergey Vitalievich — PhD in Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: const7@izak.ru

Яворский Сергей Анатольевич — юрист ООО «БизнесИнТел».

Yavorsky Sergey Anatolyevich — Lawyer, Businessintel LLC.

E-mail: 491899@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолобителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgru.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2026, № 1 (61)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

Т. Е. Михайлова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 18.03.2026 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1 000 экз.